

neg. 9

JK

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 4—3 000 000. 1960 г.

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА.

смотри Записки капитана Рикорда страница 34.

ТАКАТАИ-КАЧИ.

*"Во каждой землѣ есть свои обыкновенія,
но прямо добрыя дѣла вездѣ таковыми
считаются?"*

*Слова Матсуйского Губернатора
см: Записки капитана Голованова,
часть 2^я стр. 185.*

сп. 2488. + y

ЗАПИСКИ

62.3(2)У

Р50

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА

О ПЛАВАНИИ ЕГО

КЪ ЯПОНСКИМЪ БЕРЕГАМЪ

ВЪ 1812 И 1813 ГОДАХЪ,

И

О СНОШЕНІЯХЪ СЪ ЯПОНЦАМИ.

Напечатаны по Высочайшему повелѣнію.

232726

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ Морской Типографіи 1816 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги, для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 1816 года Октября 2 дня.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Г. Яценковъ.*

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ, ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

и прочая, и прочая, и прочая.

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

По повелѣнію вышняго начальства, совершенно мною троекратное плаваніе къ берегамъ Японскимъ, для освобожденія Капитана Головина, Митмана Мура, Штурмана Хлѣбникова, четверыхъ матрозовъ и одного Курильца, захваченныхъ Японцами. Всевышній благословилъ сіе предпріятіе вождельными успѣхами: Японцы, убѣдясь въ миролюбивомъ къ нимъ расположеніи Россіи, освободили нашихъ соотечественниковъ, и сверхъ того положено основаніе будущему сближенію двухъ сосѣдственныхъ народовъ ко взаимной ихъ выгодѣ, издавна желаемому Россійскимъ Правительствомъ, но неудававшемуся отъ непредвидимыхъ причинъ.

*Дерзаю посвятить Всеавгустѣйшему имени ВАШЕ-
ГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, напечатанное по
Высочайшему повелѣнію ВАШЕМУ на счетъ Кабинета
повѣствованіе о семъ подвигѣ, предпріятои съ
ревностнымъ желаніемъ принести пользу отечеству.*

**ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**

**Вѣрноподанный
Петръ Рикордъ,**

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Страницы.

Взятіе *Японцами* Капишана *Головнина* при островѣ *Кунаширѣ*. Шлюпъ снимается съ якоря и подходитъ къ крѣпости. *Японцы* начинаютъ стрѣлять въ насъ изъ пушекъ; мы имъ отвѣчаемъ, сбиваемъ одну башарю, но главной крѣпости не могли никакого вреда причинить. Покушенія наши объяснились съ *Японцами*, но безъ успѣха. Хищрость ими употребленная для завладѣнія нашею шлюпкою. Мы оставляемъ на берегу письмо и нѣкопорыя вещи для плѣнныхъ нашихъ соотечественниковъ и отплываемъ къ *Охотску*. Прибытіе въ *Охотскѣ* и отправление мое въ *Иркутскѣ*; трудности и опасности пути сего. Весною я возвращаюсь опять въ *Охотскѣ* съ *Японцемъ Леонзаймомъ*. Приготовленіе шлюпа къ походу, на которой я беру привезенныхъ изъ *Камтатки* 6 чело-вѣкъ *Японцевъ* и отправляюсь къ острову *Кунаширу*. Опасность угрожавшая намъ кораблекрушеніемъ при островѣ *Се: Іоны*. Прибытіе въ заливъ *Измины*. Безуспѣшныя наши покушенія открыть переговоры съ *Японцами*. Упрямство и злость *Леонзайма*, и объявленіе его, что наши плѣнные убиты. Я отпускаю привезенныхъ на шлюпѣ *Японцевъ* на берегъ и беру съ *Японскаго* судна другихъ людей, въ томъ числѣ Начальника онаго, отъ котораго мы узнаемъ, что наши живы. Отправление наше со взятыми *Японцами* изъ *Кунашира* и благополучное прибытіе въ *Камтатку*

Зимованіе въ *Камтаткѣ*. Нравъ, поступки и обращеніе плѣннаго нами *Японца* по имени *Такатая - Кази*. Свѣденія полученные отъ него о нашихъ плѣнныхъ и о *Японіи*. Отправление шлюпа изъ *Камтатки* и прибытіе къ *Кунаширу*. Спранной поступокъ *Такатая-Кази*, и понятіе *Японцевъ* о чести. Расположеніе Начальника крѣпости вступить съ нами въ переговоры. Я посылаю одного изъ *Японцевъ* на берегъ; онъ возвращается и до-

ставляешь мнѣ официальную бумагу отъ *Японскихъ* Чиновниковъ. *Кахи* отправляется на берегъ и возвращается съ приятнымъ извѣстіемъ, что *Японцы* рѣшились начать съ нами переговоры. Доставка къ намъ своеручной записки Капитана *Головина*, изъ коей узнали мы, что они все живы. Прибытіе изъ *Матсмая* значащихъ Чиновниковъ для переговоровъ съ нами, которые и производились посредствомъ *Таката-Хахи*. Свиданіе съ однимъ изъ плѣнныхъ нашихъ матрозовъ, которой доставляетъ мнѣ письмо отъ *Г. Головина*, тайно отъ *Японцевъ* симъ матрозомъ привезенное. Требованія Японскаго Правительства; согласіе мое удовлетворить онымъ, на каковой конецъ я отправляюсь въ *Охотскъ*. Прибытіе въ сей портъ, занятія наши въ ономъ, и приготовленія къ прѣшему походу предпринимаемому нами для освобожденія нашихъ плѣнныхъ

51.

Отправленіе шлюпа изъ *Охотска*. Прибытіе на видъ *Японскихъ* береговъ. Продолжительныя бури и противные вѣтры, насъ встрѣтившіе. Мы достигаемъ порта *Эдомо*, получаемъ тамъ лоцмана и отправляемся въ *Хакодаде*. Приемъ, сдѣланный намъ *Японцами*. Переговоры съ ними посредствомъ *Таката-Хахи*. Свиданіе мое съ *Японскими* Чиновниками на берегу. Пошомъ свиданіе съ *Г. Головинымъ*. Объясненіе нѣкоторыхъ спашей, заключающихся въ требованіи Японскаго Правительства. *Японцы* рѣшаются освободить нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ и назначаютъ для сего день, въ которой я приѣзжаю на берегъ, и возвращаюсь на шлюпъ съ освобожденными нашими плѣнными. Учтивости и привѣтствія *Японскихъ* Чиновниковъ посѣдившихъ шлюпъ. Мы отправляемся въ путь, терпимъ въ море ужасную бурю, и достигаемъ наконецъ благополучно *Петропавловской* гавани. Несчастная участь, постигшая *Г. Мура*

90.

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА.

1811 года, 11 числа, въ 11 часовъ по полуночи, и, ежели считашь по древнему обычаю съ Сенсября, то и 11 мѣсяца Іюля, постигло насъ шо печальное происшествіе, кошорое останешся въ памяти всѣхъ служившихъ на шлюпѣ *Діанѣ* на всю жизнь неизгладимымъ, и всегда будешъ возобновлять скорбныя чувствованія при воспоминаніи объ ономъ. Извѣстно чинашелямъ, что нещасіе, постигшее Капитана *Головнина*, ввергнувшее насъ въ глубокую тоску и поразившее духъ нашъ недоумѣніемъ, было неожиданно: оно разрушило всѣ наши лестныя виды о возможности возвратишья сего же года въ отечество, коими услаждались мы при отпраздненіи изъ *Камгати* для описи *Курильскихъ* острововъ, ибо, когда свершился роковой ударъ разлученіемъ насъ самымъ ужаснѣйшимъ образомъ съ досшойнымъ и любимымъ нашимъ Начальникомъ и съ пашилѣшними сослуживцами, никшо уже не помышлялъ о возвращеніи къ своимъ родшвенникамъ и друзьямъ, а всѣ положили швердое упованіе на Бога и единодушно рѣшились, какъ офицеры, такъ и команда, не оставлять *Японскихъ* бере-

говѣ, доколѣ не испытаемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для освобожденія своихъ сослуживцевъ, есѣли они въ живыхъ; есѣли же они, какъ мы иногда полагали, убиты, доколѣ не опомсшимъ надлежащимъ образомъ на шѣхъ же самыхъ берегахъ.

Проводивъ *Г. Головнина* со всѣми съѣхавшими съ нимъ на берегъ въ зришельныя шрубы до самыхъ городскихъ ворошъ, куда они были введены въ сопровожде-
ніи великаго числа людей и, какъ намъ казалось по оп-
личному разноцвѣшному одѣянію, значащихъ *Японскихъ*
Чинowników, и руководсвующь одинакими съ *Г. Го-*
ловнинымъ правилами, я ни мало не подозрѣвалъ *Япон-*
цевъ въ вѣроломствѣ, и до такой степени былъ ослѣп-
ленъ увѣренностью въ искренности ихъ поступковъ,
что, оставшись на шлюпѣ, занимался приведеніемъ все-
го въ лучшій порядокъ на случай пріѣзда *Японцевъ*
вмѣстѣ съ *Г. Головнинымъ*, какъ добрыхъ посѣшителей.
Среди такихъ занятій, около полудня, слухъ нашъ
внезапно поражается сдѣланными на берегу выстрѣлами
и чрезвычайнымъ въ тоже время крикомъ, бѣжавшаго
толпою изъ городскихъ ворошъ народа, прямо къ шлюп-
кѣ, на копорой *Г. Головнинъ* съѣхалъ къ нимъ на берегъ.
Посредствомъ зришельныхъ шрубъ мы явственно видѣ-
ли, какъ сей народъ, въ безпорядкѣ бѣжавшій, со шлюп-
ки расхвашалъ мачшы, паруса, весла и другія принад-
лежности. Между прочимъ казалось намъ, что одного
изъ нашихъ гребцовъ *мохнатыя Курильцы* понесли на
рукахъ въ городскіе вороша, куда вбѣжавъ всѣ, оныя
за собою заперли. Въ ту же минушу настала глубочай-

шая шишина: все селеніе съ морской стороны было завѣшено полосашою бумажною машеріею, и пошому нельзя было видѣшь, что тамъ происходило, а внѣ онаго никшо уже не показывался.

При семъ насильственномъ поступкѣ *Японцевъ*, жестокое недоумѣніе объ участи оставшихся въ городѣ нашихъ сослуживцевъ терзало наше воображеніе. Всякой удобнѣе можешъ постигать по собшвеннымъ своимъ чувствамъ, полагая себя на нашемъ мѣстѣ, нежели я могу то описатьъ. Кто читалъ *Японскую* исторію, шопъ легко можешъ вообразить, чего надлежало намъ ожидать отъ мспишельнаго нрава *Японцевъ*.

Не теряя ни минушы, я приказалъ сняться съ якоря, и мы пошли ближе къ городу, полагая, что *Японцы*, увидя вблизи себя военное судно, переменяшъ свое намѣреніе, и, можешъ бышь, согласяшся, вступи въ переговоры, выдашь нашихъ, захваченныхъ ими. Но вскорѣ уменьшившаяся до $2\frac{1}{2}$ сажень глубина принудила насъ спашъ на якорь еще въ довольномъ разстояніи отъ города, до кошораго хопя ядра наши и могли доспавать, но значительнаго вреда нанесъ были не въ состояніи. И въ то время, какъ мы приготавливали шлюпъ къ дѣйствию, *Японцы* открыли огонь съ поставленной на горѣ башарей, кошорой ядра брали еще на нѣкоторое разстояніе далѣ нашего шлюпа. Сохраняя честь ошечественнаго и уважаемаго всѣми просвѣщенными Державами, а теперь оскорбленнаго флага, и чувствую правосъ своего дѣла, приказано было мною оп-

крыть пальбу по городу съ ядрами. Около 170 выстрѣловъ сдѣлано было со шлюпа: намъ удалось сбить упомянутую на горѣ башарею; при этомъ мы примѣтили, что шѣмъ не сдѣлали желаемого нами впечатлѣнія на городъ, закрываемый съ морской стороны землянымъ валомъ; равно и ихъ выстрѣлы не сдѣлали никакого поврежденія на шлюпѣ. Посему я счелъ за бесполезное далѣе оставаться въ семъ положеніи: приказалъ прекратить пальбу и сниматься съ якоря. *Японцы*, по видимому, ободренные прекращеніемъ нашего огня, палили безъ разбору во все время нашего удаленія отъ города. Не имѣя достаточнаго числа людей на шлюпѣ, коими можно бы было сдѣлать высадку, не въ состояніи мы были предпринять ничего рѣшительнаго въ пользу нашихъ несчастныхъ соповарищей: всѣхъ людей на шлюпѣ оставалось съ офицерами 51 человекъ. Потеря любимого и почитаемого ими Капитана, который о нихъ въ преплытіи великихъ морей, и при перемѣнахъ разныхъ климатовъ, шолкое прилагалъ шщаніе, потеря прочихъ сослуживцевъ, испоргнувшихъ коварствомъ изъ среды ихъ и можетъ быть, какъ полагали, лютейшимъ образомъ умерщвленныхъ, — все сіе до неимовѣрной степени огорчило служащихъ на шлюпѣ и возбудило въ нихъ желаніе опмстить вѣроломству, до такой степени, что всѣ съ радостію готовы были броситься въ средину города и мстить рукою или доставивъ свободу своихъ соопеченниковъ или заплащя дорогою цѣною за коварство *Японцевъ*, пожертвовать самою жизнію. Съ такими людьми и при такихъ чувствованіяхъ неспрудно было

бы произвѣсть сильное впечатлѣніе надъ коварными врагами; но тогда бы шлюпъ оспавался безъ всякой защиты и могъ легко бытъ преданъ огню: всякое удачное и неудачное покушеніе оспалось бы въ *Россіи* навсегда неизвѣстнымъ, равно и собранныя нами свѣденія въ сей послѣдней экспедиціи при описаніи южныхъ *Курильскихъ острововъ* и много времени и трудовъ споящее описаніе Географическаго положенія сихъ мѣстъ, не принесли бы также никакой ожидаемой отъ того пользы. Опошедъ далѣе отъ города, спали мы на якорь въ такомъ разстояніи, чшобы ядра съ крѣпосши до насъ не могли доспавать, а между тѣмъ положено было написатъ къ попавшемуся въ плѣнъ нашему Капишану письмо. Въ ономъ изложили мы, сколь чувствительна намъ была потеря въ лишеніи своего Начальника и сослуживцевъ, и сколь несправедливъ и прошивенъ народному праву поспунокъ *Кунаширскаго* Начальника; извѣстили, что опправляемся теперь въ *Охотскъ* для донесенія вышнему начальству, что всѣ на шлюпѣ до единого, гошovy будущъ положишь жизнь свою, естли другихъ не будешъ средствъ къ ихъ вырученію. Письмо подписано всѣми офицерами и положено въ споявшую на рейдѣ кадку. Къ вечеру мы еще опшгнулись по заводу далѣе отъ берега и провели ночь во всякой гошовности опразить нечаянное нападеніе непріятеля.

Поушру мы видѣли съ помощію зришельныхъ шрубъ вывозимые изъ города на вьючныхъ лошадяхъ пожишки, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобы мы не

покусились какимъ либо средствомъ сжечь городъ. Въ 8 часовъ утра, руководствуясь, хотя съ крайнею печалію, необходимою должностію службы, отданнымъ отъ себя приказомъ принялъ я по старшинству моего чина шлюпъ и команду въ свое вѣденіе, и потребовалъ отъ всѣхъ остававшихся на шлюпѣ офицеровъ письменнаго мнѣнія о средствахъ, какое кпо изъ нихъ признаетъ за лучшее къ вырученію нашихъ соотчичей. Общимъ мнѣніемъ положено оставить непріятельскія дѣйствія, отъ которыхъ еще можешь сдѣлаться хуже участь плѣнныхъ, и *Японцы*, можешь быть, покусятся чрезъ то и на жизнь ихъ, если она еще сохранена, а иди въ *Охотскъ*, для донесенія о семъ вышнему начальству, которое можешь избрать надежныя средства къ вырученію захваченныхъ, есшли они живы, или къ отмщенію за коварство и нарушеніе народнаго права, въ случаѣ ихъ умерщвленія.

По разсвѣтѣ послалъ я Шпурманскаго Помощника *Средняго* на шлюпкѣ къ поставленной на рейдѣ кадкѣ осмотрѣть, взято ли шрешьяго дня положенное наше письмо. Онъ, не доѣхавъ еще до оной, услышалъ въ городѣ барабанный бой, и возвратился въ чаяніи, что изъ города его атакуютъ на гребныхъ судахъ. И въ самомъ дѣлѣ примѣтили мы одну опвалившую байдару; но она нѣсколько отъѣхавъ отъ берега, поставила еще вновь кадку съ черными флюгарками. Увидѣвъ сіе, мы тотчасъ снялись съ якоря, въ намѣреніи подойти ближе къ городу и пославъ гребное отъ себя судно осмотрѣть помянутую кадку, не найдется ли въ оной

письма, или чего другаго, по коему бы мы могли до-
 знахся объ участи нашихъ товарищей; но скоро при-
 мѣнили, что сія кадка прикрѣплена была къ веревкѣ, у
 коей конецъ былъ на берегу, и съ помощію коей не-
 чувствительно прищипывали ее къ берегу, думая та-
 кимъ образомъ заманить шлюпку ближе и завладѣвъ ею.
 Примѣня сіе коварство, мы стали потчасъ на якорь.
 При малѣйшей возможности ласкали мы себя надеждою
 узнать объ участи несчастныхъ сопутниковъ нашихъ;
 ибо съ того самаго времени, какъ сдѣлались они жерш-
 вою *Японскаго* вѣроломства, судьба ихъ была для
 насъ совершенно неизвѣстна. Съ одной стороны думали
 мы, что мстительность *Азіятская*, при такомъ не-
 пріязненномъ расположеніи, не допуститъ ихъ остав-
 лая нашихъ плѣнныхъ долгое время въ живыхъ, а
 съ другой, рассуждали, что *Японское* Правитель-
 ство, похваляемое всѣми за особенное благоразуміе
 конечно не рѣшится оказать мщеніе надъ 7 чело-
 вѣками, во власъ его попавшимися. Теряясь та-
 кимъ образомъ въ неизвѣстности, мы ничего не мог-
 ли лучшаго придумать, какъ показать *Японцамъ*,
 что считаемъ нашихъ товарищей живыми, и что
 никакъ не воображаемъ, чтобы въ *Японіи* жизнь по-
 павшихся въ плѣнъ не также сохранялась, какъ въ
 прочихъ просвѣщенныхъ Государствахъ. На сей конецъ
 послалъ я Мичмана *Филатова* къ одному оставленно-
 му безъ людей селенію, на мысу находящемуся, прика-
 завъ ему оставить пригошовленное и укладенное по-

рознь съ надписями для каждаго изъ офицеровъ бѣлье, бришвы и нѣсколько книгъ, а для мажорантовъ плащье.

14 числа, съ горестными чувствованіями, оставили мы заливъ *Измѣны*, по справедливости названный симъ именемъ офицерами шлюпа *Діаны*, и пошли прямѣйшимъ пракшомъ къ *Охотскому* порту, будучи во все почти время окружены непроницаемымъ густымъ туманомъ. Одна сія туманная погода причиняла плаванію сему нѣкошорую непріятность; вѣтры же были благопріятны и умѣренны. Но ужаснѣйшая изъ всѣхъ бурь свирѣпствовала въ душѣ моей, доколь мы по тихости вѣтровъ, нѣсколько дней плавали въ виду ненависнаго острова *Кунашира*! Слабый лучъ надежды по временамъ подкрѣплялъ мой унылый духъ; я льстил-ся мечшою, что мы еще не навсегда разлучены съ нашими товарищами; съ утра до вечера я осматривалъ въ зрительную трубку весь морской берегъ, надѣясь узрѣть кого нибудь изъ нихъ на челнокѣ, спасагося изъ жестокаго плѣна, по внушенію самаго Провидѣнія; но когда мы вышли въ пространство *Восточнаго океана*, гдѣ зрѣніе наше за густою тумана простиралось только на нѣсколько сажень; тогда самыя мрачныя мысли мною овладѣли и не преспавали днемъ и ночью наполняя мое воображеніе различными мечтами. Я жилъ въ каюшѣ, кошорую 5 лѣтъ занималъ другъ мой *Головинъ*, и въ кошорой многія вещи оставались въ томъ же порядкѣ, какъ были положены имъ самимъ въ самой день его отъѣзда на злополучный берегъ; все сіе напоминало весьма живо о недавнемъ его присутствіи.

Офицеры, входившіе ко мнѣ съ докладами, часто по привычкѣ ошибались, называя меня именемъ Г. *Головнина*, и при сихъ ошибкахъ возобновляли скорбь, извлекавшую у нихъ и у меня слезы. Какое мученіе перзало душу мою! Давно ли, думалъ я, разговаривалъ я съ нимъ о представлявшейся возможности возстановить доброе съ *Японцами* согласіе, которое было нарушено безразсуднымъ поступкомъ одного дерзкаго человека, и въ чаяніи такого успѣха, мы вмѣстѣ радовались и душевно торжествовали, что сдѣлаемся полезными нашему Отечеству: но какой жестокой оборошъ послѣдовалъ вмѣсто сего? Г. *Головинъ*, съ двумя опличными офицерами и чепырьма мапрозами, општоргнушъ опъ насъ народомъ, извѣстнымъ въ *Европѣ* только по люшйшему прошиву *Христіанъ* гоненію, и участь ихъ покрыва для насъ непроницаемою завѣсою. Такія размышленія доводили меня до опчаянія во всю дорогу.

Черезъ 16 дней благополучнаго плаванія представилось взору нашему строеніе города *Охотска*, какъ будто выраспающее изъ океана. Вновь построенная церковь была выше и красивѣе всѣхъ прочихъ зданій (1). Низменный мысъ, или, лучше сказать, морская опмѣль, на кошорой построень городъ, не прежде съ моря опкрывается, какъ по разсмотрѣніи всѣхъ строеній.

(1) Давно не имѣли мы ушѣшенія видѣшь Божій храмъ! Видъ такого *Христіанскаго* зданія во всякаго мореходца, особенно по испытаніи бѣдствій, вливаетъ какую-то неизъяснимую ободрительную опраду и пораждаешъ благопріятныя мысли о жипеляхъ новой пристани.

Желая снестись, не теряя времени съ портомъ, приказалъ я при поднятіи флага выпалить изъ пушки, и въ ожиданіи лоцмана съ берега, мы легли въ дрейфъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ опть Начальника порта Лейтенантъ *Шаховъ* съ порученіемъ показашъ намъ лучшее мѣсто. По его назначенію, спали мы на якорь. Послѣ сего я ошправился въ *Охотскъ* донестъ о нещастіи и потерѣ нашей на *Японскихъ* берегахъ Начальнику порта флота Капшану *Миницкому*, съ коимъ я и Г. *Головинъ* равнымъ были связаны дружесшвомъ со времени нашего служенія на *Англійскомъ* флотѣ. Онъ изъ-явилъ искреннѣйшее соболъзнованіе въ постигшемъ насъ нещастіи: усерднѣйшимъ принятіемъ взаимнаго участія, благоразумными своими совѣсами и всѣми зависящими опть него пособіями нѣсколько облегчалъ мою скорбь, усугубляемую помышленіемъ, что вышнее начальство изъ одного простаго моего донесенія о взятіи Г. *Головина Японцами*, можетъ заключить по первому взгляду, что я не привелъ въ исполненіе всѣхъ зависѣвшихъ опть меня способовъ для его выручки.

Усмотрѣвъ, что пребываніе мое въ *Охотскѣ*, во время продолжительной зимы, совершенно для службы бесполезно, поѣхалъ я, съ согласія Капшана *Миницкаго*, въ Сенсѣбрѣ мѣсяцѣ въ *Иркутскъ*, въ намѣреніи слѣдовашъ до *Санктпетербурга* для подробнаго донесенія обо всемъ случившемся Г. Морскому Министру и просить его разрѣшенія на кампанію къ *Японскимъ* берегамъ, для освобожденія оставшихся въ плѣну нашихъ соотечесшвенниковъ.

Симъ кончилась кампанія, которая споила намъ толликихъ трудовъ и пожертвованій, перенесенныхъ нами со всею швердосцію въ той утѣшительной мысли, что исполнить волю Правительсва своего, окажемъ оному услугу распросраненіемъ новыхъ свѣдѣній объ опдаленнѣйшихъ мѣсахъ и по возвращеніи своемъ вкусимъ пріятный покой среди соотечественниковъ нашихъ, но вопреки всѣмъ надеждамъ, ужасное несчастіе постигло нашего Начальника и соповарищей!

Мнѣ надлежало въ одну зиму успѣшь совершить предполагаемую въ *Санктпетербургѣ* и обратно въ *Охотскѣ* поѣздки, и пошому я принужденъ былъ, не теряя времени въ ожиданіи зимняго пуши въ *Якутскѣ* (куда я пріѣхалъ въ исходѣ Сенсября), ѣхалъ опять верхомъ до самаго *Иркутска*, что мнѣ удалось исполнить въ 56 дней. Всего разстоянія проѣхалъ я верхомъ 3000 верстъ. Я долженъ признаться, что сія сухопутная кампанія была для меня самая труднѣйшая изъ всѣхъ совершенныхъ мною: верпикальная пряска верховой ѣзды для моряка, привыкшаго носиться по плавнымъ морскимъ волнамъ, мучительнѣе всего на свѣтѣ! Имѣя въ виду поспѣшность, я иногда опваживался проѣзжать двѣ большія въ сушки станціи, по 45 верстъ каждая; но тогда уже не оставалось во мнѣ ни одного состава безъ величайшаго расслабленія; самыя даже челюсти опказывались исполнять свою должностъ; сверхъ сего и осенній пушь отъ *Якутска* до *Иркутска*, возможный только для верховой ѣзды, есть самый опаснѣйшій. Большею частію ѣзда совершается по шропамъ, на круыхъ

косогорахъ, сославляющихъ берега рѣки *Лены*. Во многихъ мѣстахъ прошекающіе съ ихъ вершинъ испочники, замерзающъ вышуклымъ весьма скользкимъ льдомъ, называемымъ *Ленскими* жишелями *накипень*, и какъ *Якутскія* лошади вообще не подковываются, то всегда почти, переѣзжая черезъ ледъ, падаютъ. Однажды я, не досмотрѣвъ шакого опаснаго *накипеня* и ѣхавши довольно скоро, упалъ съ лошади и, не успѣвъ освободить ногъ изъ стремени, покашился вмѣстѣ съ нею по косогору, и заплашилъ за неосмотрительность поврежденіемъ одной ноги. Раздѣлавшись споль дешево, я благодарилъ Провидѣніе, что не сломилъ себѣ шеи. Совѣтую всѣмъ, кого нужда заставитъ ѣхать по сей ледовитой дорогѣ верхомъ, не задумываться, ибо тамошнія лошади имѣютъ дурную привычку безпрестанно забираясь вверхъ по косогору, и наѣхавъ тогда при шакой крутизнѣ на *накипень*, нельзя ручаться, въ случаѣ паденія вмѣстѣ съ лошадыю, за сохраненіе глубокими мыслями наполненной головы.

Прибывъ въ *Иркутскъ*, я былъ весьма ласково принятъ Г. Гражданскимъ Губернаторомъ *Николаемъ Ивановичемъ Трескинымъ*, къ которому долженъ былъ, за опсущствіемъ *Сибирскаго* Г. Генералъ - Губернатора, явиться. Онъ мнѣ объявлялъ, что получивъ чрезъ *Охотскаго* Начальника мое донесеніе о приключившемся нещасіи, давно уже препроводилъ оное къ начальству вмѣстѣ съ испрашиваніемъ разрѣшенія въ отправленіи экспедиціи къ *Японскимъ* берегамъ, для выручки *Капитана Головина* и прочихъ участниковъ его бѣдъ.

ствія. Сіе неожиданное, впрочемъ для меня благопріятное обстоятельство, (ибо для сего единственно я предпринялъ многотрудную поѣздку изъ *Охотска* до *Санкт-петербурга*), заснавило меня, согласно съ предположеніемъ Г. Губернатора, оспашься въ *Иркутскѣ*, въ ожиданіи рѣшенія высшаго начальства. Между тѣмъ онъ, принявши великое участіе въ злополучіи Капшана *Головнина*, занялся вмѣстѣ съ мною начертаніемъ предполагаемой экспедиціи, кошорое и было вскорѣ отправлено на разсмотрѣніе къ Его Высокопревосходительству Г. *Сибирскому* Генералъ-Губернатору *Ивану Борисовичу Пестелю*; но по существовавшимъ тогда весьма важнымъ политическимъ обстоятельствамъ не послѣдовало на оное Монаршаго утвержденія, мнѣ же Высочайше повелѣно было возвратиться въ *Охотскѣ*, съ разрѣшеніемъ ошъ начальства отправиться со шлюпомъ *Діаной* для продолженія неоконченной нами описи, и вмѣстѣ съ симъ зайши къ оспрову *Кунаширу* для провѣдыванія объ участи нашихъ соопечесшвенниковъ, захваченныхъ *Японцями*.

Въ продолженіе зимы привезенъ былъ въ *Иркутскѣ* извѣстный чишашелямъ (изъ записокъ Г. *Головнина*) *Японецъ Леонзаймо*, по особенному вызову Г. Гражданскаго Губернатора, кошорымъ онъ приняшъ былъ весьма благосклонно. Прилагаемо было всевозможное стараніе вразумишъ его о пріязненномъ расположеніи нашего Правительствъ къ *Японскому*. Онъ, разумѣя довольно хорошо нашъ языкъ, казался въ эшомъ убѣжденнымъ и удосшовѣрялъ насъ, что все *Рускіе* въ *Японіи*

живы и дѣло наше кончилось миролюбиво. Съ симъ *Япон-цели* я отправился обратно въ *Охотскѣ*, но не верхомъ уже, а въ покойныхъ зимнихъ повозкахъ по гладкой рѣкѣ *Ленѣ* до самаго *Якутска*, куда мы пріѣхали въ исходѣ Марша мѣсяца. Въ сіе время года во всѣхъ благословенныхъ природою спранахъ цвѣшеть весна; но здѣсь владычествовала еще зима и столь суровая, что льдины, упошребляемыя бѣдными жишелями вмѣсто стеколъ въ окнахъ, не были еще по обыкновенію замѣщены слюдою съ насупленіемъ ошпелели, и дорога къ *Охотску* была покрыта весьма глубокимъ снѣгомъ, отъ копорого проѣздъ на лошадяхъ былъ невозможенъ. Дожидаешься, когда спаетъ снѣгъ, ни я, ни мой *Японецъ*, не имѣли терпѣнія, и мы пустились верьхами на оленяхъ, имѣя вожатыми ихъ хозяевъ, добрыхъ *Тунгусовъ*. Я долженъ опдашь справедливостъ сему прекрасному и полезнѣйшему изъ всѣхъ въ услуженіи человека находящихся живошнихъ: верховая на немъ ѣзда гораздо покойнѣе, нежели на лошади; олень бѣжитъ плавно безъ всякой тряски, и шакъ смиренъ, что когда случалось съ него падашь, онъ оставался на мѣстѣ, какъ будто вкопанный. Сему въ первые дни мы довольно часто подвергались по причинѣ чрезвычайной неловкости сидѣть на маленькомъ верплянѣмъ сѣдлѣшкѣ безъ спремянъ, наложенномъ на самыхъ переднихъ лопашкахъ, ибо олень весьма слабоспинъ и не шерпнѣтъ никакой на срединѣ спины шягосши.

Прибывши въ *Охотскѣ*, нашелъ я шлюпъ въ самыхъ необходимыхъ часяхъ исправленнымъ; всего же

нужнаго исправленія, по великой во многихъ отношеніяхъ неудобности рѣки *Охоты*, произвѣсти въ дѣйствіе не было возможности. Не взирая однакожъ на такія препятствія, при пособіи дѣятельнаго Начальника порша Г. *Миницкаго*, мы успѣли приготоуишь шлюпъ къ походу въ такой точио исправности, какъ бы въ лучшихъ поршахъ *Россійскаго*, Государства, а потому справедливымъ почиаю при семъ случаѣ изъяуишь признательность оному опличному Начальнику, много содѣйствоуавшему къ предстоуавшему и щасливо совершившемуся путешествуію. Для умноженія команды шлюпа *Діаны*, прибавилъ онъ еще изъ *Охотской* морской роты одного унтеръ-офицера и 10 солдатъ, и для безопаснѣйшаго плаванія опдалъ подъ мою команду одинъ изъ *Охотскихъ* транспортовъ: брикъ *Зотикъ*, на коемъ командиромъ сдѣланъ Лейтенантъ *Филатовъ*, одинъ изъ офицеровъ командуемаго мною шлюпа; кромѣ сего выбылъ изъ моей команды Лейтенантъ *Якушкинъ*, для начальствованія на другомъ *Охотскомъ* транспортѣ *Павлѣ*, шедшемъ въ *Камгату* съ провіаншомъ.

18 Іюля 1812 года, бывъ въ совершенной гошовности къ опплытію, принялъ я на шлюпъ шестъ человекъ *Японцевъ*, спасшихся съ разбишаго на *Камгатскихъ* берегахъ *Японскаго* судна для опвозу ихъ въ опечество (1). Въ 3 часа по полудни 22 Іюля опправились мы въ пушь, въ сопровожденіи брика *Зотика*.

(1) Кораблекрушеніе сихъ *Японцевъ* на *Камгатскихъ* берегахъ досшойно особеннаго примѣчанія: оно случилось въ

Мое намѣреніе было итти кратчайшимъ путемъ къ *Кунаширу*, то есть *Пиковымъ* каналомъ, или, по крайней мѣрѣ, проливомъ *Дефризовымъ*. На пути нашемъ до самаго острова *Кунашира* ничего особенно примѣчательнаго не случилось, кромѣ того, что мы однажды были подвержены чрезвычайной опасности. Около полудня 27 Іюля небо опъ пасмурности очистилось шакъ, что мы хорошо могли опредѣлить свое мѣсто, опъ кошораго въ полдень островъ *С. Іоны* былъ къ югу въ 37 миляхъ; островъ сей открытъ Командоромъ *Биллингсомъ* во время плаванія его на суднѣ *Слава Россіи*, предприняшаго имъ изъ *Охотска* въ *Камгату*. Географическое положеніе его по Астрономическимъ наблюденіямъ весьма вѣрно опредѣлено Капитаномъ *Крузенштерномъ*. Вообще сказать можно, что всѣ шѣ мѣста, кошорыя сей искусный мореплаватель опредѣлилъ, могутъ служишь почти спольже точною повѣркою хронометрамъ, какъ и *Гренвическая* обсерваторія. Посему мы ни мало не сомнѣвались въ

помъ же году, въ кошоромъ нашихъ соотечественниковъ коварнымъ образомъ захватили на *Японскихъ* берегахъ, и что всего удивительнѣе, какъ будто опредѣленіемъ самаго Провидѣнія изъ всего экипажа *Японскаго* судна спаслось ровно то самое число людей, сколько *Японцы* захватили нашихъ. Осправляясь съ ними къ *Японскимъ* берегамъ, по *Европейскимъ* законамъ представлялось намъ сбыточнымъ дѣломъ, что хотя съ трудностію но размѣнъ наконецъ долженъ послѣдовать; чинашель однако въ послѣдствіи увидишь, сколь много въ семъ случаѣ *Японскіе* законы разнствуютъ опъ нашихъ.

истинномъ положеніи своемъ отъ онаго острова, равно какъ и наше мѣсто въ полдень сего дня было опредѣлено съ довольною точностію. Почему мы и спали правильно такимъ образомъ, чтобы миновать островъ миляхъ въ 10 разстоянія, а брига *Зотику* приказалъ я чрезъ сигналъ держаться отъ насъ въ полумили. Намѣреніе мое было, еслили погода позволишь, осмотрѣть островъ *С. Іоны*, весьма рѣдко видимый *Охотскими* транспорсами и *Компанейскими* судами, такъ какъ онъ лежишь не на пупи обыкновеннаго шракша изъ *Камчатки* въ *Охотскѣ*.

8876 cb
Съ полуночи на 28 Іюня въпрѣ продолжалъ душь при густомъ шуманѣ, сквозь кошорой въ 2 часа увидѣли мы прямо передъ собою высокій камень въ разстояніи не болѣе 20 сажень. Тогда положеніе наше было самое опасное, какое только представишь себѣ можно: среди океана въ такомъ близкомъ разстояніи отъ утесистой скалы, о которую въ минушу могло разбиться судно на мѣлкія часши, нельзя было и помышлять о избавленіи. Но Провидѣнію угодно было спасти насъ отъ предстоявшаго намъ бѣдствія. Въ мгновеніе мы, опворотивъ, уменьшили ходъ шлюпа и хошя, сдѣлавъ сіе, нельзя было вовсе избѣжать близкой опасности, но можно было уменьшить вредъ, причиняемый судну ударомъ о камень или прищкновеніемъ къ мѣли. Уменьшивъ ходъ шлюпа, мы получили одинъ легкой носовою часшью ударъ, и усмотрѣвъ чистой къ югу проходъ, пошли въ него и миновали вышеупомянутый камень и другіе еще опкрывшіеся въ шуманѣ камни, небольшимъ проливомъ.

Пройдя сіи врата, мы опять, убавивъ ходъ, предались на произволъ теченія, и вышли другимъ проливомъ, между новыми камнями, на безопасную глубину. Послѣ сего наполнивъ паруса, удалились отъ сихъ опасныхъ камней. Бригу *Зотику*, чрезъ шуманной сигналъ, дано знать о близкой опасности; но онъ, держась у насъ навѣспрь, избѣгъ угрожавшаго намъ великаго бѣдспвія.

Въ 4 часу шуманъ прочистился, и мы увидѣли всю великость опасности, отъ которой избавились. Весь островъ *С. Іоны*, съ окружающими его камнями, открылся очень ясно. Онъ въ оѣружности имѣетъ около мили и походитъ болѣе на высунувшійся изъ моря большой камень конической фигуры, нежели на островъ, отовсюду утесистъ и неприступенъ. Къ востоку, въ близкомъ отъ него разстояніи, лежатъ чешыре большіе камня, но между которыми изъ нихъ пронесло насъ теченіемъ за густымъ шуманомъ мы не могли примѣнить. При воззрѣніи на сіи спрашныя для мореходцевъ, среди океана воздымающіяся изъ воды громады, воображеніе наше исполнилось гораздо большимъ ужасомъ, нежели каковымъ мы были обѣяны въ прошедшую роковую ночь: опасность, которой мы внезапно подверглись, споль быспро миновалась сдѣланнымъ въ мгновение отворотомъ, что не успѣла въ насъ возродиться и боязнь отъ гибели, неминуемо долженствовавшей впоследствии, когда шлюпъ, казалось, долженъ былъ о первую, во мракѣ споявшую прямо впереди, скалу удариться и раздробиться. Но обходя оную въ такомъ близкомъ разстояніи, что можно бѣ было на нее соскочить,

вдругъ шлюпъ, прикасаясь къ мѣли, сильно при раза попрысся. Признаюсь, что сіе попрысеніе попрысало и всю мою душу. Между шѣмъ волны, о скалы ударяющія, раздирая воздухъ, слышимымъ шумомъ заглушали всякое отдаваемое на шлюпъ повелѣніе, и сердце мое замерло съ послѣднею мыслию, что при общемъ кораблекрушеніи погибнуть и всѣ *Японцы*, чрезъ кораблекрушеніе же намъ Провидѣніемъ посланные, какъ средство къ освобожденію въ неволѣ помятыхъ нашихъ сослуживцевъ. Кромѣ острова *С. Іоны*, во время прочислившейся погоды, мы имѣли удовольствіе видѣть бригъ *Зотикъ*, не въ дальномъ отъ насъ разстояніи. Давъ такимъ образомъ намъ осмопрѣшься, покрылъ насъ по прежнему густой шуманъ и зрѣніе наше за густою онаго проспиралось вокругъ токмо на нѣсколько сажень. Послѣ сего опаснаго случая, мы, кромѣ обыкновенныхъ на морѣ препятствій отъ прошивныхъ вѣтровъ, ничего особеннаго любопытства заслуживающаго не встрѣпили. Первую землю мы увидѣли въ шрѣшемъ часу по полудни 12 Августа; она составляла сѣверную часть острова *Урупа*; прошивные вѣтры и шуманы не позволили намъ пройти *Дефризовымъ* проливомъ прежде 15 числа, и шѣже препятствія продержали насъ у береговъ острововъ *Итурупа*, *Чикотана* и *Кунашира* еще 13 дней, такъ, что мы въ гавань (1) послѣдняго изъ сихъ острововъ не прежде вошли, какъ 28 числа Августа.

(1) Ту самую, въ кошорой въ прошломъ году несчастные наши товарищи взяты были *Японцами*, и кошорую мы называли заливомъ *Измины*.

Обозрѣвъ въ гавани всѣ укрѣпленія, и проходя мимо оныхъ не далѣ пушечнаго выстрѣла, замѣтили мы сдѣланную вновь о 14 пушкахъ въ два яруса башарею. Скрывавшіеся въ селеніи *Японцы*, съ самой минушы нашего появленія въ заливѣ, въ насъ не палили и намъ нельзя было усмотрѣть никакого движенія. Все селеніе съ морской стороны завѣшено было полосатою тканью, чрезъ кошую только видны были однѣ кровли большихъ казармъ; гребныя ихъ суда всѣ были всащены на берегъ. По такой наружности имѣли мы причину заключить, что *Японцы* привели себя въ лучшее противу прошлогодняго оборонительное положеніе, почему и остановились мы на якорѣ въ двухъ миляхъ отъ селенія. Выше сказано, что въ числѣ *Японцевъ* былъ на *Діанѣ* одинъ, нѣсколько разумѣвшій *Руской* языкъ, по имени *Леонзаймо*. Онъ вывезенъ за 6 лѣтъ предъ тѣмъ, Лейтенантомъ *Хвостовымъ*. Посредствомъ сего чело-вѣка изговорено было на *Японскомъ* языкѣ къ главному Начальнику острова крапкое письмо, смыслъ коего извлеченъ былъ изъ доставленной ко мнѣ отъ Г. Иркутскаго Гражданскаго Губернатора записки (1).

(1) Г. Губернаторъ, объявивъ въ запискѣ своей причины, по кошорымъ шлюпъ *Діана* приспалъ къ берегамъ *Японскимъ*, и описавъ измѣнительскій поступокъ въ захваченіи Капишана *Головина* въ плѣнъ, заключилъ слѣдующимъ:

„Не смотря на таковой неожиданный и непріязненный поступокъ, бывъ обязаны исполнить въ точности Высочайшее повелѣніе Великаго Императора нашего, мы возвращаемъ всѣхъ *Японцевъ*, преперпѣвшихъ корабли-

При переводѣ сей записки, *Леонзаймо*, на коего я возлагалъ всю надежду, въ усердномъ содѣйствіи въ пользу нашего дѣла, обнаружилъ явнымъ образомъ свое коварство. За нѣсколько дней до прихода нашего въ *Кунаширѣ*, я просилъ его заняться переводомъ; но онъ всегда опшывался, что записка просшранна и онъ перевести ее не можешъ, „Я, говорилъ онъ ломанымъ *Русскимъ* языкомъ, толкуй, что вы мнѣ сказывай и буди писать коротенькое письмо, у насъ шибко мудрено пиши длинное письмо, Японъ манеръ не любилъ поклонъ; самый дѣла нада пиши, у насъ *Китайецъ* все шакое пиши, шо пиши, со всѣмъ ума пошери.“ Послѣ шакой *Японской морали*, надобно мнѣ было согласиться, чтобъ онъ изложилъ хотя одинъ смыслъ. Въ день прибытія нашего въ *Кунаширѣ*, призвавъ его въ каюшу, я спросилъ письмо. Онъ подалъ мнѣ оное на полулистѣ, кругомъ исписанномъ. По свой-

крушеніе у береговъ *Камгати*, въ ихъ отечество; да послужишъ сіе доказательствомъ, что съ нашей стороны не было и нѣтъ ни малѣйшаго непріязненнаго намѣренія; и мы увѣрены, что взяшыя на островъ *Кунаширѣ* въ плѣнъ Капитанъ - *Лейшенаншъ Головинъ* съ прочими также будущъ возвращены, какъ люди совершенно невинные и никакого вреда не причинившіе. Но ежели, сверхъ нашего ожиданія, плѣнные наши возвращены теперь же не будущъ, по неимѣнію ли на шо разрѣшенія отъ высшаго *Японскаго Правительства*, или по другимъ какимъ причинамъ, шо для пребыванія оныхъ людей нашихъ, въ будущемъ лѣшъ придушъ вновь корабли наши къ *Японскимъ* берегамъ.“

ству ихъ Гіероглифическаго языка, одною липерою выражать цѣлое рѣченіе, оно долженствовало заключать въ себѣ подробное описаніе дѣлъ, казавшихся ему важными для сообщенія своему Правительству, слѣдовательно для насъ весьма невыгодныхъ. Я пошчасъ сказалъ ему, что оно очень велико для одного нашего предмета, и что вѣрно имъ много прибавлено своего; я требовалъ, чтобы онъ прочищалъ его мнѣ, какъ можешь, по *Руски*. Нимало не оскорбившись, онъ объяснилъ, что пишу три нисыма: одно крашкое объ нашемъ дѣлѣ, другое о кораблекрушеніи въ *Камгatkѣ Японцевѣ*; третіе о его собственныхъ въ *Россіи* испытанныхъ несчастіяхъ. На сіе объявилъ я ему, что теперь нужно послать одну только нашу записку, а другія письма можно оставить до будущаго случая. Если же онъ непременно нынѣ свои письма послать желаетъ то, чтобы онъ оставилъ мнѣ съ оныхъ копіи. Онъ пошчасъ переписалъ безъ всякой оговорки отдѣленіе корешкомъ нашей записки; на другихъ же остановился, сказывая, что *шибко мудрено переписывать*. — „Какъ можешь быть мудрено, когда ты самъ писалъ?“ — Онъ отвѣчалъ, разсердившись: „нѣтъ, я лучше это изломаю!“ и съ этимъ словомъ схватилъ перочинной ножъ, опрѣзалъ ту часть листа, на которой написаны были два письма, положилъ его въ рошъ и съ коварнымъ и мстительнымъ видомъ, началъ жевать и при мнѣ въ нѣсколько секундъ проглотилъ. Что въ нихъ заключалось, остається для насъ тайною. И сему хитрому, по видимому злобному *Японцу*, необходимость заставляла меня себя

вѣришь! Нужно мнѣ было только увѣриться, дѣйствительно ли на оставшемся лоскуткѣ описывается наше дѣло. Въ продолженіе похода почасту занимаясь съ нимъ разговорами о разныхъ предметахъ касательно *Японіи*, записывалъ я нѣкоторые переводы словъ съ *Рускаго* на *Японской* языкъ, и любопытствовалъ знать безъ всякаго погда намѣренія, какъ пишущія по *Японски* нѣкоторыя приходившія мнѣ на умъ *Рускія* фамиліи, въ томъ числѣ имя всегда присутствовавшаго въ моей памяти несчастнаго *Василья Михайловича Головнина*. Я просилъ его показать мнѣ то мѣсто на запискѣ, гдѣ написана фамилія *Г. Головнина*, и сравнивъ послѣ начертаніе литеръ, съ прежде имъ написанными, совершенно удостовѣрился, что дѣло идетъ объ немъ. Сие письмо поручилъ я одному изъ нашихъ *Японцевъ*, доставивъ лично Начальнику острова; мы высадили его на берегъ противу того мѣста, гдѣ стояли на якорѣ. *Японецъ* вскорѣ встрѣченъ былъ *мохнатыми Курильцами*, кои, надобно думать, надзирали за всѣми нашими движеніями, спрятавшись въ высокой и густой травѣ. Нашъ *Японецъ* вмѣстѣ съ ними пошелъ къ селенію, и лишь только приблизился къ ворошамъ, какъ съ батарей начали палить изъ пушекъ ядрами прямо въ заливъ; это были первые выстрѣлы со времени нашего прибытія. Я спросилъ у *Леонзайма*, для чего палить, когда видяшь, что одинъ только человекъ, съѣхавшій съ *Рускаго* корабля, смѣлыми шагами идетъ къ селенію? Онъ отвѣчалъ: „въ *Японіи* все такъ, такой законъ; не убей человека, а палить надо.“ Сей непонятный по-

сступокъ *Японцевъ* вовсе почти истребилъ во мнѣ породившуюся было утѣшительную мысль о возможности вести съ ними переговоры. Сперва мы, обозрѣвая заливъ, подходили близко къ селенію и они по намъ не палили; но сдѣланный нашему *парламентеру* пріемъ отвергнулъ меня опять въ опчаяніе; ибо настоящую причину сихъ выстрѣловъ постигнувъ было трудно: на шлюпѣ не было производимо никакихъ движеній, и нашъ каперъ, отвозившій *Японца* на берегъ, находился уже при шлюпѣ. У воротъ окружила нашего *Японца* толпа людей, и мы скоро пошеряли его изъ виду. Три дни прошло въ щещномъ ожиданіи его возвращенія.

Во все сіе время наше занятіе состояло въ томъ, что мы съ утра до вечера смотрѣли на берегъ въ зрительныя трубы, такъ что всѣ предметы до малѣйшей пычинки, опъ мѣста, куда мы высадили своего *Японца* до самаго селенія, совершенно намъ примелькались. Не смотря однакожъ на сіе, нерѣдко воображенію нашему казались они движущимися, и обманушый такимъ образомомъ съ воспоргомъ восклицалъ: идетъ нашъ *Японецъ*! Иногда же долгое время мы всѣ пребывали въ заблужденіи; сіе случалось во время восхожденія солнца при густомъ воздухѣ, когда опъ преломленія лучей всѣ предметы чрезвычайно въ спраннымъ видѣ увеличиваются, намъ предсавлялись по берегу бродяція съ распушенными крыльями вороны *Японцами* въ широкихъ ихъ халашахъ. Самъ *Леонзаймо* нѣсколько часовъ сряду не выпускалъ изъ рукъ трубы и казался сильно встревоженнымъ, видя, что никто не появлялся изъ се-

ленія, которое, какъ будто превратилось для насъ въ закрытый гробъ.

При насупленіи ночи мы всегда содержали шлюпъ въ боевомъ порядкѣ. Глубокая тишина нарушаема только была ошголосками сигналовъ нашихъ часовыхъ, которые, распространяясь по всему заливу, предваряли скрытыхъ враговъ нашихъ, что мы не дремлемъ. Имѣя нужду въ водѣ, я приказалъ послать къ рѣчкѣ гребныя суда съ вооруженными людьми для наливанія бочекъ водою, и въ то же время высадилъ на берегъ другаго *Японца*, чтобы онъ извѣстилъ Начальника, для чего съ *Россійскаго* корабля поѣхали суда къ берегу. Я же далъ, чтобы *Леонзаймо* написалъ крашкую о томъ записку, но онъ отказался, говоря: „когда на первое письмо не сдѣлано никакого отвѣта, то я опасаюсь по нашимъ законамъ болѣе писать;“ а совѣщавалъ мнѣ послать на *Рускомъ* языкѣ записку, которую могъ переполковать опправляемый *Японецъ*, что мною и было сдѣлано. Чрезъ нѣсколько часовъ сей *Японецъ* возвратился и объявилъ, что онъ былъ предсавленъ Начальнику, и отдавалъ ему мою записку, но онъ ея не принялъ; тогда нашъ *Японецъ* пересказалъ ему на словахъ, что съ *Россійскаго* корабля съѣхали люди на берегъ наливаться у рѣчки водою, на что Начальникъ отвѣчалъ: „хорошо, пускай берутъ воду, а ты спускайся назадъ!“ и болѣе не сказавъ ни слова, ушелъ. Нашъ *Японецъ*, хотя и оставался нѣсколько времени въ кругу *мохнатыхъ Курильцовъ*, но по незнанію *Курильскаго* языка, не могъ ничего отъ нихъ узнать. *Японцы* же,

стоявшіе, какъ онъ намъ рассказывалъ, въ опдаленности, не смѣли къ нему приближаться, и наконецъ *Курилыцы* почти насильно проводили его за ворота. По своему просподушію *Японецъ* признался мнѣ, что имѣлъ желаніе ошасться на берегу, и просилъ Начальника со слезами, позволишь ему хотя одну ночь побыть въ селеніи, но ему съ гнѣвомъ было въ томъ опказано. Изъ таковыхъ поступковъ съ нашимъ бѣднымъ *Японцемъ* мы заключили, что и перваго приняли не лучше, но онъ, вѣроятно, опасаясь, по свойственной *Японцамъ* недовѣрчивости, возвратиться на шлюпъ безъ всякихъ свѣденій объ участи нашихъ плѣнныхъ, скрылся въ горахъ, или, можешъ бышь, пробрался къ другому какому нибудь на островѣ селенію. Желая запасись водою въ одинъ день, приказалъ я въ 4 часа по полудни послать остальныя порожнія бочки на берегъ. *Японцы*, присматривавшіе за всѣми нашими движеніями, когда уже гребныя наши суда спали подъѣзжашъ къ берегу, начали съ башарей палишь изъ пушекъ холосшыми зарядами. Избѣгая всякаго дѣйствія, могущаго казашься имъ непріятнымъ, я потчасъ приказалъ сдѣлать сигналъ, чтооь всѣ гребныя суда возвратились къ шлюпу. *Японцы*, примѣшивъ сіе, палишь пересшали. Въ продолженіе семидневнаго нашего въ заливѣ *Излѣбны* пребыванія, мы ясно видѣли, что *Японцы* во всѣхъ своихъ поступкахъ показывали величайшую къ намъ недовѣрчивость, и Начальникъ острова, по собственному ли произволу, или по предписанію вышняго Начальства, вовсе опказался имѣшь съ нами

сношенія. И такъ мы были въ величайшемъ недоумѣ-
 ннѣ, какими бы средствами провѣдашь объ участи на-
 шихъ плѣнныхъ. Прошлаго лѣта оставлены были въ
 рыбацкомъ селеніи вещи, принадлежавшія симъ неща-
 стнымъ; мы желали удостовѣриться, взяты ли оныя
Японцами. Для сего приказалъ я Командиру брига *Зо-
 тика*, Лейтенанту *Филатову*, вступить подъ паруса
 и идти къ тому селенію съ вооруженными людьми для
 осмотра оставленныхъ вещей. Когда бригъ подходилъ къ
 берегу, съ башарей палили изъ пушекъ; но по дально-
 сти разстоянія, опасаться было нѣчего. Черезъ нѣ-
 сколько часовъ Лейтенантъ *Филатовъ*, исполнивъ по-
 рученное дѣло, мнѣ донесъ, что ничего изъ вещей, при-
 надлежащихъ плѣннымъ, въ домѣ не нашелъ. Сіе пока-
 залось намъ хорошимъ признакомъ, и мысль о томъ,
 что наши соотечественники живы, всѣхъ насъ ободря-
 ла. На другой день я опять послалъ на берегъ *Японца*
 увѣдомить Начальника, для какой надобности ходилъ
Зотикъ къ рыбацкому селенію; съ нимъ же послана
 была крашкая на *Японскомъ* языкѣ записка. Мнѣ стои-
 ло величайшаго труда убѣдить *Леонзайма* написать
 ее. Въ ней заключалось предложеніе, чтобы Начальникъ
 острова выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу для переговоровъ. Въ
 той же запискѣ желалъ я еще обстоятельнѣе описать,
 съ какимъ намѣреніемъ ѣздила наша шлюпка въ рыбац-
 кое селеніе, но несносный *Леонзаймо* оставался не-
 преклоннымъ. Посланный *Японецъ* возвратился къ намъ
 на другой день рано утромъ, и чрезъ *Леонзайма* мы
 отъ него узнали, что Начальникъ принялъ записку, но

не давъ ошъ себя никакого письменнаго ошвѣща, велѣлъ только сказать: „хорошо, пускай *Руской* Капитанъ придетъ въ городъ для переговоровъ.“ Такой ошзывъ былъ тоже, что и ошказъ, и пошому съ моей стороны согласишся на сіе приглашеніе было бы безразсудно. Ошносительно же извѣщенія, зачѣмъ выходили наши люди на берегъ въ рыбацкое селеніе, Начальникъ ошвѣчалъ: „какія вещи? Ихъ тогда же возвратили назадъ.“ Двусмысленной сей ошвѣщъ распроилъ ушѣшительную мысль о существованіи нашихъ плѣнныхъ. *Японца* нашего шакже приняли, какъ и прежняго: не пушили его ночевать въ селеніи, и онъ провелъ ночь въ шравѣ противъ нашего шлюпа. Продолжающъ только неудовлетворительные переговоры посредствомъ нашихъ *Японцевъ*, незнающихъ *Рускаго* языка, оказалось вовсе бесполезнымъ; на посланные ошъ насъ на *Японскоиъ* языкѣ въ разные времена письма, ошъ Начальника не получили мы ни одного письменнаго ошвѣща: и шакъ, по видимому, ничего болѣе не оставалось намъ дѣлать, какъ ошяшъ удалитъсѧ ошъ здѣшнихъ береговъ съ мучительнымъ чувствомъ неизвѣстности. *Японца* *Леонзайма*, знающаго *Руской* языкъ, ошправитъ на берегъ для переговоровъ съ Начальникомъ острова, я не рѣшался безъ крайней необходимости, опасаясь, что ежели онъ будетъ задержанъ на острову, или самъ не захочетъ возвратитъсѧ ошшуда, то мы поперѣемъ въ немъ единственнаго переводчика, и пошому я вознамѣрился напередъ употребитъ слѣдующій способъ. Я призналъ возможнымъ и правильнымъ,

не нарушая мирнаго нашего къ *Японцамъ* расположенія, пристасть нечаяннымъ образомъ къ одному изъ *Японскихъ* судовъ, проходящихъ по проливу, и безъ употребленія оружія, схватитъ главнаго *Японца*, отъ коего можно было бы получитьъ точное извѣстіе объ участи нашихъ плѣнныхъ, и чрезъ шо освободишь себя, офицеровъ и команду отъ тягостнаго бездѣйственнаго положенія, и избавишься вшораго къ острову *Кунаширу* прихода, нимало необѣщавшаго лучшихъ успѣховъ въ предпріятіи; ибо опытъ совершенно увѣрилъ насъ, что всѣ мѣры къ достиженію желаемаго конца были бесполезны. Къ несчастію въ продолженіе 3 дней ни одно судно не появлялось въ проливѣ, и мы думали, что ихъ судоходство, по причинѣ осенняго времени, прекратилось. Оставалась теперь послѣдняя неиспытанная надежда на *Леонзайма*, шо есть, отправишь его на берегъ для полученія возможныхъ свѣдѣній, а дабы извѣдашь расположеніе его мыслей, я прежде объявилъ, чтобы онъ написалъ письмо въ свой домъ, ибо шлюпъ завтра пойдетъ въ море. Тогда онъ весь въ лицѣ измѣнился, и съ примѣшною принужденностію поблагодаривъ меня за увѣдомленіе, сказалъ: „хорошо! я напишу, только чтобы меня домой болѣе не дожидались;“ и потомъ продолжалъ говорить съ жаромъ: „самаго меня хоть убей, больше я не пойду въ море, мнѣ уже ничего теперь не оспаша, какъ умереть между *Рускими*.“ Съ такими мыслями человекъ не могъ для насъ быть ни въ какомъ случаѣ полезнымъ; ожесточенія его чувствованій нельзя было не признашь спра-

ведливымъ, вѣдая шестилѣтнее его въ *Россіи* спраданіе, и я даже опасался, чшобъ онъ, лишась надежды возвращишься въ свое опечество, не покусился, въ минушю опчаянія, на жизнь свою, и попому долженъ былъ рѣшишься оппустить его на берегъ, дабы онъ, зная подробно всѣ обшояшительсва нещаснаго съ нами происшествія, представилъ Начальнику въ насшоящемъ видѣ шеперешній нашъ приходъ, и преклонилъ его всшупить съ нами въ переговоры. Когда я объявилъ о семъ *Леонзаймѣ*, то онъ поклялся непремѣнно возвращишься, какія бы ни получилъ свѣденія, ешшли шолько Начальникъ силою его не задержитъ. Для шакого сбшшочнаго случая, я взялъ слѣдующую опсторожностъ: вмѣстѣ съ *Леонзаймомъ* я опправилъ другаго *Японца*, бывшаго уже одинъ разъ въ селеніи, и снабдилъ перваго 3 билешами: на 1 написано было: „Капитанъ *Головнинъ* съ прочими находится на *Кунаширѣ*.“ На 2, „Капитанъ *Головнинъ* съ прочими опвезенъ въ городъ *Матсмай*, *Нангасаки*, *Еддо*.“ На 3, „Капитанъ *Головнинъ* съ прочими убитъ.“ Опдавая сіи билешы *Леонзайму*, я просилъ его, ежели Начальникъ не позволитъ ему къ намъ возвращишься, опдать соопвѣтсшвующій полученнымъ свѣденіямъ билешъ, ;съ опмѣшкою города, или другаго примѣчанія, сопровождающему его *Японцу*.

Сеншября 4 высажены они были на берегъ; на другой день, ко всеобщей радости, увидѣли мы обоихъ ихъ возвращающихся изъ селенія, и шотчасъ послана была опъ насъ за ними шлюпка. Мы ласкались надеждою, что *Леонзаймо* доставитъ намъ наконецъ удовольсшво-

риштельное свѣденіе. Не упуская ихъ изъ глазъ, въ зрительныя трубки усмотрѣли мы, что другой *Японецъ* поворотилъ въ сторону и скрылся въ густой травѣ, а на посланной шлюпкѣ пріѣхалъ къ намъ одинъ *Леонзаймо*. На вопросъ мой, куда ушелъ другой *Японецъ*, отвѣчалъ онъ, что того не знаешь. Между тѣмъ всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали услышать привезенныя имъ вѣсти; но онъ изъявилъ желаніе сообщить мнѣ ихъ въ каютѣ, гдѣ при Лейтенантѣ *Рудаковѣ* началъ пересказывать, съ какою трудностію былъ онъ допущенъ къ Начальнику, который будто бы, не давъ ему ничего выговорить, спросилъ: „для чего Капитанъ корабля не пріѣхалъ на берегъ держась совѣсть?“ *Леонзаймо* отвѣчалъ: „не знаю, а меня теперь онъ прислалъ къ вамъ спросить у васъ, гдѣ Капитанъ *Головнинъ* съ прочими плѣнными?“ Между страхомъ и надеждою ожидали мы сдѣланнаго ему на сей вопросъ Начальникомъ отвѣта; но *Леонзаймо*, запинаясь, началъ освѣдомляться, не поступлю ли я съ нимъ худо, еслии онъ будетъ говорить правду; и получивъ отъ меня увѣреніе о прошивномъ, объявилъ намъ ужасную вѣсть въ слѣдующихъ словахъ: „Капитанъ *Головнинъ* и всѣ прочіе убиты!“ Такое извѣстіе, поразившее всѣхъ насъ глубокою печалію, произвело надъ каждымъ то естественное чувство, что мы не могли долѣе взирать равнодушно на берегъ, гдѣ пролила кровь нашихъ друзей. Не имѣя отъ Начальства никакого предписанія, какъ поступить въ такомъ случаѣ, признавалъ я законнымъ произвести надъ злодѣями возможное по силамъ нашимъ, и,

какъ мнѣ казалось, справедливое мщеніе, бывъ твердо увѣренъ, что наше Правительство не оставитъ безъ вниманія такого со стороны *Японцевъ* злодѣйскаго поступка. Мнѣ надлежало только имѣть вѣрнѣйшее доказательство, нежели одни слова *Леонзайма*. Для сего я послалъ опять его на берегъ, чтобъ онъ испросилъ у *Японскаго* Начальника письменное пому подтвержденіе. Присемъ *Леонзайму* и оставшимся чеширемъ *Японскими* матрозамъ обѣщано было совершенное освобожденіе, когда мы рѣшимся дѣйствовать неприязнелски. Между тѣмъ приказалъ я на обоихъ судахъ быть въ готовності къ нападенію на *Японское* селеніе.

Леонзаймо хотѣлъ въ тотъ же день возвратиться, но мы его не видали. Въ слѣдующій день онъ также изъ селенія не показывался; дожидаться долѣ его возвращенія было совсѣмъ безнадежно. Дабы удостовѣриться въ ужасной истинѣ о смерти нашихъ плѣнныхъ, копорая невозвращеніемъ *Леонзайма* содѣлалась, къ великому нашему ушѣшенію, сомнительною, я принялъ уже твердое намѣреніе, не оставляя залива, пока не представится удобный случай захватить на стоящаго *Японца* съ берегу, или съ какого нибудь судна, чтобъ вывѣдать сущую правду, живы ли наши плѣнные.

6 Сентября поутру увидѣли мы идущую *Японскую* байдару. Я послалъ на двухъ гребныхъ судахъ *Лейшенанпа Рудакова* завладѣвъ оною, назначивъ подъ его команду двухъ офицеровъ *Гг. Средняго и Савельева*,

вызвавшихся добровольно къ сему первому непріятельскому дѣйствию. Посланный ошрядъ нашъ вскорѣ возвратился съ байдарою, которою онъ овладѣлъ подлѣ самаго берега. Бывшіе на ней *Японцы* разбѣжались, а шокмо два изъ нихъ и одинъ *мохнатый Курилецъ* пойманы были Г. *Савельевымъ* на берегу въ густомъ шроснникѣ, опѣ которыхъ однакожъ мы не могли получитьъ никакихъ свѣдѣній касательно нашихъ плѣнныхъ: когда я начиналъ съ ними говорить, они пошчасъ падали наколѣна и на всѣ мои вопросы ошвѣчали съ шипѣніемъ *хе, хе!* Никакія ласки не могли ихъ сдѣлать *словесными животными*. Боже мой! подумалъ я, какимъ чудеснымъ образомъ возможно намъ будешъ вшунить когда нибудъ въ объясненія съ симъ непосижимымъ народомъ.

На другой день поушру усмотрѣли мы идущее съ моря прямо въ заливъ подлѣ прошивулежащаго опѣ насъ берега большое *Японское* судно, на вшпрѣчу коему послалъ я гребныя наши суда съ вооруженными людьми, подѣ командою Лейшенанша *Филатова*, съ спрогимъ однакожъ предписаніемъ не упошреблять оружія, а одною шолько ошрасшкою спарашься ошановить судно, и привести на шлюпъ Начальника онаго. Чрезъ нѣсколько часовъ усмотрѣли мы, что наши шлюпки приспали къ *Японскому* судну безъ всякаго видимаго сошрошвленія и спали буксировать оное къ мѣшпу, гдѣ мы спояли на якорѣ. Лейшенаншъ *Филатовъ*, прибывши на шлюпъ, донесъ мнѣ, что приближаясь со шлюпками къ *Японскому* судну, увидѣлъ онъ на немъ

множество людей, казавшихся вооруженными; и какъ судно на дѣлаемые знаки не опускало парусовъ, то онъ принужденнымъ нашелся, выпалишь изъ нѣсколькихъ ружей на воздухъ. Тогда *Японцы* опустили пошчасъ парусъ, и, по весьма близкому онъ берега разстоянію, нѣкоторые изъ нихъ бросились въ воду и пустились вплавъ къ берегу: случившееся вблизи нашихъ шлюпокъ были гребцами перехвачены, прочіе же выплыли на берегъ или пошонули; на суднѣ всѣхъ *Японцевъ* было 60 человекъ. Вскорѣ привезенъ былъ на шлюпъ Начальникъ судна: богатое его шелковое плащье и сабля съ другими знаками; показывали, что онъ долженъ бытъ человекъ значащій; я пошчасъ позвалъ его къ себѣ въ каюшу; онъ, сдѣлавъ мнѣ по своему обыкновенію униженное привѣтствіе, по приглашенію моему съ спокойнымъ и веселымъ видомъ сѣлъ на стулъ. Я началъ выученными онъ *Леонзайма Японскими* словами составлялъ ему вопросы, и узналъ, что онъ называется *Такатай - Кахи*, и по *Японски* имѣетъ званіе *Синдофнамогъ*, т. е. Начальникъ и хозяинъ нѣсколькихъ судовъ; по его объявленію, у него было ихъ десять. Съ своимъ же судномъ шелъ онъ съ острова *Итцурупа* въ гавань *Хакодадѣ* на островъ *Матсмабъ*; грузъ его состоялъ въ сушеной рыбѣ, и прошивной вѣтръ заставилъ его спуститься въ *Кунаширской* заливъ. Дабы могъ онъ поскорѣе выразумѣшь, какое было наше судно, и для чего пришли мы къ *Кунаширу*, я далъ ему прочиташъ оставленный списокъ съ *Японскаго* письма, писаннаго *Леонзаймомъ* къ Начальнику остро-

ва. Прочитавъ письмо, сказалъ онъ вдругъ: „Капитанъ *Муръ* и 5 человекъ *Русскихъ* находясь въ городѣ *Матсуба*.“ Потомъ началъ пояснять, въ какомъ мѣсяцѣ они были вывезены изъ *Кунашира*, и чрезъ какіе города ихъ вели; исчислялъ, въ какомъ мѣстѣ сколько времени они проживали, и даже описывалъ ростъ и другіе ошличительные признаки *Г. Мура*; одно только обстоятельство не допускало насъ предаться съ полною довѣренностію овладѣвшему нами чувству радости, что онъ ничего не упоминалъ о *Г. Головинѣ*. Весьма естественнo, что самое положеніе попавшагося къ намъ въ руки Начальника *Японскаго* судна заставляло его говорить, что наши плѣнные живы, но какъ онъ могъ внезапно въ одну минушу выдумать сіи подробности? Съ другой стороны трудно было понять и поступокъ *Леонзайма*: что могло его понудить сказать намъ такую прискорбную для насъ ложь? Развѣ непогасшая еще въ душѣ его искра мщенія къ *Русскимъ* за причиненныя имъ *Хвостова* на *Японскихъ* берегахъ насилія? Ибо, еслили бѣ онъ опасался объявить, что наши плѣнные живы, для того только, чтобъ его самого послѣ на шлюпѣ не задержали, то онъ могъ бы отъ сего освободиться еще въ первый день, приславъ съ сопровождавшимъ его *Японцели* роковой билетъ, а самъ остался бы на берегу. Впрочемъ можетъ быть, злобный Начальникъ острова и дѣйствительно далъ *Леонзайму* такой отвѣтъ, что всѣ наши плѣнные убиты, и уже невозвращеніе *Леонзайма* должно было пог-

да приписать одной его боязни нашихъ людей, озлобленныхъ извѣщеніемъ о смерти ихъ соотечественниковъ.

Изъ всѣхъ сихъ соображеній хотя ничего извѣстнаго не представлялось, однако съ большимъ правдоподобіемъ заключаешь надлежало, что всѣ наши плѣнные дѣйствительно живы, и пошому я не смѣлъ уже, при такихъ щасливо перемѣнившихся обстоятельствахъ, помышлять о противныхъ чувствованіямъ моимъ распоряженіяхъ, т. е. о произведеніи надъ селеніемъ мщенія; но команда, сопровождаемая первымъ извѣщеніемъ о смерти любимаго своего Начальника, также офицеровъ и своихъ соповарищей, не могла оспаться въ покоѣ. Нѣкоторые изъ нихъ объявили вахтенному офицеру, что въ Начальникѣ *Японскаго* судна признають они того самаго Чиновника, который былъ на островѣ *Итурупъ*, гдѣ мы имѣли прошлаго лѣта первое съ *Японцами* свиданіе, куда ѣздили Гг. *Муръ* и *Новицкій*; да и сей послѣдній подтвердилъ, что находить въ немъ великое сходство съ видѣннымъ имъ на островѣ *Итурупъ* Чиновникомъ, и помнитъ весьма хорошо, что имя *Мура Японски* Чиновникомъ было записано; слѣдовательно, говорили служители, явившіеся всѣ по моему приказанію на шканцы, „не удивительно ему знать Г. *Мура*, о коемъ онъ безпрестанно швердитъ, не упоминая ни слова о нашемъ Начальникѣ *Васильѣ Михайловичѣ*; наши плѣнные вѣрно убиты, и мы всѣ единодушно готовы пролить за нихъ нашу кровь, если угодно вамъ будетъ произвестъ надъ злодѣями мщеніе.“ — Хотя я внутренно и одобрялъ привержен-

носшь ихъ къ несчастному нашему Начальнику, но объявилъ имъ, что мы имѣемъ теперь болѣе вѣроятныхъ причинъ думать, что наши плѣнные живы, нежели воображать прошивное, а сверхъ того, есѣли вышнее Начальство совершенно увѣрился въ истинѣ произведеннаго злодѣянiя надъ нашими плѣнными, то безъ сомнѣнiя не упустишь дославивъ намъ случай на самомъ дѣлѣ оказать каждому свое усердiе.

Съ сей минушы, рѣшась прекратить непрiятельскiя дѣйствiя, я положилъ, взявъ съ собою сего Провидѣнiемъ посланнаго намъ Японскаго Начальника (1) *Такатая-Кахи*, идти въ *Камгатку* для зимованiя, надѣясь развѣдашь у него основательнѣе объ участи нашихъ плѣнныхъ и о намѣренiи Японскаго Правительсва. Онъ мнѣ показался не изъ числа шѣхъ Японцевъ, копорые у насъ бывали, но высшаго состоянiя, слѣдовательно и могъ быть болѣе свѣдуещъ въ дѣлахъ своей земли, а пошому я объявилъ ему, чтообъ онъ пригошвился слѣдовать съ нами въ *Россiю*, и объяснилъ причины, побуждающiя меня такъ поступить. Онъ весьма хорошо меня выразумѣлъ, и нѣсколько разъ перебивая мои слова, когда я упоминалъ, что Капишанъ *Головинъ*, *Муръ* и прочiе по объявленiю Начальника

(1) Послѣ мы узнали, что онъ былъ очень богатой и почтенной купецъ; но какъ во время его плѣненiя начальствовалъ онъ своими судами и имѣлъ по Японскимъ законамъ, нѣкоторыя права наравнѣ съ Чиновниками, то мы и звали его начальникомъ и въ семъ повѣсшвованiи я иногда такъ его называю.

оспрова, всѣ убишы, опвѣчалъ мнѣ: „неправда, Капитанъ *Мурб* и 5 человекъ *Рускихъ* живы, здоровы и содержатся хорошо въ городѣ *Матслаб*; они пользуются свободою ходишь по городу за присмотромъ только двухъ Чиновниковъ.“ На сдѣланное же ему предложеніе, слѣдовать съ нами въ *Россію*, съ удивительнымъ спокойствіемъ духа опвѣчалъ онъ: „хорошо, я готовъ!“ просилъ только, чтобъ его въ *Россіи* не разлучали со мною, въ чемъ я его и увѣрилъ, а равно и въ томъ, что въ слѣдующее лѣто будетъ онъ возвращенъ въ свое отечество. Тогда онъ совершенно примирился съ неожиданною своею участью, а какъ оставшіеся на шлюпѣ чешыре *Японца*, незнавшіе ни слова по *Руски*, не могли бытъ для насъ полезны, и припомъ одержимы были цынгошною болѣзнію, то я, опасаясь вшоричнымъ зимованіемъ въ *Камхаткѣ* подвергнувъ жизнь ихъ опасности, призналъ справедливымъ дославивъ имъ поже щастіе, копорымъ воспользовались ушедшіе ихъ товарищи. Снабдя всѣмъ нужнымъ, посадилъ я ихъ на берегъ. Они, какъ я думалъ, по своему просподушію сохраняютъ чувство благодарности за оказанныя имъ нами благодѣянія, и распространяютъ между своими соотечественниками лучшее о *Рускихъ* мнѣніе, нежели каковое имѣли они прежде.

На мѣсто оппущенныхъ чешверыхъ *Японцевъ*, я вознамѣрился взять такое же число съ *Японскаго* судна, подъ тѣмъ видомъ, яко бы они нужны для услугъ своему Начальнику и предложилъ ему, чтобъ онъ приказалъ, кого ему будетъ угодно, выбрать изъ своихъ

машпрозовъ себѣ для услугъ, и выбраннымъ перебраться на шлюпъ, но онъ вмѣсто согласія, упрашивалъ меня не брать машпрозовъ, говоря, что они глупы, чрезвычайно бояшся *Русскихъ* и будущъ много сокрушаться. Усильныя его прозбы немного поколебали меня въ прежней увѣренности о дѣйствительномъ пребываніи нашихъ плѣнныхъ въ городѣ *Матслабъ*, и потому я рѣшишельно сказалъ ему, что мнѣ должно взять чепы-рехъ человекъ съ его судна. Тогда онъ просилъ уже меня только о томъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ съѣздилъ на его судно. По прибытіи нашемъ на оное, собралъ онъ всю свою команду къ себѣ въ каюшу, сѣлъ, поджавши ноги, на посланную на спросомъ чистомъ матъ длинную подушку, пригласивъ и меня сѣсть подлѣ себя. Машпрозы стояли всѣ передъ нами на колѣнахъ. Онъ говорилъ имъ длинную, предварительную рѣчь, изъясняя, что нѣкоторые изъ нихъ должны слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ на *Россійскомъ* кораблѣ въ *Россію*. Тутъ открылось самое чувствительное явленіе; многіе изъ машпрозовъ приблизились къ Начальнику съ поникшими головами, что то шептали ему съ примѣшнымъ душевнымъ усиліемъ; и у всѣхъ почти появились на глазахъ слезы; самъ онъ, доселѣ сохранявши спокойствіе и швердосъ духа, прослезился; и я былъ въ нерѣшимости, произвеси ли мое намѣреніе въ дѣйствіе; необходимость однакожъ требовала исполнить оное, дабы послѣ опъ cadaго порознь опобратъ подтвержденіе о дѣйствительномъ пребываніи нашихъ плѣнныхъ въ *Матслабъ*. Къ немалому моему утѣшенію я не имѣлъ при-

чины раскаяваться въ послѣдствіи; ибо *Японскій* Начальникъ, по своему состоянію привыкшій къ особенному роду жизни и изнѣженный *Азіатскою* роскошью, подвергся бы великому безпокойству и нуждѣ безъ своихъ *Японцевъ*: двое изъ нихъ послѣ безоплатно при немъ находились поочереді. Попомъ просилъ я Начальника, выразумѣвшаго, для чего я беру его съ собою въ *Россію*, и какія за нѣсколько дней до его прихода сообщены были намъ чрезъ *Леонзайма* ошъ Начальника острова извѣстія объ участи соотечественниковъ нашихъ, ошписашъ къ нему обо всемъ съ возможною подробностію. Онъ при мнѣ же изготавилъ весьма длинное письмо, разспрося у меня подробно объ упомянутыхъ выше обстоятельствѣхъ, также о имени нашего судна, о времени прихода въ *Кунаширъ*, и кшо шаковъ *Леонзаймо* и проч:

Послѣ сего *Такатай - Кахи* съ избранными мапрозами своими началъ къ намъ перебираться, какъ будто на собственнѣй свой корабль, а не съ видомъ плѣнника, ошправляемаго въ дальнюю страну. Всѣ возможные способы употреблены были нами, чшобъ удословить *Японцевъ*, что мы не считаемъ ихъ за враждующій, но за миролюбивый народъ, съ копорымъ доброе согласіе прервана токмо нѣкоторыми неблагопріятными обстоятельствѣми. Въ сей же день по приглашенію моему, съ помянушаго судна пріѣзжала къ намъ *Японская* женщина, неразлучная спутница *Такатай-Кахи* въ его плаваніяхъ ошъ города *Хакодаде*, гдѣ его жительства, до *Итурупъ*. весьма любопытно было видѣшь

ей шлюпѣ нашѣ и иностранныхъ людей, а еще болѣе, ласки непріятелей своихъ, каковыми они насѣ полагали, и дружеское обращеніе наше съ ними. Не меньше и для насѣ было любопытно видѣть *Японскую* женщину. По пріѣздѣ ея на шлюпѣ примѣрно было, что она очень оробѣла: я пошчасѣ просилъ *Кахи* ввести ее ко мнѣ въ каюшу, и самѣ взялъ ее за другую руку; у дверей она хошѣла было, по *Японскому* обычаю, скинуть соломенные свои башмаки; но какѣ у меня въ каюшѣ не было ни ковровѣ, ни машовѣ, по я знаками далѣ ей разумѣть, что такая спранныя для насѣ учтивость можешѣ бышѣ оставлена. Войдя въ каюшу, она положила обѣ руки на голову ладонями вверхъ и низко намѣ поклонилась; я подвелѣ ее къ кресламѣ, а *Кахи* указалѣ ей, что надобно въ нихѣ сѣсть. Для такой неожиданной посѣщительницы къ щастію случилась у насѣ на фрегатѣ молодая, довольно пригожая женщина, жена нашего младшаго лекаря. *Японка*, увидѣвши ее, казалась много ободренною и сдѣлалась веселою, и онѣ пошчасѣ познакомились. Привѣщивая наша *Россійнка* старалась ее занять шѣмѣ, что всѣмѣ почти женщинамѣ нравишся: показываніемѣ своихѣ нарядовѣ. *Японка*, по видимому была большая модница, размашривала все съ великимѣ любопытствомѣ; нѣкоторыя одѣянія на себя надѣвала и изъясляла свое удивленіе пріятною улыбкою; но болѣе всего она казалась пораженною бѣлизною нашей *Россійнки*, прикасалась руками къ ея лицу, какѣ будшо подозрѣвая, не искусственный ли у ней цвѣшѣ и улыбаясь ча-

сто повторяла: *ідой, ідой, ш. е. хороша! хороша!* Замѣшивъ, что *Японка* любитъ новыя наряды, я, чтобъ угодить ей, поднесъ зеркало, какъ вдругъ взоры ея поразились прошивуположенію ея лица со цвѣтомъ позади ея, какъ будто нарочно стоявшей нашей бѣлой *Россіянки*. Она съ искреннимъ добродушіемъ опинала зеркало руками, говорила: *варій, варій, ш. е. не хороша! не хороша.* Напротивъ она довольно пріятная женщина, лице у нее было смуглое и нѣсколько продолговатое съ правильными чертами, ротъ маленькой со свѣтящимися подъ чернымъ лакомъ ровными чистыми зубами; брови узенькія, черныя, гладкія, какъ будто кистью проведенныя, лоснились надъ такого же цвѣта пламенными безъ впадинъ глазами; волосы самые черные, въ видѣ шюрбана причесанные, безъ всякаго головнаго украшенія, кромѣ черепаховыхъ вошкнутыхъ теребенокъ. Роста она средняго, собою шенка и довольно спройна. Одѣяніе ея состояло изъ 6 шелковыхъ, на самой тонкой вѣшѣ, похожихъ на наши халаты, широкихъ плащей; каждое было подпоясано особымъ кушакомъ очень низко. Ошъ пояса къ низу плащъ было въ обшяжку; каждое особливаго цвѣта, а верхнее было черное. Разговоръ ея былъ просяженъ, голосъ томный, все вмѣстѣ съ выразительною фізіогномією производило пріятное впечатлѣніе; ошъ роду по видимому она не могла имѣть болѣе 18 лѣтъ. Мы ее угощали хорошимъ цвѣточнымъ чаемъ съ пряниками; она пила и ѣла съ примѣрнымъ удовольствіемъ. При ошѣздѣ сдѣланы ей нѣкошорые подарки, которыми она была очень довольна.

Прощаясь, я посовѣтовалъ нашей *Россійкѣ* съ нею поцѣловаться; *Японка*, замѣшивъ ея намѣреніе, встрѣшила ее поцѣлуемъ и много смѣялась. Опѣ насъ она поѣхала прямо въ селеніе на шой самой байдарѣ, кошорая была изгоштовлена опшвезши письмо *Кахи* къ Начальнику острова.

Я полагалъ навѣрное, что коль скоро Начальникъ острова получитъ настоящее объясненіе, съ какимъ намѣреніемъ задержано нами *Японское* судно, то пришлетъ писменный опшвѣстъ, ежели не ко мнѣ, по крайней мѣрѣ къ *Такатаю-Кахи*, и даже надѣялся, что самъ *Леонзаймо*, естли задержанъ въ селеніи, присланъ будетъ для переводовъ, о чемъ Начальникъ *Японскаго* судна написалъ особую опѣ имени моего записку; но совсѣмъ прошивныя нашимъ ожиданіямъ послѣдствія дали намъ уразумѣть, что *Японское* Правительсштво запретило частнымъ своимъ Начальникамъ вступать съ нами въ переговоры, ибо вмѣсто опшвѣста, на другой день въ шедшую съ берега нашу шлюпку съ водою выпалили изъ 4 пушекъ ядрами. Не смотря однакожъ на сіе, я о показаніи *Кахи* не перемѣнилъ своего мнѣнія и пущую ихъ пальбу презиралъ, рѣшившись, какъ выше сказано, ийти въ *Камгатку*, и узнать опѣ него обо всемъ подробно, не желая скорымъ какимъ либо предпріятіемъ испорчить въ послѣдствіи главное дѣло.

При возставшемъ благополучномъ вѣтрѣ, приказалъ я сдѣлать сигналъ сняться съ якоря. Предъ сѣ ть *Такатай-Кахи* просилъ меня, чтобы я позволилъ мастро-

замъ его прїѣхать осмошрѣть нашъ корабль. Съ согласія моего, они всѣ поочереды у насъ перебивали, любопытствовали знать употребленіе каждой новой для нихъ вещи, особенно поражала ихъ наша оснастка; смѣлые лазили на *марсы*, а отважнѣйшіе даже на *салинебъ*. Я приказалъ сводить ихъ въ мою каюшу; войдя въ нее, дѣлали они такіе же знаки почтенія, какъ бы я самъ въ ней находился. Тамъ поднесли имъ изъ серебряной чарки *Руской* водки, отъ чего они сдѣлались еще смѣлѣе и веселѣе; начали знаками объясняться съ нашими машрозами, плавились суконымъ нашимъ одѣяніемъ, свѣшлыми пуговицами и цвѣшными шейными плашками, копорые вымѣнивали у нашихъ машрозовъ на свои *Японскія* бездѣлицы. *Такатай-Кахи*, увидѣвъ на шканцахъ нѣсколько порожнихъ боченковъ, предложилъ наполнить оные водою съ своего судна; пошчасъ его машрозы забрали всѣ наши пусные боченки и привезли ихъ наполненные хорошею свѣжею водою. Пріятно было видѣть людей, почилавшихся за нѣсколько часовъ нашими врагами, въ шакомъ съ нами дружесствѣ. Сии добрые *Японцы*, простившись съ нами, поѣхали на свое судно съ пѣснями.

Къ вечеру шлюпъ и брикъ *Зотикъ* пошли въ море, а изъ селенія пошчасъ открылась со всѣхъ башарей пальба изъ пушекъ ядрами. Тамъ вѣроятно заключили, что мы всшудили подѣ паруса съ шѣмъ, чтобы приблизиться къ селенію съ непріятельскимъ намѣреніемъ. По причинѣ весьма дальнаго разстоянія, такая пустая пальба ничего кромѣ смѣха не могла въ насъ возбуждить,

чему также и Японскій Чиновникъ много смѣялся, говоря: *Кунаширѣ* худое мѣсто для *Русскихъ*, *Нагасаки* лучше. За прошивнымъ вѣтромъ мы простояли слѣдующій день въ проливѣ на якорѣ, разстояніемъ отъ селенія не менѣе 5 миль, и нарочно смотрѣли въ зришельныя трубы, не возвращишся ли къ *Японскому* судну посланная предъ симъ въ селеніе и шамъ задержанная байдара. Но Начальникъ судна сказалъ: пока *Россійскій* корабль не уйдетъ совсѣмъ изъ виду острова, байдара будетъ оспаваться задержанною въ селеніи. 11 числа Сентября оба судна снялись съ якоря и спали лавировать, взявши курсъ прямо къ полуострову *Камгаткѣ*. На семь переходъ мы много потерпѣли отъ жестокихъ бурь, копорыя въ такое позднее время года бывающъ здѣсь весьма опасны, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, подъ большими широтами лежащихъ; а 12 числа находились мы въ крайней опасности: одна лишь только рука Провидѣнія могла насъ избавить отъ конечной гибели. Около полудня въ шестъ день началъ душь жестокой вѣтръ, копорой въ послѣдствіи превратился въ ужасную бурю; тогда была у насъ подъ вѣтромъ гряда низменныхъ острововъ, лежащихъ между *Матсмая* и *Чикотана*. Казалось, что шлюпъ хорошо выдерживалъ большіе паруса и мы имѣли изрядный ходъ; не взирая однакожъ на сіе, насъ примѣшнымъ образомъ прижимало теченіемъ къ помянутымъ островамъ; мы не надѣялись отскакивать на якорѣ при великомъ волненіи, шедшемъ по направленію вѣтра съ открытаго океана, между островами *Кунаширомъ* и *Чикотаномъ*,

и были въ самой крайней опасности пошерпѣшь кораблекрушеніе. Съ каждою минушою видѣли, замѣчая полошу, приближеніе свое къ опаснымъ низкимъ островамъ. Къ 3½ часамъ по полудни глубина ошъ 18 сажень уменьшилась до 13; насъ несло бокомъ къ онымъ островамъ. Въ семъ бѣдственномъ положеніи, рѣшились мы прибѣгнушь къ послѣднему средству для ошверщенія гибели: спашъ на якорь, что мы и сдѣлали, но какъ якорь не задержалъ, то на глубинѣ, уменьшившейся еще на 2 сажени при песчаномъ съ камнями грунѣ, бросили другой якорь. Не смотря на сіе, шлюпъ, прошивъ жестокаго волненія споялъ бортомъ, и якоря шацились подну. Топчасъ спустили шенги и всѣ рей на низъ; къ великому щасію нашему послѣ сего якоря забрали и шлюпъ ошановился на двухъ якоряхъ. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было во второй разъ спасти насъ ошъ очевиднаго бѣдствія.

Начальникъ Японскаго судна, жившій со мною вмѣстѣ въ каюшѣ, доставлялъ мнѣ удобный случай по часпу съ нимъ объяснятьсѣ. Долго я домогался узнать ошъ него объ участи Капитана Головина; онъ вслушивался со вниманіемъ въ чинъ и фамилію и всегда отвѣчалъ: не знаю. Вѣдая, сколь мало внящны Рускія фамиліи для Японскаго слуха, спарался я разнымъ образомъ фамилію Головина изворачивашъ, и наконецъ приведенъ былъ въ величайшую радость, когда онъ со мною повпорилъ въ воспоргъ: Ховоринъ, я слышалъ, продолжалъ онъ, что онъ также находившся въ Матсмаѣ. Японцы почитаютъ его Россійскимъ Данлію, ш. е. первоста-

стейнымъ Чиновникомъ; и послѣ добрый мой *Японецъ* спалъ описывашь, какъ ему пересказывали видѣвшіе *Головнина Японцы*: что онъ высокаго роста, важнаго вида, не шакъ, какъ Капишанъ *Муръ* веселаго, и не любилъ курить табакъ, хотя опредѣлено давалъ ему самаго лучшаго. *Муръ* же, говорилъ онъ, любилъ курить трубку и довольно хорошо разумѣлъ *Японской* языкъ. Толь совершенное описаніе опличительныхъ качествъ нашихъ соопчичей освободило насъ отъ всякаго сомнѣнія, и мы благодарили Провидѣніе, пославшее намъ въ *Японцѣ* семъ шоль радостнаго вѣспника. Сверхъ сего восхищался я и тѣмъ, что не покусился на произведеніе опчаяннаго предпріятія прошивъ *Японцевъ*, внушеннаго мнѣ ложными и злонамѣренными объявленіями *Леонзайма* о нашихъ плѣнныхъ. Я узналъ, что плѣнникъ нашъ всякой годъ ходилъ на островъ *Итурупъ*, опвозя шуда разные шовары изъ *Нифона*, а опшуда возвращался съ грузомъ рыбы; но для меня весьма было удивительнo, что онъ не зналъ *Леонзайма*. Полагая, что можешь бышь, неправильно произносимо было мною его имя, я показаль ему въ записной моей книжкѣ собственною его рукою написанное его названіе и мѣсто его рожденія: городъ *Матсмай*. Онъ, прочишавъ, весьма явственно сказалъ, что купца шакого имени на *Итурупѣ* никогда не бывало; что онъ знаетъ нынѣшнихъ и бывшихъ хозяевъ онаго острова, и пересказаль мнѣ ихъ имена. Тогда вздумаль я повшорить всѣ присвоенныя *Леонзаймоу* имена, какъ то: *Нагатема*, *Тологери*,

Хородзи. Такатай - Кахи, остановясь наконецъ на послѣднемъ, съ удивленіемъ и смѣхомъ воскликнулъ *Хородзія* знаю, и онъ называлъ себя въ *Россіи* *Оягодю* (1)? Да, отвѣчалъ я ему, мы также ошъ него слышали, будто бы онъ обладалъ великимъ имѣніемъ. — Да онъ ни когда не имѣлъ и простой байдары, возразилъ мой *Японецъ*; его званіе у прежнихъ хозяевъ было *Банинъ*, т. е. смотришель за рыбными промыслами, и какъ онъ умѣлъ хорошо писать, то и опправлялъ всѣ письменныя дѣла; урещенецъ онъ *Княжества Намбу*, а не *Матсмая*, и женатъ на дочери *мохнатого Курильца*. Произнеся послѣднія слова съ презрѣніемъ, онъ сдѣлалъ знакъ рукою по своей шеѣ, для показанія, что *Леонзайму* за присвоенное званіе *Японскаго Чиновника*, ештли узнающъ въ *Японіи*, отрубяшъ голову. — Такое нечаянное ошкрышіе о самозванцѣ *Леонзаймѣ* обнаружало мнѣ то, что посыланные ошъ насъ на берегъ къ Начальнику острова *Японцы* дѣйствовали вѣрояшно по его коварнымъ наспавленіямъ въ удовольшвореніе его мщенію. Впрочемъ невозвращеніе *Японца* съ письмомъ и уходъ сопровождавшаго *Леонзайма* въ селеніе, я неправильно приписывалъ, какъ нынѣ оказываешся, боязни его возвратишся на шлюпъ. По объясненію Начальника *Японскаго* судна, закономъ запрещается поданныхъ *Японіи*, бывшихъ болѣе одного года въ чужой землѣ, по какимъ бы то ни было случаямъ допускатъ, по возвращеніи ихъ въ ошечество, къ своимъ семей-

(1) По нашему сказашъ, Земскій Исправникъ или Начальникъ надъ *Курильцами*.

спвамъ, а опсылаюпся они въ *Эддо*, для изслѣдованія ихъ поведенія, гдѣ, какъ мы полагаѣи, и оспашюпся болъшею частію на всю жизнь, лишенными всей надежды жиѣ въ мѣспѣ съ своими домашними. Наши *Японцы* пробыѣи въ *Камгаткѣ* одинъ шолько годъ, слѣдовашельно уходъ ихъ надлежиѣ приписати сей шолько одной причинѣ.

Ошплывъ ошъ бурныхъ *Японскихъ* береговъ, мы на высотѣ *Курильскихъ* оспрововъ, находясь въ виду пролива *Буссоля*, названнаго по имени фрегата знаменишаго мореплавателѣ *Данеруза*, воспользовались случившеюся ясною, довольно пріятною погодою для опредѣленія нѣкоторыхъ мѣспъ Аспрономическими наблюденіями. Мы нарочно проходили симъ обширнымъ проливомъ въ *Охотское* море, и обозрѣвъ западную часть нѣсколькихъ оспрововъ, къ сѣверу ошъ сего пролива лежащихъ, вышли опашъ въ восшочный океанъ новымъ проходомъ между оспровами *Ройкоке* и *Матау*. Не находя его названія ни на какихъ морскихъ каршахъ, мы наименовали его проливомъ *Головнина*, въ чеспъ нашего нещасшнаго Капишана, содѣлавшагося предместомъ нашихъ плаваній по симъ морямъ.

22 Сентября ошкрылись высокія сопки (погасшіе волканы) *Камгатскаго* полуосрова, вершины коихъ покрышы уже были снѣгомъ; но на низменныхъ мѣстахъ ошпѣнялась еще пріятная для глазъ зелень и темперашура воздуха была довольно шеплая. Нашъ *Кахи* признавался, что въ плаваніяхъ его къ оспровамъ *Итирупу* и *Урупу*, случалось ему видѣшъ въ эшо время года на берегахъ болѣе снѣгу, и холодъ бывалъ

ощущительнѣе. Приближаясь съ благопріятнымъ вѣтромъ ко входу въ *Аватинскую* губу, мы льстились надеждою въ слѣдующій день войши въ *Петропавловскую* гавань; но перемѣнившійся вѣтръ прямо съ берегу удалилъ насъ въ море, и мы послѣ величайшихъ трудностей, бывъ въ третій разъ весьма близко, въ одну мрачную ночь едва было не претерпѣли кораблекрушенія. Не прежде 3 Октября вошли мы въ гавань; здѣсь нашли мы три судна: одно было *Охотскій* транспортъ, пришедшій изъ *Охотска* съ провіансомъ; а другія два, подъ *Американскими* флагами, принадлежали гражданину *Соединенныхъ Американскихъ штатовъ* Г. *Добеллу*. На обоихъ сихъ судахъ грузъ, принадлежавшій оному же Г. *Добеллу*, положенъ былъ частію въ *Кантонъ*, частію въ *Маниллъ*, куда онъ заходили на пуши своемъ изъ *Кантона* въ *Камтатку*. На одномъ изъ сихъ судовъ и самъ Г. *Добеллъ* прибылъ въ званіи Капитана съ благонамѣренными видами возстановить давно желанную для здѣшняго края съ *Китаемъ* и другими изобильными сосѣдственными странами торговлю. Главная моя забота была поскорѣе свезти на берегъ нашего добраго *Японца*, казавшагося весьма утомленнымъ и даже печальнымъ, какъ я думалъ, отъ безпокойствъ продолжительнаго неблагопріятнаго нашего плаванія. Но объяснившись, послѣ узналъ я отъ него совсѣмъ другую причину. Когда мы, принимая поздравленія отъ пріѣзжавшихъ къ намъ на шлюпъ съ берегу офицеровъ и прочихъ пріятелей, вмѣстѣ съ ними радовались окончанной

кампаніи, тогда нашъ *Японскій* Начальникъ началъ тревожиться о своей участи. Ему представлялось по законамъ земли своей, что и его также, подобно нашимъ въ *Японіи*, будущъ содержать въ спрѣгомъ заключеніи. Сколь же велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ себя помѣщеннымъ не шокмо въ одномъ со мною домѣ, но и въ однихъ покояхъ!

12 Октября, ошслуживъ на шлюпѣ благодарствѣнный молебенъ за шроекрашное спасеніе ошъ погибели, казавшейся неизбѣжною, офицеры и команда перебрались на берегъ.

Такимъ образомъ окончилась первая наша къ *Японскимъ* берегамъ кампанія, предпринимаемая для освобожденія Капишана *Головнина* съ товарищами его нещасія. Плоды оной состояли въ томъ, что мы ошъ взяшаго въ плѣнъ и привезеннаго нами *Такатай-Кахи* узнали, что оные соошечественники наши живы. Такое полезное и радостное для насъ извѣстіе, мы почитали немалымъ для себя приобрьшеніемъ и награжденіемъ шрудовъ своихъ.

Привезенной нами *Японскій* Начальникъ *Такатай-Кахи*, производя во всѣхъ поршахъ своего ошечества болѣе 20 лѣтъ обширную торговлю, что подшверждалось его познаніями въ мореплаваніи, долженствовалъ бытъ. человекъ извѣстный своему Правительству. Ошлично благородное его обращеніе доказывало, что онъ принадлежишь къ образованному классу людей. Сдѣлавшись принужденно виновникомъ насшоящей его участи, не усматривалъ я въ немъ, къ ушѣшенію моему, ни

малѣйшей печали или унынія. Напрошивъ, въ спокойствіи духа питался онъ шюю патристическою мыслію, что по возвращеніи въ свое отечество, будетъ въ состояніи доказать, что со стороны нашего Правительсва никогда не было прошиву *Японіи* непріязненнаго намѣренія, и ручался своею жизнію, что посредствомъ посольсва въ *Нагасаки* освобожденіе нашихъ плѣнныхъ неминуемо послѣдуетъ. Имѣя въ своихъ рукахъ такого просвѣщеннаго и искренно расположеннаго вспомошествовать освобожденію нашихъ плѣнныхъ *Японца*, я терзался мыслію, что не было при мнѣ переводчика *Японскаго* языка, находящагося въ *Иркутскѣ*, котораго нельзя было за отдаленностію прислать въ *Камчатку* прежде будущаго лѣша. При великомъ съ обѣихъ сторонъ желаніи объяснялись, мы съ нимъ въ продолженіе зимы составили свой языкъ, на которомъ безъ затрудненія разговаривали, иногда даже объ отвлеченныхъ предметахъ. Тогда пересказалъ я ему въ точномъ видѣ всѣ недоразумѣнія и ошибки, бывшія причиною неудовольствія *Японцевъ*; неудачу посольсва нашего въ *Нагасаки* и проч. *Такатай-Кахи* разсказалъ, что всѣ жители *Японіи*, узнавъ о прибытіи *Русскихъ* кораблей въ *Нагасаки*, и о томъ, что съ *Россією* утверждены будущъ коммерческія связи, весьма обрадовались, но послѣдовавшій за шѣмъ крушой переломъ рѣшительнымъ отказомъ нашему послу произвелъ во всей *Японіи* великое негодованіе на ея правленіе. — *Такатай-Кахи*, сообщая свѣденія о своемъ отечествѣ, и изъявляя желаніе, чтобы между *Японією* и *Россією*

ушвердилась порговля, неоднократно восклицалъ. „Въ
 „нещасіи моемъ признаю я Божій промыслъ, избрав-
 „шій меня своимъ орудіемъ. Не имѣя никакихъ важ-
 „ныхъ причинъ ипши въ *Кунаширскій* заливъ, по слу-
 „чаю, заѣхалъ я шуда, не бывавъ въ немъ болѣе пѣши
 „лѣшъ, и сдѣлался виновникомъ уничтоженія вашего
 „рѣшишельнаго намѣренія напасъ на селеніе; слѣдова-
 „тельно спасишелемъ жизни нѣсколькихъ десяшковъ *Рус-*
 „*кихъ* и нѣсколькихъ сошъ *Японцевъ*. Эша мысль ме-
 „ня оживляетъ, и я надѣюсь, при всей слабости моего
 „здоровья, перенесъ суровость *Камгатскаго* клима-
 „та.“ Вниманіе и соболѣзнованіе, копорое ему опъ
 всѣхъ *Россіянъ* оказываемо было, шолько подѣйшвовали
 надъ сердцемъ сего благороднаго челоука, что онъ
 день и ночь о шомъ шолько и думалъ, какъ бы доспа-
 вишъ опечесшву своему шакое извѣстіе о народѣ, взяв-
 шемъ его въ плѣнъ, какого не приносилъ еще никшо изъ
Японцевъ, бывшихъ въ *Россіи*. Будучи, по воспишанію
 своему и по образу мыслей, гораздо свѣдущѣ предше-
 ственниковъ своихъ, онъ ясно видѣлъ, что польза опечесшва
 его, о копоромъ никогда не могъ равнодушно вспо-
 минашъ, шребовала миролюбиваго окончанія вражды, воз-
 никшей между *Россією* и *Японією* опъ случаевъ непред-
 видѣнныхъ и безъ соучастія главныхъ Правительствъ.
 Онъ понималъ, что на споронѣ любимаго его опечесшва
 будешъ вредъ опъ сей вражды, а пошому и шпарался
 всемѣрно объяснишъ намъ странность *Японскихъ* не-
 пріязненныхъ поступковъ, копорыхъ причины мы не
 постигали; равнымъ образомъ и шо, какіе у нихъ не-

преложные законы и обычаи, по незнанію кошорыхъ
 иностранецъ можетъ произнести о нихъ ложное сужде-
 ніе. Онъ увѣрялъ, что *Японцы*, поступая съ нами не-
 пріятельски, не имѣли и не имѣють въ виду заводитьъ
 совсѣмъ безполезныя для нихъ ссоры съ сосѣднею и
 великою Имперіею; но по нѣкошорымъ чишашелю уже
 извѣстнымъ законопротивнымъ поступкамъ нашихъ со-
 отечественниковъ, за нѣсколько годовъ на берегахъ ихъ
 бывшихъ, они имѣли доспашочную причину заключающъ
 о непріязненности *Россіи* къ *Японіи*, и чрезъ то при-
 нужденными нашлись, почестъ народъ нашъ себѣ вра-
 ждебнымъ, чего конечно бы не послѣдовало, естѣлибы
Японія, по примѣру другихъ Государствъ, имѣла сношеніе
 съ сосѣдственными Правительствами. И какъ они, по
 законамъ земли своей сего не имѣють, то и нельзя
 имъ было узнать; по повелѣнію ли Правительства,
 приходившія на ихъ берега суда подъ *Рускии* флагомъ
 непріятельски дѣйствовали или совсѣмъ безъ вѣдома
 онаго, а пошому *Японское* Правительство рѣшилось
 употребить сіи насильственные мѣры, признаваемыя
 впрочемъ во всей *Японіи* несоотвѣшствующими прави-
 ламъ военныхъ законовъ, но основанныя на желаніи
 получить отъ *Россійскаго* Правительства въ сихъ
 происшествіяхъ объясненіе. Я увѣренъ, говорилъ онъ,
 что одного свидѣтельства *Иркутскаго* Губернатора
 въ томъ, что Правительство не участвовало въ по-
 ступкахъ *Хвостова*, довольно будетъ, для доспавленія
Рускии плѣннымъ освобожденія. Все, что говорилъ
 сей добрый и чесшый *Кахи*, не были одни пустыя

слова, вымышленныя имъ для полученія себѣ свободы; въ послѣдствіи мы на опытъ увѣрились въ истинность оныхъ: онъ послужилъ намъ орудіемъ къ скорому и щастливому прекращенію распрей между двумя Государствами, выдачею захваченныхъ нашихъ плѣнныхъ, и къ постановленію на предбудущее время нѣкоторыхъ условій, которыя, хошя и невелики, но сдѣланы вопреки кореннымъ постановленіямъ Имперіи. Обо всѣхъ сихъ обстоятельствеяхъ писалъ я къ *Охотскому Нахальнику*, представляя, чтобъ онъ испросилъ по сему предмету официальное письмо отъ *Иркутскаго Губернатора* къ *Губернатору Матсмайскому*, разсчитывая зайши за симъ письмомъ въ *Охотскъ*. *Такатай-Кахи* брался лично вручить письмо сіе *Матсмайскому* Губернатору и доставивъ въ *Кунаширѣ* (куда обѣщано было его отвезти) рѣшительной отвѣтъ и извѣстіе объ участи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ. Таковъ былъ планъ предстоявшей кампаніи.

До половины зимы здоровье *Кахи* было въ хорошемъ состояніи, но смерть двухъ его мащрозъ произвела въ немъ большую переменъ: онъ сдѣлался задумчивъ, угрюмъ, началъ жаловаться на слабое свое здоровье, увѣрялъ лекаря, что у него въ ногахъ цыгипская болѣзнь, и утверждалъ, что она ему будетъ стоить жизни. Но истинною причиною его печали было желаніе воротиться скорѣе въ отечество и опасеніе, чтобъ въ *Охотскѣ*, куда надлежало заходить, его не удержали. Наконецъ онъ открылъ мнѣ свое подозрѣніе. Видя, что отъ благополучнаго возвращенія *Такатай-Кахи* въ отечество зависить все, какъ

освобожденіе нашихъ, такъ, можетъ быть, и воспановленіе съ *Японією* коммерческихъ связей, я рѣшилъ, не дожидаясь отвѣта изъ *Иркутска*, отвезши его прямо въ *Японію*, и когда объявилъ я ему объ этомъ, онъ призвалъ къ себѣ оставшихся своихъ двухъ мапировъ, сказалъ имъ сію радостную вѣсть, и просилъ меня, чѣмъ я оставилъ его на время съ мапирозами. Вышедъ въ другую комнату, я полагалъ, что набожный *Такатай-Кахи* желаетъ молиться Богу, какъ обыкновенно, безъ свидѣтелей, но вмѣсто того онъ скоро вышелъ изъ своей комнаты въ парадномъ своемъ плащѣ и при саблѣ, вмѣстѣ съ своими мапирозами, и началъ изъявлять мнѣ свою благодарность. Будучи изумленъ симъ неожиданнымъ явленіемъ и пронувъ чувствительностію добраго *Японца*, я увѣрилъ его въ точномъ исполненіи своихъ обѣщаній.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда надлежало заниматься приговорами шлюпа къ походу, я получилъ отъ *Иркутскаго* Губернатора порученіе, привести въ исполненіе, въ званіи *Камгатскаго* Начальника, Высочайше утвержденное новое образованіе *Камгатки*, и по случаю отправления моего къ *Японскимъ* берегамъ, довѣрилъ временное управленіе *Камгатки* Г. Лейтенанту *Рудакову* (1).

(1) Вмѣсто его поступилъ опять на шлюпъ Лейтенантъ *Филатовъ*, бывшій Командиромъ на брикѣ *Зотикъ*, разлучившійся съ нами въ прошлую осень во время жестокой бури у острова *Кунашира* и на переходѣ у *Кам-*

6 Мая ледъ былъ прорубленъ и шлюпъ выведенъ на рейдъ въ *Аватинскую* губу, а 23 Мая опшправился изъ сей губы въ предпринятой пушъ. Чрезъ двадцать дней благопріятнѣйшаго плаванія прибыли мы благополучно къ оконечности оспрова *Кунашира*, и спали на якорѣ въ заливѣ *Измѣны*, въ шакомъ же, какъ и прошлаго лѣта разстояніи опъ укрѣпленнаго *Японскаго* селенія. По совѣшу *Такатая - Кахи* велѣно было двумъ его мапрозамъ, пригошовишъся ѣхашъ на берегъ. Селеніе прежнимъ порядкомъ завѣшено было полосашою маперією. Съ башарей изъ пушекъ по шлюпу не палили и по всему берегу невидно было никакихъ движеній.

Когда наше гребное судно, для опшвоза *Японцевъ* на берегъ, было изгошовлено, тогда оба *Японца* пришли ко мнѣ въ каюшу, чшобъ изъявишъ за увольненіе свое благодарностъ, и приняшъ опъ своего Начальника разныя порученія къ главному Начальнику оспрова. При семъ случаѣ я сказалъ *Такатаю - Кахи*, чшо оппуская его мапрозовъ на берегъ, надѣюсь, чшо они принесушъ опъ *Кунаширскаго* Начальника на его письмо опвѣшъ съ обшояшельнымъ извѣщеніемъ о настоящей учасни всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, и спросилъ его, ручаешся ли онъ въ ихъ возвращеніи. Онъ опвѣчалъ: „нѣшъ!“ — „Какъ нѣшъ?“ спросилъ я: „развѣ шебъ неизвѣсны законы швоей націи?“ — „Извѣсны, да не всѣ.“ — „Когда шакъ

татскихъ береговъ претерпѣвшій кораблекрушеніе. Люди и частъ груза особю дѣяшельностію *Г. Филатова* были спасены.

сказалъ я, обращаясь къ его маэпрозамъ, что объявите *Кунаширскому* Начальнику отъ моего лица, что если-ли онъ васъ на берегу задержитъ, и не пришлетъ ко мнѣ никакихъ извѣстій объ участи нашихъ плѣнныхъ, то я долженъ буду признать сей поступокъ непріятельскимъ и вашего Начальника повезу съ собою въ *Охотскъ*, откуда нынѣшняго же лѣта прийдутъ сюда нѣсколько военныхъ судовъ прѣбывать вооруженною рукою освобожденія нашихъ плѣнныхъ. Назначая сроку только три дня для обожданія здѣсь отпѣва. “ При сихъ словахъ *Такатай-Кахи* измѣнился въ лицѣ, однако съ довольно спокойнымъ духомъ началъ говорить: „Начальникъ Императорскаго судна! (такъ онъ величалъ меня во всѣхъ важныхъ разговорахъ) Ты объясняешься съ жаромъ, швое посланіе къ *Кунаширскому* Начальнику чрезъ моихъ маэпрозовъ заключаетъ многое, а по нашимъ законамъ малое; напрасно угрожаешь ты увезти меня въ *Охотскъ*. Если двухъ моихъ маэпрозовъ Начальникъ вздумаетъ на берегу удержатъ, то не два, а двѣ тысячи маэпрозовъ не могутъ меня замѣнить. Припомъ, предворяю тебя, что не въ швоей будешь власти увезти меня въ *Охотскъ*; но объ этомъ объяснимся послѣ, а теперь скажи мнѣ, дѣйствительно ли ты рѣшимся на такихъ условіяхъ отпустить моихъ маэпрозовъ на берегъ?“ „Да!“ сказалъ я, иначе, какъ Начальникъ военнаго корабля, я не смѣю и подумаю при такихъ трудныхъ, на меня возложенныхъ порученіяхъ и ужасомъ скрывшихъ общепельствахъ.“—„Хорошо!“ отпѣчалъ онъ, „Такъ позволь мнѣ сдѣлать, мо-

жешъ бытъ, послѣднее и весьма нужное наставленіе моимъ маэрозамъ и словесно увѣдомишь обо мнѣ *Кунаширскаго* Начальника, ибо ни обѣщаннаго письма, ни какой либо записки шеперь я съ ними не пошлю.“ Онъ нѣсколько оправился (1), принялъ на себя важный видъ и потомъ продолжалъ: „ты довольно разумѣешь по *Японски*, чтобъ понимаешь все, что я въ простыхъ словахъ буду говорить своимъ маэрозамъ. Я не хочу, чтобъ ты имѣлъ право подозрѣвать меня въ какомъ либо дурномъ намѣреніи.“ Его маэрозы, сидѣвшіе на колѣняхъ, приблизились къ нему съ поникшими головами, и внимательнѣе слушали его слова. Сначала наставлялъ онъ ихъ въ обрядахъ, какъ должно будетъ явиться къ *Кунаширскому* Начальнику; потомъ подробно исчислилъ имъ, въ какой день привезены они были на *Россійскій* корабль, какъ были содержимы, когда прибыли въ *Камгатку*, что жили въ однихъ со мною покояхъ, и получали хорошее содержаніе, что оба *Японца* и *мохнатой Курилецъ* померли, не смотря на всѣ старанія врача; что нынѣ шлюпъ послѣшно отправленъ въ уваженіе его болѣзни прямо въ *Японию* и пр. и пр. Онъ повторялъ имъ нѣсколько разъ, чтобъ они все сіе безошибочно пересказали *Кунаширскому* Начальнику и заключилъ величайшею обо мнѣ похвалою, упоминая, съ какою заботливостію я всегда входилъ въ ихъ положеніе, что онъ самъ, какъ на корабль, такъ и на су-

(1) Во время сего разговора онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, по *Японскому* обычаю.

шѣ, жилъ съ мною вмѣстѣ, и все, что только можно, по его желанію, ему было доставляемо. Наконецъ предъ своимъ образомъ въ глубокомъ молчаніи помолился онъ Богу, поручилъ болѣе имъ любимому изъ обоихъ маэпрозовъ доставить свой образъ его женѣ, и опдалъ ему же большую свою саблю, которую называлъ *родительскою*, для того, чтобъ ее вручить единственному его наслѣднику и сыну. По исполненіи всего этого, онъ всмалъ и съ спокойнымъ, даже веселымъ видомъ попросилъ у меня водки, поподчивашъ при прощаніи своихъ маэпрозовъ; выпилъ вмѣстѣ съ ними и проводилъ ихъ вверхъ, не давая имъ никакихъ болѣе порученій. На нашей шлюпкѣ опвезли ихъ на берегъ, и они безпрепятственно пошли въ селеніе.

Обряды, совершенные нашимъ *Японскимъ* Начальникомъ при его прощаніи съ маэпрозами, и значительное изреченіе: не въ швоей будешь власши увезши меня въ *Охотскѣ*, привели меня въ великое смущеніе. Возвращеніе *Японскихъ* маэпрозовъ казалось мнѣ совсѣмъ безнадежнымъ; я могъ удержашъ въ видѣ аманаша озлобленнаго *Японскаго* Начальника, но не въ моей власши было воспрепятствовать исполненію его смѣлаго изреченія. Я долго не могъ рѣшиться оппустить его на берегъ, ибо чрезъ то лишился бы всей надежды къ освобожденію нашихъ плѣнныхъ, однакожъ, сообразивъ всѣ обстоятельства, увидѣлъ я, что въ пользу нашихъ плѣнныхъ должно избрать последнее средство. Пришомъ вознамѣрился я, есшлы уволенный на берегъ *Японскій* Начальникъ не ворошится, ишши самъ прямо въ селеніе.

Нѣсколько зная *Японской* языкъ, не труднобъ мнѣ было во всемъ объяснишься, и припомъ я имѣлъ въ виду, что есѣли наши плѣнные живы, то участъ ихъ ошъ сего не сдѣлаеѣся хуже; когда же они всѣ убиты, тогда всему дѣлу и моимъ мученіямъ конецъ. Я объявилъ о семъ намѣреніи старшему по себѣ офицеру, котораго нужно было заблаговременно наспавить для пользы службы, въ исполненіи неокончанныхъ мною нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей. — Утвердившись въ этомъ мнѣніи, сказалъ я нашему *Японскому* Начальнику, что онъ можеѣ въхашъ на берегъ, когда ему угодно, ибо я во всемъ полагаюся на его великодушіе, и прибавилъ, что его невозвращеніе будетъ споить мнѣ жизни. — „Понимаю!“ отвѣчалъ онъ: „тебѣ безъ писменнаго свидѣшельства объ участи всѣхъ вашихъ плѣнныхъ нельзя ворошиться въ *Охотскѣ*, да и мнѣ нельзя подвергнуѣ своей чести малѣйшему безславію, иначе какъ на щепъ моей жизни. Благодарю за твою довѣренности, но я и прежде не имѣлъ намѣренія въхашъ въ одинъ день съ своими маѣрозами на берегъ; это, по нашему закону, для меня неприлично; а завѣрапоуѣру, ежели тебѣ угодно, прикажи меня опвезши поранѣе на берегъ. — „Приказывашъ не нужно!“ былъ мой отвѣѣтъ: „я самъ опвезу тебѣ“ „И пакъ“ — сказалъ онъ съ восторгомъ: „мы опяѣ друзья! теѣперъ я объясню тебѣ, что значило опправление моего образа и *родительской* сабли на берегъ; но прежде выговорю тебѣ съ шою опкровенностию, съ какою я приспанаей съ шобою, какъ другъ, обо всемъ объяснялся, что

швое словесное посланіе къ *Кунаширскому* Начальнику чрезъ моихъ машрозовъ для меня было чрезвычайно оскорбительно. Угрозы швои о приходѣ сюда нынѣшняго лѣта съ военными судами до меня собственно не касались; но когда ты объявилъ свое намѣреніе увезши меня съ собою въ *Охотскѣ*, то я примѣшилъ, что ты подозрѣваешь во мнѣ обманщика, подобнаго *Городзію*. Призываюсь, я едва могъ вѣришь, чтобы сіи оскорбительныя моей чести слова были произнесены тобою. Удивительно для меня было, что ты въ приспа дней мнѣ ничего не говаривалъ въ сердцахъ, между тѣмъ, какъ я, по своей горячности, неоднократно и безъ всякой почши причины бывалъ въ жестокомъ гнѣвѣ, а въ нынѣшній день, при такомъ важномъ случаѣ, ты допустилъ гнѣву овладѣшь швоимъ разсудкомъ и чрезъ шо въ нѣсколько минушъ приугошовилъ меня сдѣлашься злодѣемъ и самоубійцею. Національная наша честь не позволяешь челоѣку моего званія бышь въ чужой землѣ плѣнникомъ, каковымъ ты хотѣлъ меня сдѣлать, при объявленіи своего намѣренія увезши меня съ собою въ *Охотскѣ*. Въ *Камгатку* я съ тобою ошправился согласно съ моимъ желаніемъ, о чемъ и главному нашему Правленію извѣстно, ибо я особенно писалъ въ *Кунаширѣ*, по какимъ причинамъ вооруженныя шлюпки съ *Россійскаго* военного корабля овладѣли моимъ судномъ. Одни машрозы были тобою взяшы прошивъ ихъ воли. По превосходной швоей силѣ, я находился тогда въ швоихъ рукахъ, но жизнь моя всегда была въ моей власши. Послѣ всего эшого объявляю тебѣ тайну моихъ намѣре-

ній: я твердо рѣшился, видя себя непоколебимымъ въ своихъ предпріятіяхъ, свершишь надъ собою убійство. Въ доказательство исполненія сего я опрѣзалъ у себя на головѣ клокъ волосъ (1) и положилъ ихъ въ ящикъ моего образа. Сіе, по нашимъ законамъ, означаетъ, что опъ кого присланы собственные его волосы, лишилъ себя жизни съ чеспію, ш. е. разпоролъ себя брюхо. Надъ волосами свершается такой же обрядъ погребенія, какъ и надъ самимъ покойникомъ. Когда ты называешь меня другомъ, то я опъ тебя ничего не скрою: озлобленіе мое дошло до такой степени, что я даже хотѣлъ убить тебя и своего старшаго офицера, и пономъ имѣлъ ушѣшеніе объявить объ этомъ своей командѣ! “Какія возмущительныя для *Европейца* понятія о чеспіи! *Японцы* почипають такое дѣло величайшимъ подвигомъ; память подобнаго героя прославляешь вмѣстѣ съ уваженіемъ къ оставшемуся его семейству. Въ противномъ же случаѣ дѣши бывають преданы изгнанію изъ мѣста своего рожденія.

Вопъ съ какими ужасными замыслами жилъ въ одной со мною каютѣ человекъ, на коего я взиралъ, какъ на искренняго своего друга и засыпалъ покойно! Выслушавъ сіе съ такими движеніями чувствъ, каковыя обыкновенно бывають при размышленіи о минувшей опасости, я сказалъ ему, что мнѣ удивительно его ограничиваніе въ избраніи мщенія, когда въ его власпи было совершишь полное мщеніе надъ жизнію.

(1) Онъ показалъ на головѣ примѣнное мѣсто вырѣзанныхъ волосъ.

всѣхъ насъ зазженіемъ крюшъ-камеры (1). „Да“ сказалъ онъ: „взорваніемъ всѣхъ на воздухъ? нѣтъ другъ мой, эшо я зналъ; но какая въ этомъ опважность? По моему мнѣнію такимъ пошашеннымъ образомъ мспишь свой-спвенно малымъ, робкимъ душамъ; не думаешь ли ты, продолжалъ онъ, чшобъ я тебя убилъ соннаго, почиая тебя храбрымъ Начальникомъ? Я думалъ излишнимъ въ этомъ дѣлать поясненіе; но когда ты посшавляешь великостію произвести мщеніе взорваніемъ корабля на воздухъ, шо вѣрояшно ты подумалъ, чшо я имѣлъ намѣреніе убить тебя шайнымъ образомъ. Нѣтъ! формальнымъ вызовомъ я присшупилъ бы къ дѣлу.“ За шакое его героическое, швердое намѣреніе и искреннюю ко мнѣ опкровенность, онъ сдѣлался въ глазахъ моихъ дѣйспвишельно рѣдкимъ чшовѣкомъ, и мое къ нему уваженіе возвысилось по мѣрѣ обнаружившихся новыхъ въ немъ качесшвъ великостіи души.

На другой день съ примирившимся со мною удивительнымъ *Японскимъ* Начальникомъ поѣхалъ я на берегъ. Приближаясь къ берегу, увидѣли мы двухъ идущихъ изъ селенія *Японцевъ*, которыхъ вскорѣ признали, къ общей радости, нашими *Японскими* машрозами. Присшавши къ берегу, мы ихъ дождались у рѣчки, прошиву кошорой спшоялъ нашъ шлюпъ. Они увѣдомили своего Начальника, чшо въ *Кунаширѣ* главнымъ командиромъ были приняшы весьма хорошо, и на испрашиваніе мною позволенія наливашься у рѣчки водою

(1) Симъ именемъ называется мѣсто, гдѣ хранишья на кораблѣ порохъ.

дано согласіе на условіи, чшобъ наши люди не переходили на другую сторону рѣчки противъ селенія. По случаю прихода *Россійскихъ* судовъ къ *Кунаширу*, находились въ селеніи шрое большихъ Чиновниковъ: спаршіе два, по объявленіи *Японскими* машрозами ихъ именъ, оказались нашему *Японцу* хорошими пріятелями. Болѣе никакихъ извѣстій они намъ не сообщили. Главный Начальникъ острова желалъ шолько поскорѣе увидѣться съ нашимъ *Японскимъ* Начальникомъ. Изъ сдѣланныхъ мною *Японскимъ* машрозамъ подарковъ, нѣкоторыя бездѣлицы были ими взяты съ собою на берегъ; всѣ оныя безъ изъятія были *Кунаширскимъ* Начальникомъ разсмашриваемы и *Японскимъ* машрозамъ не позволили ничего при себѣ оставишь: они принесли назадъ въ особомъ узелкѣ всѣ вещи до иголки. Я называлъ это непріязненнымъ поступкомъ; но *Такатай-Кахи* меня успокоилъ, объяснивъ, что приняшіе подарковъ у нихъ запрещено закономъ.

Потомъ одинъ изъ машрозовъ подалъ мнѣ ящикъ, препровожденный чрезъ главнаго Начальника съ бумагами изъ города *Матсмая*.—Восшоргъ неожиданной радости наполнилъ мою душу. Я мнилъ обрѣсти въ немъ письма ошъ заключенныхъ въ ономъ городѣ нашихъ друзей, и спѣшилъ шупъ же на берегу ошкрышь ящикъ; но благоразумный *Такатай-Кахи* меня ошановилъ, говоря: „огради свое любопытство разсудкомъ! въ этомъ ящикѣ должны заключащься важныя бумаги ошъ нашего Правительсшва къ вашему.“ — Взявъ ошъ меня ящикъ, совершилъ ошъ надъ нимъ обрядъ особаго почишанія шроекрашнымъ

подняшіемъ на голову, и сказалъ: „все намъ благопріятствуетъ; я говорю: намъ; ибо по чувствамъ моимъ, я вполонину *Руской*. Весьма хорошо будетъ, естли ты мнѣ позволишь опнесши эшошѣ ящикъ обратно къ Начальнику; завпра я не замедлю съ нимъ къ тебѣ возвращишься: сего пребуешь нашъ обрядъ.“ Въ секунду возспала въ чувствахъ моихъ борьба сомнѣній, и въ секунду, не измѣняя вида, рѣшилъ я слѣдовать его совѣшу. Тогда я распрощался съ нашимъ почтеннымъ *Японцемъ*, и отдавая ему половину разрѣзаннаго своего бѣлаго плашка, сказалъ: кшо мнѣ другъ, шотъ чрезъ день, два и не долѣе прехъ принесешъ ко мнѣ другую половину моего плашка. Твердымъ и увѣришельнымъ голосомъ опвѣчалъ онъ, что одна смерпъ можешъ воспрепятствовашъ ему сіе исполнишь. „Не чрезъ день,“ продолжалъ онъ, а завпра поушру непременно возвращусь къ тебѣ на корабль, но позволь моимъ машрозамъ со мною опяшъ ворошиться въ селеніе.“ Я согласился на то, а самъ возвращаясь на шлюпъ, приказалъ содержать оный къ ночи въ настоящемъ боевомъ порядкѣ. — На другой день съ вахшы извѣстили меня, что видяшъ двухъ идущихъ изъ селенія *Японцевъ*, и что одинъ машешъ чѣмъ-шо бѣлымъ. Я узналъ, что эшо нашъ добрый *Японскій* Начальникъ и немедленно послалъ за нимъ шлюпку, на кошорой онъ съ однимъ своимъ машрозомъ къ намъ пріѣхалъ и привезъ пріятныя для насъ извѣстія, что по письмамъ, полученнымъ изъ *Матсмая*, всѣ наши *Рускіе* здоровы, кромѣ *Шшур*

мана, которой былъ въ весьма опасномъ состояніи, не допускалъ къ себѣ *Японскихъ* врачей и десять дней не употреблялъ никакой пищи; теперь однакожъ ему сдѣлалось легче. Потомъ въ каютѣ вручилъ онъ мнѣ препровожденное отъ *Кунаширскаго* Начальника изъ *Матсмая* официальное письмо или листъ на *Японскомъ* языкѣ съ *Рускимъ* переводомъ, находившіеся въ вышеупомянутомъ ящикѣ. О полученіи сихъ бумагъ я послалъ съ нашимъ добрымъ *Такатаемъ - Кахи* къ главному Начальнику *Кунашира* письмо, и по его совѣту предложилъ нашу готовность итти отсюда со шлюпомъ прямо въ *Хакодаде*, если онъ согласится прислать къ намъ двухъ *Японцевъ*, посредствомъ коихъ можно было по прибытіи въ *Хакодаде* сдѣлать первое съ берегомъ сношеніе. Содержаніе сего письма, *Такатай-Кахи* взялся пересказать Начальнику *Кунашира* и къ вечеру мы его свезли на берегъ. Въ слѣдующій день, не взирая на ненастную погоду, онъ опять пріѣхалъ къ намъ на шлюпъ, и объявилъ мнѣ, что *Кунаширской* Начальникъ признаетъ мое требованіе о двухъ *Японцахъ* для слѣдованія со шлюпомъ въ *Хакодаде* справедливымъ, но не можетъ самъ на это рѣшиться, а пошлетъ объ ономъ съ нарочнымъ къ *Матсмайскому* Губернатору особое донесеніе вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, ибо онъ опровергнулъ шуда и первое мое письмо, въ день нашего въ *Кунаширъ* прибытія; тамъ находясь, говорилъ онъ, переводчики *Рускаго* языка. Почта, по увѣренію нашего усерднаго друга *Такатай - Кахи*, изъ *Кунашира* въ *Матсмай* обращается въ двадцатый день.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствевахъ я рѣшился дожидаться настоящаго разрѣшенія отъ *Матсмайскаго* Губернапора, коему безъ сомнѣнія мои письма будутъ переведены; слѣдовательно отнѣсти его нельзя было не считатьъ особенно для насъ важнымъ. Мы желали съ пользою употребить опредѣленное для ожиданія почты время, вѣрнѣйшимъ описаніемъ всего залива *Излѣны*, для чего необходимо нужно было по заливу разѣзжать на гребныхъ судахъ, о чемъ я спрашивалъ у *Кунаширскаго* Начальника позволенія. Но онъ весьма учтивымъ образомъ просилъ нашего друга *Таката-Кахи* намъ объяснить, что это будетъ прошивно предписаніямъ, и объявилъ, чтобы наши шлюпки ни подъ какимъ видомъ никуда далѣе рѣчки не ѣздили, и то на прежнемъ условіи. Мы принуждены были остаться довольными, что по крайней мѣрѣ отказъ сдѣланъ былъ учтивымъ образомъ. Между тѣмъ почтенный *Такатай - Кахи*, искренно участвовавшій въ нашемъ положеніи, не преспавалъ навѣщать насъ чрезъ каждые три дни. Добрые его манеры иногда приносили намъ отъ имени его небольшое количество свѣжей рыбы, которая всегда раздѣлялась поровну на всю команду. Въ уплашу за нее строго приказалъ Начальникъ никакой вещи на берегъ отъ насъ не привозить и всегда извинялся скуднымъ промысломъ; что и дѣйствительно было такъ, ибо во все время доставлено было къ намъ не болѣе семнадцати рыбъ.

Сии свиданія происходили слѣдующимъ образомъ.

и каждый его прїѣздъ почишаемъ былъ нами днемъ праздника:

Первое было 14 числа Іюля; при семъ посѣщеніи, дружески съ нимъ бесѣдуя, сказалъ я ему, что прочитавъ нѣсколько разъ со вниманіемъ *Матсмайской* лисшъ, весьма много удивляюсь, что въ немъ ничего не упоминается о важномъ прошлогоднемъ происшествіи, по какимъ причинамъ мы овладѣли его судомъ и самого его увезли съ собою въ *Камгатку*; въ скорости онъ отвѣчалъ, что также не менѣе моего сему удивляешься, и даже называлъ такое со стороны ихъ Правительсва упущеніе чудомъ: многозначащимъ по *Японски* словомъ (*фуссинги*!) но послѣ долгаго размышленія возобновилъ разговоръ, сказавъ: „Нѣшъ! неправильно я назвалъ оставленный безъ замѣчанія нашимъ Правительствомъ, прошлогодній вашъ непріятельской со мною поступокъ, *фуссинги*! По нашимъ законамъ вы въ правѣ были воински дѣйствовать, когда извѣстили васъ о смерти вашихъ плѣнныхъ; даже, еслибы вы меня и многихъ людей на суднѣ убили, то и тогда бы наше Правительсво, расположившись къ дружескому, какъ шеперь, объясненію, не выставилобъ сего на видъ; при томъ же я сегодня, разговаривая объ этомъ съ главнымъ Начальникомъ, узналъ, что *Городзій* васъ такимъ извѣщеніемъ не обманулъ; а бывший прошлаго года здѣсь главный Начальникъ, который и шеперь шутъже находишся, дѣйствительно сдѣлалъ ему такой отвѣтъ, что всѣ ваши убишы, самъ же, бывъ воспаленъ гнѣвомъ и мщеніемъ за учиненныя *Хвостовымъ* оскорбленія,

непріятельскими его поступками, желалъ съ вами сразиться, и съ неперпѣніемъ ожидалъ той минушы, когда вы сдѣлаете присупъ къ нападенію на селеніе. Весь гарнизонъ, состоявшій изъ *Японцевъ* (болѣе шрехъ сотъ человекъ) поклялся умереть подъ ружьемъ; они погребли себя заживо воинскимъ обрядомъ, опрѣзавъ каждый у себя клокъ волосъ, кошорые всѣ были уложены въ особой ящикъ въ бумажныхъ свипкахъ съ именемъ каждаго изъ нихъ, и въ гошовности опсправивъ оный въ *Матсмай* при первомъ вашемъ движеніи напасъ на селеніе. Знаю и вашу рѣшимость, продолжалъ онъ, кровопролитіе было бы спрашное; а превосходство вашей аршиллеріи даровало бы вамъ побѣду; но побѣду крашкременную; чудеснымъ бы шолько промысломъ, можешъ бытъ, нѣкошорые изъ васъ избѣжали смерши, ибо *Японцы*, узнавъ изъ опышовъ по поступкамъ людей, съ *Хвостовыми* бывшихъ, сколь падки ваши люди къ водкѣ, пригошовили положишь въ оную ядь.“

Побесѣдовавъ довольно долго, онъ объяснилъ намъ, что Начальникъ много сожалѣешъ, не имѣя прислать ничего хорошаго, упошребляемого нами въ пищу. Хопя еще не наспало для рыбной ловли время, однако онъ сегодня опсправилъ двѣ лодки оную промышляшь; самъ *Такатай-Кахи* общался съ удачною ловлею пріѣхашъ, не внимая нашимъ прозьбамъ, что это будетъ лишнее для него безпокойство. „Нелишнее, опшвѣчалъ онъ, первая вещь по нашему госпепрїимному обычаю доставляется лично друзьямъ, каковыми васъ я имѣю удовольствіе признавать.“ Просшившись съ нами, поѣхалъ

онъ на берегъ къ рѣчкѣ, откуда ходилъ пѣшкомъ до селенія по крайней мѣрѣ версты двѣ.

На другой день, по причинѣ дурной погоды, онъ къ намъ не возвращался; за тѣмъ въ слѣдующій день 16 числа прибрелъ весьма рано ушромъ, шакъ, что, часовые увидѣли его не прежде, какъ уже онъ находился у рѣчки во ожиданіи гребнаго нашего судна, что меня весьма много огорчило. По прибытіи его на шлюпъ, я передъ нимъ извинялся, что заспавили его нѣкоторое время дожидаться; ибо мы никакъ не воображали, чтообъ онъ шакъ мало цѣнилъ свой покой. Онъ опкровенно мнѣ признался, что шакая невнимательность для него была чувствительна. „Съ самаго выхода изъ селенія, говорилъ онъ, я идучи по берегу не прешавалъ махашъ бѣлымъ плашкомъ, и ешълибъ еще не много вы замедлили прислать шлюбку, я намѣренъ былъ возвращишь ся. — (Спарикъ былъ чрезвычайно честюлюбивъ, надобно было при немъ часовыхъ побранишь). Ты удивляешься, что я шакъ рано поднялся; опъ сего шакъ же и Начальникъ меня опклонялъ, но мнѣ должно было сдержашъ свое слово; вчерашній день для меня былъ самой непріятнѣйшій. Прождавъ до самаго вечера возвращенія рыбаковъ, мнѣ уже поздно было къ вамъ ишши. Я не могъ покойно спать, нарушивъ свое обѣщаніе; всшалъ до свѣшу, съ поспѣшностію напился одного шолько чаю и опсправился изъ селенія со всѣмъ вчерашнимъ промысломъ, состоящимъ, какъ шы видишь, изъ 14 шолько рыбъ. Я буду имѣшь сегодня удовольствіе

вмѣстѣ съ шобою ѣсть свѣжую рыбу, кошорой мнѣ еще не удавалось на берегу опивѣдаться.“ Какое усердіе оказывалъ намъ почтенный *Такатай-Кахи*! возблагодаришь за оное я не имѣлъ способоу, а довольствовался сказашъ ему: „ты мнѣ другъ и мы другъ друга разумѣемъ.“ Обѣдъ былъ изгошовленъ ранѣе обыкновеннаго; ибо онъ часто поговаривалъ, что у него хорошій аппетитъ. Онъ сѣлъ съ нами вмѣстѣ за столъ: рыба съ простою *Японскою* чистю сваренною крупою, была первымъ и послѣднимъ блюдомъ. Онъ ѣлъ необыкновенно много. Я шакже давно не ѣдалъ шаккой вкусной рыбы, приправленной, вмѣсто всѣхъ соусовъ, чистѣйшею *Японскою* дружбаю достойнаго *Такатай-Кахи*; по окончаніи обѣда пили за здоровье добраго Начальника; къ вечеру прежнимъ порядкомъ опивезли его на берегъ.

18 числа онъ опять къ намъ пожаловалъ для одной шолько дружеской бесѣды, жалуясь на большую на берегу скуку и на худое содержаніе опъ Коммисіонера компаніи купцовъ, имѣющихъ сей ошровъ на опкupu, гдѣ онъ имѣлъ кварширу. По своему независимому духу, эшо его чрезвычайно огорчало: онъ не могъ вытерпѣшь, чтооу не выговорить о семъ Коммисіонеру и съ нимъ поссорился; выпросилъ у Начальника 30 человекъ *Курильцовъ* и лѣсу; поспроилъ себѣ досчатый особый домикъ, гдѣ, по его словамъ, со своими двумя малпрозами помѣстился весьма покойно и съ великимъ шоржешвомъ говорилъ, что онъ шеперь живетъ славно; о Коммисіонерѣ и компанейскихъ дѣлахъ пересказывалъ съ презрѣніемъ и заключилъ крашкимъ *Японскимъ* изрѣче-

ніемъ: *лице надмѣнное, а денегъ нѣтъ*. 20 Іюля извѣстили меня, что видяшъ идущаго изъ селенія нашего *Тайшо*: подѣ симъ именемъ онъ болѣе былъ извѣстенъ всѣмъ маэрозамъ. На *Японскомъ* языкѣ слово: *Тайшо* означаетъ командировъ; съ самаго начала онъ меня такъ назвалъ, почему я сдѣлалъ ему такую же учтивость и съ тѣхъ поръ мы сжали другъ друга величать *Тайшо*. Скорое такое прежде условнаго срока возвращеніе я приписалъ одной только его сукѣ. Я даже не изъясилъ удивленія, что онъ такъ скоро къ намъ возвратился; мы сошли вмѣстѣ въ каюту; онъ, сѣвши подлѣ меня на спулѣ, началъ вынимать изъ за пазухи бумагу, оговариваясь съ видомъ, непредвѣщающимъ ничего особеннаго. Сей часъ, говорилъ онъ, привезли изъ *Матсмай* сіе письмо незапечатанное; на немъ, кажешся, *Руская* надпись. Лейтенантъ *Филатовъ*, подлѣ насъ стоявшій, подсмошрѣвъ внизъ подписью въ рукахъ *Тайшо* обращенное письмо, съ воспоргомъ воскликнулъ: рука *Василья Михайловича!* Сраженный споль неожиданною радостію, я въ молчаніи беру опѣ друга моего *Тайшо* письмо, признаю руку *Г. Головина*, по наружной величинѣ онаго думаю найши пространное описаніе двухъ лѣшняго его заключенія, и развернувъ вижу только при слѣдующія строки: „Мы всѣ, какъ офицеры, такъ маэрозы и *Курилецъ Алексѣй*, живы и находимся въ *Матсмай*. Мая 10 дня 1813 года.

Василій Головинъ

Федоръ Муръ.

Сии радостныя спроки, освободившія насъ отъ всякаго сомнѣнія о дѣйствительномъ пребываніи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ въ *Матсмаѳ*, прочитаны были мною на шканцахъ всей командѣ. Къ лучшему удословленію многіе изъ служителей сами чили ихъ и признали руку обожаемаго своего Начальника, за что съ восклицаніемъ изъявили искреннюю благодарность почтенному *Такатаю-Кахи*. Всей командѣ дано было выпить по цѣлой чаркѣ водки за здоровье шѣхъ друзей, кошорыхъ въ прошломъ лѣтѣ мы почивали убитыми, и всѣ гошобы были на шѣхъ берегахъ окончить и свою жизнь.

При семъ случаѣ *Тайшо* сообщилъ мнѣ и свою великую радость. Онъ получилъ отъ сына своего изъ *Хакодаде* письмо и вошѣ какимъ спраннымъ образомъ Начальникъ ему оное доставилъ: по *Японскимъ* законамъ всякой подданной, возвратившійся изъ чужаго Государства, не можетъ ни съ кѣмъ имѣть никакого сообщенія. Начальникъ острова призывалъ его къ себѣ опдашь наше письмо для доставленія намъ; а его письмо, онъ, прохаживаясь по комнатамъ будпо нечаянно выронилъ изъ кармана, какъ просшую бумагу и не обращиваясь назадъ, далъ время и случай *Такатаю-Кахи* оное поднать; умный *Тайшо* тотчасъ догадался и нимало не затрудняя Начальника, поднялъ письмо и положилъ къ себѣ въ карманъ. Въ ономъ письмѣ сынъ извѣщалъ его о весьма выгодныхъ приобрьшеніяхъ по коммерческимъ его дѣламъ. Къ числу десяти его судовъ построено еще два большихъ. Мать его и любезная *Тайши* супруга, о жизни коей въ *Камгатакѣ* онъ сомнѣвался,

живы; но удрученная печалію супруга сдѣлала обѣтъ
 отправишься на поклоненіе по всей *Японіи* къ зна-
 менитѣйшимъ угодникамъ; въ сіе пилигримство она
 вскорѣ по полученіи извѣстія о несчастіи его,
 вступила и теперь совершаетъ. Одинъ богатый
 человѣкъ, вѣрный его другъ, коль скоро получилъ
 печальную объ немъ вѣсть, все свое имѣніе роз-
 далъ бѣднымъ и сдѣлался пустынникомъ, скрывшись
 въ отдаленныя горы. — Какой примѣръ истиннаго дру-
 жества! — Просвѣщенные *Европейцы*! Вы почиаете
Японцевъ коварными, злобными и мстительными,
 чуждыми сладчайшихъ чувствъ дружества; — нѣтъ!
 вы заблуждаетесь. Въ *Японіи* есть люди, достойные
 имени человѣка во всемъ смыслѣ сего благородна-
 го названія, и великія національныя добродѣтели,
 коимъ подражаніе не сдѣлаешь намъ сшуда; а
 паче доставишь большую похвалу. Я сказалъ доб-
 рому *Кахи*: ты, богатѣйшій человѣкъ; ибо имѣешь
 такого друга. — „Да, отвѣчалъ онъ, „я щасливъ, имѣя
 двухъ друзей.“ — Двухъ! примолвилъ я, какое мно-
 жество! Сія мысль чрезвычайно ему понравилась.
 Въ томъ же письмѣ упомянуто, что во многихъ церк-
 вахъ друзья его совершали нѣсколько дней особия
 служенія о благополучномъ его возвращеніи. Сынъ
 заключаетъ свое письмо шѣмъ, что какъ онъ былъ
 предметомъ разговоровъ по всей почти *Японіи*,
 то общее мнѣніе всѣхъ было, что, ежели Богъ
 сохранишь его жизнь въ *Россіи*, онъ непременно
 будешь возвращенъ, и для *Японіи* послѣдуютъ ща-

спливыя перемѣны. Утверждаясь на семъ мнѣніи, онъ не сомнѣвался о его прибытіи въ *Кунаширѣ* и отправилъ заблаговременно письмо, долженствующее много его утѣшить. Эпохъ день былъ для меня наипрямѣйшимъ въ жизни. При опѣздѣ нашего *Японскаго* друга на берегъ, команда изъяснила желаніе прокричать ему: ура! Что и было съ восторгомъ исполнено.

26 Іюля *Такатай-Кахи*, по пріѣздѣ на шлюпъ, уведомилъ насъ паршикулярно, что изъ *Матсмая* пришла почта и въ отвѣтъ на наше письмо ѣдинъ сюда на Императорскомъ суднѣ первый по *Матсмайской* Губернаторъ Начальникъ; при немъ *Курилецъ Алексѣй* и одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ *Русскихъ*. По мнѣнію *Такатай-Кахи* нашъ *Руской* не могъ быть офицеръ, какъ мы было всѣ заключили, а вѣрно мапррозъ. По времени отправленія судна изъ *Матсмая*, ему должно было сегодня или завтра сюда придти. Черезъ нѣсколько часовъ было усмотрѣно, что оно приближается къ заливу. *Такатай-Кахи* призналъ его, по красному шарообразному знаку на парусѣ, судномъ Императорскимъ. Корпусъ его былъ весь выкрашенъ красною краскою, борды завѣшены полосатою матеріею, на кормѣ развѣвались три флага, каждый съ особеннымъ изображеніемъ; въ кормовой же часпи утверждены были четыре большія пики съ какими то чернѣющими на вершинахъ перевязками (по числу такихъ пикъ въ *Японіи* познается чинъ того, передъ кѣмъ ихъ несутъ); изъ сѣденія на встрѣчу Императорскому судну выѣзжали

байдары подъ флагами; каждая байдара подавала особой свой буксиръ и всѣ рядомъ буксировали оное судно къ селенію. При наскупленіи шенношы нельзя намъ было замѣшшь, какая на берегу сдѣлана была церемоніальная встрѣча прибывшему Начальнику. *Такатай-Кахи*, уѣзжая на берегъ, далъ вѣрное слово завпра къ намъ побывашъ и объяснишь намъ, по какой причинѣ пріѣхалъ сюда Начальникъ.

Въ слѣдующій день увидѣли мы его идущаго вдвоемъ. Самаго *Такатай-Кахи* мы пошчасъ узнали по привязанному къ его саблѣ бѣлому плашку. Въ разсмаприваніи другаго шакже недолго запруднялись: какъ они шли рядомъ, шо высокій его ростъ по временамъ совсѣмъ заслонялъ опѣ нашихъ взоровъ *малорослаго* нашего, но *великаго* друга *Такатай-Кахи*. Всѣ сказали, что идешъ одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ машрозовъ. Здѣсь я не могу не описашъ шой шрогашельной сцены, кошорая происходила при встрѣчѣ нашихъ машрозовъ съ появившимся между ими изъ *Японскаго* плѣна шоварищемъ. Въ это время часшъ нашей команды у рѣчки наливала бочки водою. Нашъ плѣнный машрозъ все шелъ вмѣстѣ съ *Такатаемъ-Кахи*, но когда онъ спалъ сближашся съ усмошрѣвшими его на другой сторонѣ рѣчки *Русскими*, между коими вѣрояшно началъ распознавашъ своихъ прежнихъ шоварищей, шо сдѣлалъ къ самой рѣчкѣ шри большіе шага, какъ надобно воображашъ, давлениемъ сердечной пружины, и оспавилъ по крайней мѣрѣ въ девяти хорошихъ *Японскихъ* шагахъ нашего малорослаго *Такатай-Кахи*. Тогда всѣ наши машрозы, на

прошивной сторонѣ рѣчки стоявшіе, въ изумленіи нарушили черту нейспралишеша и бросились чрезъ рѣчку въ бродъ обнимать своего товарища по Христіянски. Бывшій при работѣ на берегу офицеръ меня увѣдомилъ, что долго не могли узнать нашего плѣннаго мапроза: такъ много онъ въ своемъ здоровьѣ перемѣнился! Подлѣ самой уже рѣчки всѣ воскликнули: *Симоновъ!* (такъ его звали) онъ, скинувъ шляпу, кланялся, оставался безмолвнымъ и привѣтствовалъ своихъ товарищей крупными слезами, кашившимися изъ большихъ его глазъ. Сія прогашельная сцена была возобновлена, когда онъ пріѣхалъ на шлюпъ. Я первый, съ нимъ поздоровавшись спросилъ только о здоровьѣ всѣхъ оставшихся нашихъ плѣнныхъ въ *Матсмаѣ*. Онъ отвѣчалъ: „Слава Богу, живушъ, хотя не такъ здоровы, особенно *Шшурманъ* опасно болѣн!“ Долѣ удовлетворяшъ любопытству спрашиваніемъ о моемъ другѣ *Васильѣ Михайловичѣ Головинѣ* я не смѣлъ, видя съ какимъ нестерпѣніемъ команда желала его приняшъ въ свои дружескія объятія.

Съ пріѣхавшимъ на шлюпъ почтеннымъ *Такатаемъ-Кахъ*, сошелъ я въ каюшу. Онъ объявилъ мнѣ, что прибывшій въ *Кунаширѣ* первой по *Матсмайско* Губернаторъ Чиновникъ *Такахаси-Сампей* поручилъ ему сообщить мнѣ особые пункты; вынулъ памятную свою книжку и прочелъ слѣдующее: „*Такахаси-Сампей* свидѣтельствуешъ свое почитаніе *Камтатско* му Начальнику и извѣщаетъ его, что въ слѣдствіе полученнаго отъ него въ *Матсмаѣ* письма, *Обунъ-О-Сама* (Губернаторъ) предписалъ ему послѣдующее ошправлені-

емъ въ *Кунаширѣ*, куда прибылъ на *Россійскомѣ* военномъ кораблѣ *Камгатскій* Начальникъ, для изъясненія къ такому высокому званію должнаго вниманія и сообщенія предварительныхъ пунктовъ по предмету освобожденія всѣхъ *Русскихъ*. *Такахаси-Сампей*, почувшамъ своимъ, крайне сожалѣетъ, что *Японскіе* законы не позволяють ему имѣть въ здѣшнемъ мѣстѣ личныхъ съ *Камгатскимѣ* Начальникомъ переговоровъ. Принимая большое участіе въ трудахъ, коимъ офицеры и команда *Россійскаго* военного корабля подвергаются въпоричнымъ приходомъ къ острову *Кунаширу* для освобожденія своихъ соотечественниковъ, и соболѣзную о случившемся съ ними непріятномъ происшествіи, привезъ онъ съ собою, съ позволенія *Матсмайскаго Обунъо*, одного изъ плѣнныхъ *Русскихъ*. Для лучшаго обо всемъ удостовѣренія своихъ соотечественниковъ, ему позволено каждодневно навѣщать *Россійской* корабль съ условіемъ возвращаться къ ночи въ селеніе. *Такахаси-Сампей* проситъ *Камгатскаго* Начальника принять избраннаго для переговоровъ довѣреннаго *Таката-Кахи* представляющимъ его лице, ибо онъ объявилъ, что свободно объясняется съ *Камгатскимѣ* Начальникомъ. — За симъ слѣдовали офиціальныя пункты.

1. Согласно съ нашимъ офиціальнымъ листомъ доставивъ *Японскому* Правленію свидѣтельство за подписаніемъ также двухъ Начальниковъ съ приложеніемъ печатей, почто ли *Хвостовѣ* производилъ безъ вѣдома и согласія *Россійскаго* Правительсва законопротив-

ные поступки на *мохнатыхъ Курильскихъ* островахъ и *Сахалинѣ*.

2. Извѣстно, что *Хвостовъ*, непріязненнымъ дѣйствіемъ въ селеніяхъ нашихъ, нарушилъ спокойствіе народа, присвоивъ себѣ право воспользоваться пшеномъ и разными товарами, принадлежавшими частнымъ людямъ и все собранное имъ имущество привезъ въ *Охотскъ*; въ числѣ коихъ находилась и наша воинская аммуниція, состоявшая изъ лаптъ, стрѣлъ, ружей и нѣсколькихъ пушекъ. О первыхъ вещахъ, *Хвостовымъ* взятыхъ, *Японское* Правительство заключаетъ, что опъ долговременности пришли въ совершенную негодность; но послѣднія по свойству своему не могутъ подвергнуться совершенной порчѣ и бытъ включены въ смыслъ шакого заключенія, какъ первыя; слѣдовательно онѣ должны бытъ *Японскому* Правительству возвращены: ибо въ послѣдствіи времени шакія вещи могутъ представлять трофеи, какъ будто по праву завоеванія опъ насъ *Россіи* доставшіяся; какъ оныя опъ употребленія не могутъ скоро повредиться, то можетъ бытъ онѣ въ самомъ *Охотскѣ* теперь и не находяшся. Собравъ же ихъ изъ разныхъ мѣстъ, хоша возможно было, но по причинѣ затрудненій въ пересылкѣ изъ отдаленныхъ мѣстъ, *Японское* Правительство по скорости перешлихъ обстоятельствъ останется довольнымъ, есшлы опъ *Охотскаго* Начальника доставившя особое свидѣтельство, что никакихъ вещей, *Хвостовымъ* съ *Мохнатыхъ*

острововъ и *Сахалина* привезенныхъ теперь по спро-
гому изысканіи въ самомъ *Охотскѣ* не находились.

Нужно здѣсь замѣтить, съ какою понюкою и
учтивостію, *Японское* Правленіе намѣкаетъ (въ про-
сшомъ даже мною предложенномъ смыслѣ, а на *Япон-
скомъ* языкѣ конечно сіе выражено въ превосходной
степени), что имъ все извѣстно ошъ возвратившагося
Японца Леонзайма, какимъ образомъ поступлено съ
ихъ увезеннымъ *Хвостовымъ* имуществомъ.

3. Ошносительно случившагося въ прошломъ лѣтѣ
непріятнаго происшествія, упоминаемаго въ письмѣ
Камчатскаго Начальника, даешся знать, что принявъ
въ уваженіе тогдашнія обстоятельство, поступокъ
Начальника *Россійскаго* военного корабля, по нашимъ
законамъ признанъ былъ ошъ *Японскаго* Правленія
справедливымъ и потому въ офиціальномъ нашемъ ли-
стѣ ничего объ немъ не упоминаешся, а о томъ,
что *Японскій* Начальникъ судна *Такатай - Кахи* уве-
зенъ былъ въ *Камчатку* противъ его воли, *Японское*
Правленіе не знаетъ, ибо въ полученномъ тогда же
изъ *Кунашира* ошъ *Фнамоу* *Такатай-Кахи* письмен-
номъ объявленіи упоминаешся, что онъ согласно со сво-
имъ желаніемъ ошправляешся на *Россійскомъ* воен-
номъ кораблѣ въ *Камчатку* съ четырьмя своими маш-
розами и однимъ *мохнатымъ* *Курильцемъ*, копо-
рыхъ Начальникъ *Россійскаго* военного корабля взялъ
силою.

4. Въ заключеніе всего *Такахаси - Салпей* на-
дѣешся, что нынѣшняго же года *Россійскому* военному

кораблю возможно будетъ съ требуемыми Японскии Правленіемъ свидѣтельствомъ и объясненіями возвратиться изъ Охотска въ Хакодаде, гдѣ онъ и другой на листѣ подписавшійся Начальникъ Коодзимо-Хіогороо будутъ ожидать Камгатскаго Начальника, для принятія отъ него оныхъ свидѣтельствъ и объясненій лично, съ должными по нашимъ законамъ обрядами, увѣряя о непреложномъ нашемъ обѣщаніи просить въ Эддо возвращенія всѣхъ плѣнныхъ Рускихъ, при изъясненіи теперь искренняго желанія Россійскому военному кораблю благополучнаго плаванія и скорого въ Хакодаде возвращенія. Симъ окончалъ почтенный Такатай-Кахи возложенное на него по особой довѣренности порученіе; а я, будучи во все время шревожимъ величайшимъ нетерпѣніемъ поговорить наединѣ съ нашимъ плѣннымъ маэрозомъ, вышелъ потчасъ въ особую каюшу, куда былъ введенъ и маэрозъ. Онъ, осмошрѣвшись, что насъ только двое, началъ порошъ свой ворошникъ и вынулъ опшуда въ нѣсколько разъ искусно свернутый кругомъ исписанный шонкій Японскій листъ бумаги, подалъ мнѣ оный и сказалъ: „вошъ вамъ письмо „отъ Василья Михайловича, которое удалось мнѣ „скрыть отъ хипрыхъ Японцевъ. Въ немъ описанына- „ши страданія и совѣшы, какъ вамъ должно съ ними „поступашъ.“ Принимая отъ него сіе, казавшееся для меня одушевленнымъ, письмо, я нѣсколько разъ глазами пробѣжалъ всѣ строки; но отъ неизъяснимаго волнованія души, происходившаго частію отъ боязни узнать что нибудь ужасное, и отъ восшорга, порожден-

наго такою неожиданностію не могъ ничего прочитать; шустъ же приложены были маленькіе лоскушки бумагъ, удивительно, какъ мѣлко исписанные Г. Хлѣбниковымъ. Немного успокоившись, я все прочиталъ, и обрадовался усмотрѣвъ, что несчастные пишутся нѣкоторою надеждою о возвращеніи въ свое отечество.

Вошъ почная копія съ письма Г. Головинца.

„Любезнѣйшій другъ П. И. Кажешся *Японцы* начинаютъ понимать всю истину нашего дѣла, и увѣряюща въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ нашего Правительсва, а также и въ томъ, что поступки *Хвостова* были самовольны безъ вѣдома Начальсва и къ большому неудовольствію Государя; но имъ нужно на сіе формальное увѣреніе отъ начальника какой нибудь нашей Губерніи или области, съ приложеніемъ казенной печати. Есть надежда, что они, увѣрившись въ хорошемъ къ нимъ расположеніи *Россіи*, войдутъ съ нами въ торговыя связи, ибо теперь они начали понимать бездѣльные поступки *Голландцевъ*: мы имъ сказали о письмѣ, перехваченномъ *Англичанами*, въ которомъ *Голландскіе* переводчики хвастаются, что успѣли въ *Нагасаки* поссорить *Резанова* съ *Японцами*; но если станете съ *Японцами* сноситься, то будьте осторожны и не иначе переговаривайтесь, какъ на шлюпкахъ далѣ пушечнаго выстрѣла отъ берега; при томъ не огорчайтесь медленностію *Японцевъ* въ рѣшеніяхъ и отвѣсахъ; мы знаемъ, что у нихъ и свои неважныя дѣла, которыя въ *Европѣ* кончили бы въ день или въ два, шянутся по мѣсяцу и болѣе; вообще же я вамъ совѣшую не выпускать изъ виду 4 главныхъ

вещей: имѣшь осторожность и терпѣніе, наблюдаешь учтивость и держась ошкровенности.

Ошъ благоразумія вашихъ поступковъ зависишь нешомко наше избавленіе, но и немалая польза для ошечества; я надѣюсь, что шепершнее наше нещастіе можетъ возврашшь *Россіи* ту выгоду, кошорую она потеряла ошъ бѣшенана нрава и безразсудности одного человѣка; но ешлы паче чаяніа, дѣла возмушь другой оборотъ, то какъ можно вѣрнѣе, подробности и обшояшельнѣе ошберише мое мнѣніе по сему предмету ошъ посланнаго машроза и доставыше оное Правишельству; обшояшельства не позволили посланнаго обремѣнишь бумагами, и пошому мнѣ самому на имя Миниспра писашь нельзя; но знайше, гдѣ чешь Государя и польза ошечества шребуошъ, шамъ я жизнь свою въ копѣйку не спавлю, а пошому и вы въ шаконъ случаѣ меня не должны щадить: умереть все равно, шеперь или лѣтъ черезъ 10 или 20 послѣ; по моему мнѣнію шакже все равно, бышь убишу въ сраженіи, или ошъ злодѣйской руки; ушонушь въ морѣ или покойно умереть въ постелѣ, смерть все одна смерть, шолько въ разныхъ видахъ. Прошу тебя, любезной другъ, написашь за меня къ моимъ братьямъ и друзьямъ; можешъ бышь, мнѣ еще опредѣлила судьба съ ними видѣшья, а можетъ бышь нѣшъ; скажи имъ чшобы въ семъ послѣднемъ случаѣ они не печалились и не жалѣли обо мнѣ, и чшо я имъ желаю здорovia и щастія.—Еще прошу тебя, ради Бога, не позволяй никому къ намъ писашь и ничего не посылай, чшобы намъ здѣсь не докучали переводами и вопросами,

а напиши ко мнѣ самъ о вашемъ рѣшеніи маленькое письмо. Посланному маэрозу прошу тебя изъ оставшагося послѣ меня имѣнія выдать 500 рублей (1). Товарищамъ нашимъ Гг. Офицерамъ мое усерднѣйшее почтеніе, а командѣ поклонъ; я очень много чувствую и благодарю всѣхъ васъ за великіе труды, которые вы принимали для нашего освобожденія. Прощай, любезный другъ П. И. и вы всѣ любезные друзья; можетъ быть это послѣднее мое къ вамъ письмо, будьте здоровы, покойны и щасливы, преданный вамъ

Василій Головинъ.

Апрѣля 10 1813 года.

Въ городѣ Хакодаде

въ Японской шюрѣ.

Въ семъ письмѣ Г. Головинъ совѣщывалъ мнѣ не полагаться на сомнительную искренность Японцевъ; а сверхъ того онъ насавилъ маэроза пересказать мнѣ о всѣхъ содѣлавшихся ему извѣстными средствахъ, какъ при непріязненномъ оборотѣ дѣлъ поступать противу Японцевъ; но добродушный нашъ маэрозъ столь много былъ расстроганъ отъ воспора, увидѣвъ себя перенесеннымъ изъ шюрѣмы къ своимъ сослуживцамъ, что онъ во все время казался быть полоумнымъ; сколько я ни спарался заставить его пересказать мнѣ сдѣланное ему Г. Головинъмъ насавленіе, онъ всегда отвѣчалъ одно и тоже:

(1) Г. Головинъ полагалъ, что Симоновъ при семъ случаѣ совершенно будетъ освобожденъ и возвратится въ отечество.

„о чемъ вы меня спрашиваете, когда въ письмѣ *Василѣя Михайловича* все описано,“ и самъ, какъ ребенокъ, заливаясь слезами, безпрестанно швердилъ: „изъ *Японской* шюрмы я вышелъ одинъ; а памъ нашихъ 6 чело-вѣкъ спрадаюшъ. Я боюсь, продолжалъ онъ, что есшьли я къ нимъ скоро не возвращусь, чшобъ хитрые *Японцы* не посшупили съ ними худо.“ Таковъ былъ прямо добрый, но весьма глухой нашъ вѣспникъ. Имѣя *Такатая - Кахи* испышаннымъ въ вѣрности для нашего дѣла посредникомъ, я опираясь на благородную его грудь, какъ на швердую скалу, не имѣлъ надобности ограждать себя излишнею прошиву *Японцевъ* осторожностію; а пошому и самое письмо *Г. Головнина* мнѣ было полезно шокмо въ помѣ, что изъ онаго я совершенно узналъ, чего *Японское* Правительствш пре-буешъ опѣ нашего, что безъ сомнѣнія было весьма важнымъ для насъ пріобрѣшеніемъ. Удовлешворивъ своему любопытствш распросами о настоящемъ положеніи нашихъ все еще нещасшныхъ сослуживцевъ, къ вечеру усерднаго нашего друга *Такатая-Кахи* и добраго маш-роза свезли на берегъ. Перваго просилъ я сообщитъ въ отвѣпъ *Такахаси-Сампею*, чшзавпра же, есшьли позволишъ вѣшрѣ, *Россійской* корабль опшравитшя въ *Охотскъ*, и чшз мы не замедлимъ нашимъ приходомъ нынѣшняго же лѣша въ *Хакодаде* со всѣми пребуемыми *Японскими* Правленіемъ свидѣтельствами и объясненіями. Въ особенншсти просилъ я его изтъавитъ общую нашу чувствительную призвашельность *Такахаси-Сампею* за хорошее его къ намъ расположеііе, и

особенно за доставленіе свиданія съ нашимъ плѣннымъ маэпрозомъ.

На другой день, 9 числа Іюля, мы съ ними совсѣмъ распрощались. При семъ случаѣ *Такатай-Кахи* привезъ для команды приста рыбъ. Мнѣ весьма было прискорбно, что онъ изъ предлагаемыхъ нами ему въ подарокъ вещей не принялъ ничего, кромѣ небольшого количества головнаго сахара, чаю и *Французской* водки; даже все свое, довольно дорогое имущество оставилъ онъ у насъ на моемъ попеченіи, говоря, что въ *Хакодаде* мы съ нимъ вскорѣ опять увидимся. — „Тамъ, говорилъ онъ, безъ всякаго препятствія я буду имѣть щасшіе получить отъ васъ въ знакъ дружбы предлагаемые мнѣ теперь подарки, а здѣсь, по нашимъ законамъ, много мнѣ будешь затрудненія отдавать отъ тебя въ каждой маловажной, отъ васъ полученной вещи.“ На это я ему отвѣчалъ: „въ принятіи подарковъ я не смѣю настаивать по законамъ вашей земли; но собственность свою ты долженъ отъ насъ взять, ибо тебѣ извѣстно, что путь моремъ подверженъ ежечасной опасности.“ „Какъ! возразилъ онъ, при такомъ явномъ посредствѣ Небесъ, можно тебѣ объ этомъ тревожиться? *Цисей, Цисей Тайшо*,“ сказалъ онъ съ весьма выразительнымъ видомъ, ш. е. малодушіе, малодушіе, Начальникъ! много еще остается для плаванія благопріятнаго времени, припомъ вы, продолжалъ онъ, люди мудрые, умѣете смотрѣть на небо (ш. е. дѣлать Астрономическія наблюденія); о чемъ же ты безпокоишься? Твой видъ мнѣ не нравится; ты, какъ я вижу, озабоченъ не мо-

ею ничтожною собственностію, о которой мое намѣреніе было просить у тебя позволенія раздать тебѣ твоимъ машрозамъ; но видя тебя встревоженнымъ, безъ сомнѣнія ошъ того, что ты не имѣешь надежды нынѣшняго лѣта окончать дѣла съ успѣхомъ, я долженъ заключить, что твои машрозы, все еще неимѣющіе ко мнѣ полной довѣренности, дѣйствительно подумаютъ, что я раздаю имъ свои вещи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы болѣе уже съ ними не видаться, и такъ оставимъ всѣ сіи бездѣлицы до щасливаго нашего свиданія въ *Хакодаде*; *Генъ Тайшо!*“ Это по нашему словарию значило: надѣйся на Бога, Начальникъ. Проницательный и благородный *Кахи* дѣйствительно не ошибся въ своихъ заключеніяхъ. Читаешь самъ можешь постигнуть, что я имѣлъ причины превозмощиться. Проводивъ его на берегъ, и не взирая на противный вѣтръ, мы потчасъ снялись съ якоря, чтобы выйти въ пространство залива. Перебившійся вскорѣ вѣтръ, позволилъ намъ безпрепятственно продолжать предпріятый путь; чрезъ 15 дней самаго пріятнаго и благополучнаго плаванія прибыли мы къ *Охотскому* порту и спали на якорь.

Объ успѣшной нашей къ *Японскимъ* берегамъ кампаніи и обо всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ извѣстилъ я *Охотскаго* поршоваго - Начальника. Вскорѣ получилъ я ошъ него требуемое *Японскимъ* Правительствомъ свидѣтельство и особо присланное ошъ *Г. Иркутскаго* Губернатора, дружественное письмо къ *Матсмайскому* Губернатору съ объясненіемъ всѣхъ дѣлъ, относящихся къ сему предмету. Сверхъ того, для переводовъ съ *Япон-*

скаго языка поступилъ на шлюпъ присланный изъ Иркутска Японецъ Киселевъ.

На Охотскомъ рейдѣ простояли мы 18 дней, занимаясь въ сіе время перевозкою изъ порша нужныхъ морскихъ провизій и другихъ вещей, исправленіемъ нѣкоторыхъ частей шлюпа, примѣшнымъ образомъ повредившихся. 11 Августа, бывъ совсѣмъ готовъ къ отплытію въ прешій разъ къ Японскимъ берегамъ, съ лестною надеждою при Божей помощи совершивъ освобожденіе нашихъ несчастныхъ сослуживцевъ, шомящихся въ заоченіи, отслужили мы на шлюпѣ молебенъ съ водоосвященіемъ и во время провозглашенія многолѣтія Его Императорскому Величеству, сдѣланъ былъ со шлюпа салюсъ изъ всѣхъ орудій, коихъ звуки опозвались въ душѣ каждого изъ насъ и усугубили вѣрноподданническую любовь ко Всемилостивѣйшему Монарху Благословенному Александру, опечески пекущемуся о каждомъ изъ его подданныхъ, несчастному жребію подпавшемъ, въ то время, когда устройство участи всей Европы было важнѣйшею его заботою (1).

Въ числѣ посѣпившихъ насъ въ сей день, предвѣстникъ нашихъ радостей былъ Начальникъ порша Г. Миницкій со своею любезною супругою Евгенією Николаевною, опѣважившеюся, пріемля въ нашемъ дѣлѣ ис-

(1) Мы узнали, что Всемилостивѣйшій Государь повелѣлъ изъ здѣшнихъ, около 10 тысячъ верстъ отстоящихъ отъ его столицы поршовъ, отсправить экспедицію для освобожденія Капшана Головина съ прочими.

креннѣйшее участіе, подвергнувъ себя большой опасности отъ всегдашняго движенія на здѣшнемъ открытомъ рейдѣ морскихъ волнъ, въ коихъ за годъ передъ симъ временемъ въ подобномъ перевздѣ ея супругъ едва не погибъ; — она была первая и послѣдняя *Руская* дама, почтившая шлюпъ своимъ на него прѣздомъ; а потому имѣешь полное право на шоржественную нашу признашельность, которую я при семъ случаѣ съ сердечнымъ удовольствіемъ отъ имени всѣхъ офицеровъ свидѣтельствую. Во время служенія молебна колебаніе шлюпа было столь велико, что всѣ почти береговые наши гости, кромѣ сей молодой героини, подверглись страданію морской болѣзни; она же вмѣстѣ съ нами находилась при совершеніи молебна, и казалось, что молилась и за всѣхъ тѣхъ чувствительныхъ *Россіянокъ*, коихъ сердца отъ вѣспи о постигшемъ насъ несчастіи наполнялись соболѣзнованіемъ и желаніемъ освобожденія плѣнныхъ.

По отправленіи нашемъ въ предназначенный путь противные южные вѣтры, господствовавшіе вдоль полуострова *Сахалина*, не допустили насъ прежде 20 дней придти на видъ береговъ острова *Матсмая*; а къ *Волканигескому* заливу, гдѣ находилась избранная мною безопасная гавань *Эдомо*, подошли 10 Сентября. На ближайшемъ мысу усмотрѣли мы строеніе и видѣли по берегу идущихъ людей. Шестъ часовъ благополучнаго вѣтра и мы вошли бы въ самую гавань; но на морѣ временемъ не располагающъ. Къ ночи противный вѣтръ усилился и наконецъ превратился въ бурю, которая къ ущербу насъ

удалила изъ виду береговъ. Признаки начавшейся бури удословѣрили насъ, что насталъ періодъ равноденственныхъ вездѣ господствующихъ сильныхъ вѣтровъ и какъ извѣстно изъ описаній мореплавателей, свирѣпствующихъ болѣе, нежели гдѣ нибудь у сихъ береговъ. Мы начали сомнѣваться въ возможности приспастъ сею осенью къ берегамъ *Японіи*. Я рѣшился въ случаѣ неудачи не возвращаться уже въ *Камгатку*, гдѣ много теряется времени по причинѣ продолжительной зимы; а ишши для отдохновенія мѣсяца на три на *Сандвичевы* острова, пока не возстановится у сѣверныхъ *Японскихъ* береговъ свободное плаваніе, которое начинается съ Апрѣля мѣсяца. Сообщивъ сіе намѣреніе Гг. Офицерамъ, я рѣшился держаться у здѣшнихъ береговъ до 1 Октября; а потомъ уже пуститься къ *Сандвичевымъ* островамъ; для такого продолжительнаго времени нужно было уменьшить порцію воды; всѣ на шлюпѣ весьма охотно согласились терпѣть нѣкоторой недоснашокъ, лишь бы не теряя времени окончить начатое сношеніе съ *Японцами* и скорѣе избавить изъ плѣна своихъ сослуживцевъ; но къ великой нашей радости бурныя погоды продолжались только 12 дней и возстановившіеся опять тихіе переменные вѣтры заставили насъ, какъ то обыкновенно бываетъ съ мореплавателями, забыть прошедшія свирѣпыя бури. Одно только печальное происшествіе напоминаемъ возмущало наше спокойствіе. Мы имѣли несчастіе лишиться опытнаго и усерднаго маэроза, которому, при убирании въ сильный вѣтръ парусовъ, при-

ключился ударъ и когда его спустили на низъ, медицинскія пособія оказались недѣйствительными; онъ былъ уже бездыханнымъ; надлежало бы въ шлюпку же поместить лекаря, взлѣзши на верхъ; но къ несчастію нашъ былъ изъ армейской службы, непривыкшій къ такой вертикальной прогулкѣ, впрочемъ искусный и усердный человѣкъ (1). Смерть сего добраго мажоранта, въ горестномъ нашемъ положеніи, была для всѣхъ крайне прискорбна. По совершеніи Христіанскаго обряда, при опущеніи шлюпки въ море не могъ я, видя всю почти команду въ слезахъ, удержавъ и своихъ слезъ: эту дань мы невольно свидѣтельствовали своему шестилѣтнему сослуживцу: и въ какой службѣ? Чисташель видѣлъ, что путь нашъ не розами былъ усыянъ; немногіе могутъ понять, какимъ чувствомъ дружбы связуешься на одномъ кораблѣ маленькое общество, оплеченное на столь долгое время отъ друзей и родственниковъ.

22 числа, входя въ шлюпку же *Волканической* заливъ, въ 9 часовъ утра увидѣли мы идущія къ шлюпу прибайдары. Я послалъ на шлюпку встрѣтить ихъ Лейтенанта *Филатова*, который вскорѣ съ оными вмѣстѣ присталъ къ борту. На байдаркахъ находилось 16 человѣкъ *Японцевъ*. Они безбоязненно, по приглашенію нашему, вошли на палубу. Изъ отвѣтовъ ихъ на вопросы наши, гдѣ находишься гавань, узнали мы, что она

(1) Это былъ не шлюпка лекарь, которой совершилъ съ нами путешествіе изъ *Кронштадта*: онъ за болѣзнію отправленъ былъ въ *Петербургъ*.

лежала отъ насъ къ югу въ двухъ верстахъ, за выдавшимся мысомъ, называлась, по словамъ ихъ, *Сангарою* и имѣла глубины 20 сажень. Они прѣхали на шлюпѣ изъ одного любопытства видѣшь иностранное судно. Но какъ намѣреніе наше было итти въ гавань *Эдомо*, которая была посѣщаема въ 1796 году Капитаномъ *Бртономъ*, то мы и желали, чѣмъ бы они проводили насъ къ оной; но не имѣя конечно на сіе отъ своего начальства приказанія, они не согласились на наше требованіе и вскорѣ оставили шлюпѣ. Изъ описанія, сообщеннаго *Бртономъ*, мы надѣялись однако сами найти ее безъ затрудненія. При насъшавшемъ отъ восточнаго вѣтра сшали паруса въ *Эдомо*. Къ полудню увидѣли прямо по курсу довольно большое селеніе и на возвышенности батарею, завѣшанную бумажными занавѣсами. Изъ вышеупомянутаго селенія прѣехала къ намъ *Японская* байдара, на коей было 13 человекъ *мохнатыхъ Курильцевъ*, по *Японски Айну* называемыхъ. Съ сими гребцами прѣехалъ *Японецъ*, по имени *Лезо*, одинъ изъ прислужниковъ *Таката-Кахи*, бывший съ нимъ въ *Камгатакѣ*, и опущенный нами въ *Кунаширъ* сего лѣта въ первое наше прибытіе къ сему острову. *Лезо* объявилъ намъ, что, въ силу соглашенія съ обѣихъ сторонъ, въ *Кунаширѣ* сдѣланнаго, онъ присланъ отъ *Матсмайскаго* Губернатора служить на шлюпѣ лоцманомъ для препровожденія онаго въ гавань *Хакодаде*. Сверхъ сего приказано ему спросить, не имѣемъ ли мы въ чемъ нужды, съ увѣреніемъ, что здѣшнее начальство получило приказаніе снабдить насъ всѣмъ

нужнымъ; но какъ мы не имѣли ни въ чемъ недоспашка, кромѣ прѣсной воды, то и воспользовались ихъ благосклонностію только въ томъ, что ошправили на байдарѣ 50 пустыхъ боченковъ, прося мѣснаго Начальника, наливъ ихъ водою, доставить на шлюпъ. Пришедъ на глубину 11 сажень при иловатомъ грунѣ, стали на якорь.

Поутру слѣдующаго дня пріѣхала изъ селенія *Эдомо* таже байдара, которая пріѣзжала вчерашняго дня и съ тѣми же людьми. На ней привезли наши бочки, налитые водою; а сверхъ сего свѣжей рыбы и рѣдки въ подарокъ отъ Начальника. Поднявъ бочки на шлюпъ, мы ошправили байдару съ другими 20 боченками для прѣсной воды на берегъ, приказавъ благодарить Начальника за присланную отъ него рыбу и зелень. Къ вечеру доставлена намъ была вода на той же байдарѣ. Пользуясь ясною погодою, мы исправляли повредившійся отъ крѣпкихъ вѣтровъ, при переходѣ изъ *Охотска* до сего мѣста, шакелажъ и другія на шлюпъ оказавшіеся недоспашки.

На другой день по утру привезли *Японцы* 20 боченковъ воды и взяли съ собою 35 пустыхъ боченковъ, которые въ вечеру обратно доставлены были съ водою. Послѣ полудня на байдарѣ, привозившей воду, прислано было свѣжей рыбы и зелени такое количество, что можно было удовольствоваться всю команду. За сіе *Японцы* не соглашались взять отъ насъ никакой платы не смотря на всѣ наши убѣжденія.

26 числа поутру на пріѣхавшей къ намъ съ водою

байдарѣ привезено было письмо отъ Капитана *Головнина* изъ *Хакодаде*; въ коемъ онъ увѣдомлялъ меня, что при появленіи нашемъ у помянутой гавани будешь поднимать на горѣ бѣлой флагъ, и присланъ къ намъ находившійся прошлаго года у насъ *Такатай-Кахи*, котораго теперь послашь, не донеся *Матсмайскому* Губернатору, по *Японскимъ* законамъ нельзя, и что мы можемъ въ оную гавань отправиться съ его маэрозомъ *Лезо*, знающимъ лоцманское дѣло. Письмо сіе было отправлено на писанное мною къ *Японскимъ* Чиновникамъ въ первый день прибытія нашего, въ которомъ я извѣлялъ сомнѣніе въ искренности желаемого *Японцами* сношенія, приводя доказательствомъ, что вмѣсто обѣщаннаго при соглашеніяхъ въ *Кунаширѣ Такатай-Кахи* или другаго *Японскаго* Чиновника, для нашей встрѣчи присланъ одинъ только маэрозъ. *Японецъ Лезо*, какъ выше упомянуто, пріѣхалъ къ намъ на байдарѣ и я согласился взять его вмѣсто лоцмана. Наливши здѣсь безъ всякаго затрудненія всѣ свои порожнія бочки прѣсною водою и исправя все нужное, въ 10 часу вступили мы подъ паруса. На другой день въ 8 часовъ вечера изъ за мыса, впереди насъ находившагося, открылись во многихъ мѣстахъ по *Матсмайскому* берегу огни, изъ которыхъ одинъ особенно отличался отъ прочихъ величиною и ясностію. Вскорѣ за симъ появились идущія къ намъ двѣ байдары; на одной, подъ бѣлымъ флагомъ съ двумя зажженными фонарями, пріѣхалъ къ намъ благородный и усердный *Такатай-Кахи*. Мы обрадовались чрезвычайно его прибытію, и онъ со своей

стороны не менѣ показывалъ радости, видя, что желаніе его, которое онъ нерѣдко въ бытность свою у насъ изъяснялъ, нынѣ на самомъ дѣлѣ исполняется. По повелѣнію Начальства онъ пріѣхалъ проводить шлюпъ нашъ въ *Хакодадейскую* гавань. Вмѣстѣ съ нимъ для сего же, прибылъ главной портовой Чиновникъ. По ихъ распоряженію, въ половинѣ 9 часа вечера спали мы на якорь, не входя еще въ *Хакодадейской* заливъ, въ томъ мѣстѣ, которое *Японцами* называется *Ямаси-Томири*, то есть якорное мѣсто при восточномъ вѣтрѣ, и гдѣ обыкновенно останавливаются суда ихъ при ономъ вѣтрѣ, препятствующемъ входить въ *Хакодадейскую* гавань. По окончаніи необходимыхъ работъ на шлюпѣ, мы съ величайшимъ удовольствіемъ и неперпѣніемъ вступили въ разговоры съ добрымъ нашимъ *Такатаемъ-Кахи*, съ которымъ мы, при помощи переводчика Г. *Киселева*, могли шеперь обо всемъ объясняться съ большею прошивъ прежняго удобностію. На первый нашъ вопросъ, гдѣ находясь соотечественники наши, сказалъ онъ намъ: что они живутъ здѣсь въ *Хакодаде*, и что для окончательныхъ переговоровъ и выдачи ихъ, прибылъ уже изъ города *Матсмая* самъ Губернаторъ *Хаттори-Бингоно-Ками*. Мы разговаривали съ нимъ дружески о многихъ другихъ обстоятельстве, заслуживавшихъ наше и его любопытство, и сообщили ему то, что послѣ нашей съ нимъ разлуки, въ *Россіи* извѣстно спало, а особливо о конечномъ пораженіи *Французовъ*. Онъ уѣхалъ отъ насъ, исполненный радости наипаче о послѣднемъ обстоятельстве, въ кото-

ромъ онъ принималъ искреннее участіе, и давъ обща-
ніе пріѣхавъ на другой день, чѣмъ ввести шлюпъ въ
тавань. Чрезъ всю ночь во многихъ мѣстахъ по берегу
видны были огни и одна дозорная байдара, въ близкомъ
отъ насъ разстояніи на якорѣ стоявшая, не оставля-
ла насъ до самаго отхода съ сего мѣста.

28 Сентября поутру пріѣхалъ къ намъ *Такатай-Кахи*. Мы, снявшись съ якоря, спали лавировать въ
Хакодадской заливъ и чрезъ нѣсколько часовъ шлюпъ
поспавленъ былъ, по назначенію его, въ самомъ луч-
шемъ мѣстѣ на якорѣ, разстояніемъ отъ города менѣе
пушечнаго выстрѣла. Послѣ сего объяснилъ онъ мнѣ за-
коны своей земли въ разсужденіи *Европейскихъ* судовъ:
что намъ запрещается ѣздить на шлюпкахъ по тавани,
что во все время нашего здѣсь пребыванія при шлюпѣ бу-
детъ находишься день и ночь караульная лодка, и что
все нужное для насъ съ берегу будетъ привозимо на
особыхъ казенныхъ лодкахъ; также, что спрогимъ въ
городѣ отъ Начальства объявленіемъ запрещается жи-
телямъ ѣздить на *Россійскій* корабль.

Къ вечеру повѣхалъ онъ отъ насъ на берегъ, для
подробнаго извѣщенія своего Начальства объ исполне-
ніи возложенныхъ на него порученій въ постановленіи
Россійскаго корабля въ опредѣленномъ мѣстѣ на якорѣ,
общаясь на другой день къ намъ пріѣхавъ.

Городъ *Хакодаде* (1), вѣроятъ по величинѣ своей
на семь островѣ, лежишь въ южной части онаго на

(1) Смори планъ.

покашоспи высокой круглой горы, возвышающійся на полуостровѣ, омываемомъ съ южной стороны *Сангарскимъ* проливомъ; а съ сѣверной и западной пространнымъ *Хакодадейскимъ* заливомъ, весьма удобнымъ для помѣщенія большого флота (1). Съ восточной стороны полуостровъ соединяется узкимъ и низкимъ перешейкомъ, чрезъ который видно открытое море и низкая земля. По сѣверную сторону залива, простирается обширная долина, имѣющая 15 или 20 миль въ окружности, ограничиваемая съ трехъ сторонъ хребтами высокихъ горъ. Посреди сей долины лежишь большое селеніе *Онно*, въ кошемъ жишели особенно прилежащихъ къ земледѣлію; въ другихъ же приморскихъ мѣстахъ главный промыселъ жителей состоишь большею частію въ рыбной ловлѣ. О сихъ подробностяхъ узналъ я по возвращеніи нашихъ плѣнныхъ; они были ведены чрезъ помянутый городъ, и по дорогѣ видѣли всю сію пространную долину, обработанную наилучшимъ образомъ, чего въ другихъ мѣстахъ не замѣтили. Сія гора, при которой лежишь городъ, можетъ для приходящихъ судовъ служишь самымъ лучшимъ примѣстнымъ знакомъ для входа въ заливъ, какъ по круглой своей фигурѣ, показывающейся въ отдаленности, такъ и по тому, что стоишь совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ на довольно-ное разстояніе. Съ западной стороны она кончипся высокими отрубамъ, изъ кошорыхъ въ одномъ естъ большая пещера, издалека съ моря усматриваемая.

(1) Смощри каршу сего залива.

Съ южной и западной стороны полуострова берегъ весьма *приглубый*, не имѣетъ никакихъ опмѣлей или подводныхъ камней, и къ нему можно безопасно подходить на близкое разстояніе; съ сѣверной же стороны въ заливѣ къ городу берегъ имѣетъ опмѣли и близъ онаго спановящаяся только небольшія суда. Опъ выдавагося по срединѣ города мыса идетъ почти на одну треть ширины сего залива каменной рифъ неравной глубины. Къ сѣверной и восточной сторонамъ залива глубина къ берегу постепенно уменьшается; къ западной берегъ очень приглубъ и земля кончится опрубамъ. По приближеніи мы увидѣли не весь городъ завѣшеннымъ, какъ было въ *Кунаширѣ*, но только нѣкоторыя мѣста по горѣ и по окружностямъ онаго. Съ помощію зришельныхъ трубъ, по берегу залива мы примѣтили въ шести мѣстахъ занавѣсы. Тушъ были, какъ мы послѣ узнали, *Японскія* крѣпости. Наши дѣльные, проходя мимо оныхъ, могли ихъ замѣтить, когда ихъ вели по сей дорогѣ изъ *Матсмая* въ *Хакодаде*. Сверхъ того опъ сего мѣста до города по низменному берегу вновь были построены пять крѣпостей, снабженныхъ доспашочнымъ гарнизономъ. Онѣ находились одна опъ другой не въ дальномъ разстояніи, на 200 или 300 сажень опъ морскаго берега. — Съ самага прибытія нашего на сей рейдъ, мы были окружены со всѣхъ сторонъ чрезвычайнымъ множествомъ гребныхъ судовъ всякаго рода и величины, наполненныхъ обоимъ пола людьми, пріѣхавшими изъ любопытства посмотрѣть *Европейское* судно, которое для нихъ было немалою

рѣдкостію; ибо въ семъ заливѣ, сколько мнѣ извѣстно, изъ мореплавателей прежде насъ былъ только за 22 года и то на *Оготскомъ* транспортѣ *Екатеринѣ* командиръ *Штурманъ Ловцовъ*, сопровождавшій *Г. Лаксмана*. Слѣдовательно многіе изъ жителей никогда *Европейскихъ* судовъ, а наипаче военныхъ, не видали; и пошому съ чрезвычайнымъ нешерпѣніемъ всякому хотѣлось подойти ближе къ борду; отъ сего происходили между ими немалые споры и распри. Бывшіе у борда караульные *Досины* (*Японскіе* солдаты) для соблюденія порядка и прекращенія распрей, безпрестанно кричали имъ не приближаться къ шлюпу. Но столь было велико любопытство зрителей, что приказаніе сихъ караульныхъ, впрочемъ весьма уважаемыхъ народомъ, терялись въ великомъ шумѣ и не имѣли дѣйствія.—Для приведенія въ послушаніе шалшащагося народа, *Досины* принуждены были употреблять желѣзныя палочки, обыкновенно носимыя ими за поясомъ на длинныхъ шелковыхъ снуркахъ. Они не разбирали ни состоянія, ни пола, кромѣ старости, уважаемой ими, какъ мы при семъ случаѣ замѣтили, во всѣхъ состояніяхъ; и всякаго били сими палками, кто осмѣливался нарушать приказаніе; чрезъ сіе мы избавлялись не малыхъ безпокойствъ; а иначе столько бы людей вошло на шлюпъ, что намъ самимъ не возможно бѣ было тогда ничего дѣлать за тѣсною, и мы нашлись бы принужденными употребить силу для согнанія ихъ, чего намъ при начавшихъ сношеніяхъ дѣлать крайне не хотѣлось. Строгость *Досиновъ* принудила всѣхъ любо-

пыпштующихъ составишь около насъ на опредѣленное разстояніе кругъ, за которой ни одно судно не смѣло подходить ближе къ шлюпу. Въ такомъ положеніи покрывали они заливъ на великое пространство, и когда передніе, по удовольствованіи своего любопытства, осматривали мѣста свои, то слѣдующіе занимали ихъ и не прежде всѣ вообще разсѣивались съ нами, какъ по наступленіи ночи. Въ сіе время никому уже къ шлюпу приближаться отъ бдительныхъ *Досиновъ* позволяемо не было, кромѣ тѣхъ, кои присылаемы къ намъ были по приказанію Начальства; но и сіи безъ предувѣдомленія о себѣ *Досиновъ* взходили на шлюпъ не смѣли.

Въ слѣдующій день поутру мы увидѣли выѣхавшую изъ города шлюпку подъ бѣлымъ флагомъ, (на шлюпѣ также всегда на передней мачтѣ поднимался, въ одно время съ кормовымъ военнымъ, бѣлой флагъ). Вскорѣ шлюпка пристала къ борду, и къ намъ на шлюпъ вошелъ почтенный нашъ *Такатай-Кахи* съ однимъ машрозомъ, бывшимъ у насъ лоцманомъ. Онъ привезъ отъ себя мнѣ, офицерамъ и командѣ хорошей рыбы, зелени и арбузовъ. Его машрозъ несъ за нимъ узелокъ, въ которомъ я усмотрѣлъ плащъ. Вошедъ ко мнѣ въ каюшу онъ попросилъ у меня позволенія въ прежней своей каютѣ переодѣться, сказавъ, что *Матсмайской* Губернаторъ весьма доволенъ отъзывомъ объ немъ пріѣзжавшаго въ *Кунаширъ* перваго главнаго Начальника *Сампея*, и что онъ въ нынѣшнемъ важномъ случаѣ назначенъ бытъ переговорщикомъ, для чего, по *Японскимъ* законамъ, дана ему привиллегія; а при исполненіи такой

возложенной на него лестной обязанности долженъ онъ надѣвать особое чиновническое церемоніальное плаще, во время сообщенія мнѣ переговорныхъ пунктовъ. Онъ вошелъ въ прежнюю свою каюшу, чтобъ переодѣться, а между тѣмъ и я надѣлъ парадной мундиръ и шпагу. *Такатай-Кахи*, сдѣлавъ по своему обычаю почтительное привѣщствіе, черезъ переводчика *Киселева* объявилъ, что онъ будетъ со мною вести переговоры не отъ самаго Губернатора, а отъ лица первыхъ двухъ по немъ Начальниковъ, отъ коихъ имѣетъ теперь порученіе просить у меня обѣщанную отъ *Охотскаго* Начальника офиціальную бумагу, для доставленія оной лично господамъ Начальникамъ. На это я ему отвѣчалъ, что хотя я самъ приготавлился вручить имѣвшіеся при мнѣ отъ *Охотскаго* Начальника къ здѣшнимъ Начальникамъ офиціальныя бумаги, но не желая спешить времени, для поспѣшнѣйшаго окончанія щастливо начавшагося дѣла, соглашаюсь ему ихъ отдать. Для сего собраны были въ каюшу всѣ офицеры въ полной формѣ, и съ приличнымъ обрядомъ передано было *Такатаю-Кахи* отъ меня въ синемъ сукнѣ обернутое офиціальное письмо Начальника *Охотскаго* порша; шутъ же я объявилъ ему, что имѣю особое важное отъ Его Превосходительства *Г. Иркутскаго* Гражданскаго Губернатора къ *Вельможному Матсмайскому* Губернатору офиціальное письмо, которое должно быть отъ меня принято лично, ежели не самимъ Губернаторомъ, то, по крайней мѣрѣ, главными Начальниками, отъ лица коихъ присланъ онъ ко мнѣ для переговоровъ. Та-

катай-Кахи убѣдительно меня просилъ доверить ему и сіе письмо, которое, говорилъ онъ, доставить ему великую честь, когда въ *Японіи* сдѣлается извѣстнымъ, что онъ удостоился отъ *Вельможнаго Россійскаго Губернатора* официальное письмо церемоніально вручить въ собственныя руки *О-Буньо*; но въ этомъ я ему рѣшительно отказалъ, объяснивъ прежде, что сколь я ни уважаю его ко мнѣ дружество, но въ семъ случаѣ представляю особое лице, и не смѣю на щепъ великаго достоинства *Россійскаго Губернатора*, возвысить его званіе безъ нарушенія возложенной на меня особой доверенности. Мѣсто свиданія съ главными *Японскими* Начальниками я рѣшился назначить на берегу, ибо вызывать ихъ на шлюпкахъ было дѣло вовсе невозможное: естли, по словамъ *Таката-Кахи*, во время появленія оныхъ двухъ Начальниковъ на улицахъ въ своихъ *Норимонахъ* (носилкахъ), всегда люди падаютъ на колѣна, то согласится ли такой гордый народъ на просьбъ шлюпкахъ имѣть свиданіе съ Начальникомъ судовъ чужей земли безъ всякаго церемоніала? Къ тому же я въ семъ важномъ дѣлѣ имѣлъ доверенное письмо Губернатора, уполномоченъ былъ дѣйствовать по *Высочайшей* волѣ, и при отправленіи меня къ *Японскому* Правительству, во всемъ представлялъ лице посланника, а потому, ежели бы и воспослѣдовало со стороны *Японцевъ* варварское вѣроломство, то могъ бытъ увѣренъ, что наше Правительство поступокъ мой не признало бы безразсудною неосторожностію, но дѣломъ національнымъ, въ исполненіи коего я желалъ

только соблюсти приличную возложеннымъ на меня леснымъ обязанностямъ важность и поступать съ рѣшительною увѣренностію, для возстановленія и въ *Японіи* уваженія къ званію Посланника *Такатай-Кахи*, получивъ отъ меня офиціальное письмо Начальника *Охотскаго* порта, и выразумѣвъ важность письма Губернаторскаго, просилъ меня позабыть нескромное требованіе довѣрить ему оное, и пошчасъ доѣхалъ отъ насъ на берегъ, а на другой день возвратился къ намъ на шлюпъ прежнимъ порядкомъ, и переодѣвшись въ каютѣ опять въ церемоніальное платье, началъ разговоръ отъ имени двухъ Начальниковъ, которые просили увѣдомить ихъ, не нуждается ли въ чемъ нибудь экипажъ *Россійскаго* корабля, и самъ корабль не требуетъ ли, какъ имъ сдѣлалось извѣстнымъ, отъ продолжительнаго изъ *Охотска* въ позднее время года плаванія, исправленія? На эту спашью отвѣщивавъ отъ меня было одною благодарностію, и что кромѣ свѣжей рыбы, воды и зелени (и то естли имѣеся здѣсь въ изобиліи) ни въ чемъ не имѣемъ нужды, и корабль исправленія не требуетъ. Потомъ сказалъ онъ мнѣ, что онъ съ должными по своимъ обычаямъ обрядами вручилъ письмо *Охотскаго* Командира двумъ Начальникамъ, которые по особой къ нему довѣренности, обнаружили ему свои мысли, что сдѣланныя въ ономъ письмѣ объясненія полны и весьма удовлетворительны, а предложеніе мое имѣть съ ними свиданіе, для врученія письма *Иркутскаго* Губернатора, принято съ величайшею радостію, и что теперь онъ прислалъ усло-

вишься со мною о церемоніальныхъ обрядахъ при моемъ съ ними свиданіи: во первыхъ о почешной спражѣ. Я объявилъ, что буду имѣть при себѣ 10 человекъ съ ружьями, кои выйдутъ на берегъ съ флагами, военнымъ и бѣлымъ переговорнымъ, несомыми двумя уншерь-офицерами; офицеровъ не болѣе двухъ и переводчика *Японскаго* языка; ѣхашъ же на берегъ я соглашаюсь въ предлагаемой отъ Начальниковъ Губернашорской парадной шляпкѣ, въ домѣ, гдѣ назначено имѣть свиданіе; послѣ взаимныхъ привѣтствій, кошорыя съ моей стороны будутъ состоять по нашему извѣстному ему *Европейскому* обычаю въ однихъ поклонахъ, внесутся для меня кресла, а для офицеровъ позади меня стулья, на коихъ мы должны будемъ сидѣть. При начинаніи разговоровъ отъ меня или *Японскихъ* Начальниковъ, я буду въ знакъ опличной почшительной къ особамъ симъ внимательности вставать и пошомъ по прежнему садиться на свое мѣсто. На всѣ сіи требованія *Такатай - Кахи* объявилъ свое мнѣніе, что онъ безъ всякихъ затрудненій Начальниками признаюся приличными, кромѣ ружей: „ибо, говорилъ онъ, нѣтъ у насъ примѣра, чтобъ иносшранной земли посланники, пріѣзжавшіе къ намъ для объясненія какого нибудь дѣла, допускаемы были при церемоніальномъ свиданіи, съ своею свшшою, вооруженною огнестрѣльнымъ оружіемъ; довольно будетъ для васъ чесши, въ сравненіи другихъ *Европейскихъ* пословъ, бывающихъ у насъ въ *Нангасаки*, имѣть вашей спражѣ однѣ сабли, а ружья осшавить. И шакъ, продолжалъ онъ, сдѣлано немаловажное

и въ нашихъ законахъ первое еще опуступленіе, что вы съ кораблемъ впущены во внушительность нашей гавани, со всѣми имѣющимися на кораблѣ военными орудіями и порохомъ, и даже при начавшихся шеперь переговорахъ не опияты у васъ способы, ежели бы вы вздумали поступить съ нами непріятельски.“ Убѣдись въ истинѣ пріобрѣтеннаго нами преимущества, какого, сколько мнѣ изъ путешествій извѣстно, ни одинъ изъ *Европейскихъ* кораблей еще не имѣлъ, я охотно готовъ былъ уступить въ разсужденіи ружей, и просилъ *Такатай-Кахи* слегка оное право предложивъ въ такомъ только видѣ, что безъ ружей спража не будетъ воинская и пошому несоотвѣтствующая носимому мною званію Начальника *Россійскаго* Императорскаго корабля: „у насъ, сказалъ я ему, ружья имѣють право носить одни только военные, подобно, какъ у васъ воинъ носитъ двѣ сабли, и такъ наши ружья суть не что иное, какъ другая ваша сабля.“ Впрочемъ я повторилъ ему мою прозбу, чтобъ онъ въ случаѣ возраженія со стороны двухъ Начальниковъ, что это можешь быть противно законамъ ихъ земли, оставилъ дѣло сіе безъ вниманія и нималѣйшаго не показывалъ виду, чтобъ откажъ въ ружьяхъ воспрепятствовалъ мнѣ исполнить мое намѣреніе ѣхать для свиданія на берегъ, ежели только на все прочее, какъ онъ обнадеживалъ, Начальники будутъ согласны. *Такатай-Кахи* записалъ въ книжку весь нашъ разговоръ о обрядахъ свиданія, и отправился на берегъ. Въ слѣдующій день въ обыкновенное ушреннее время, пріѣхалъ онъ на шлюпѣ и съ веселымъ видомъ

сказалъ мнѣ, что два Начальника на все согласились, и даже въ ружьяхъ. — „Сначала, говорилъ онъ, они не много призадумались, но не сказали мнѣ ни слова; тогда я взялъ смѣлоспъ объяснишь имъ все то, что вы мнѣ говорили о правѣ ружья въ *Россіи*, и теперь объявляю вамъ офиціально, что завтра оба Начальника будутъ ожидать васъ на берегу въ приготовленномъ домѣ для церемоніальнаго свиданія, гдѣ примутъ письмо *Иркутскаго* Губернатора. Въ 12 часовъ я, по приказанію Начальниковъ, приѣду за вами на парадной Губернаторской шляпкѣ. Но вотъ еще одинъ пунктъ обряда не объясненъ: не ужели вы войдете въ сапогахъ въ аудіенцъ-залу, гдѣ посланы будутъ чистые ковры, на коихъ сами главные Начальники будутъ сидѣть на колыняхъ? Войши въ сапогахъ, прошивно нашимъ кореннымъ обычаемъ и почишаешся величайшею грубостію; вамъ должно будетъ въ передней комнатѣ скинуть сапоги и войши въ однихъ чулкахъ.“ Такое неожиданное, спрванное для *Европейцевъ* требованіе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство; ибо я, при условіи о обрядахъ, не почишалъ нужнымъ высшавишь, что мы будемъ въ сапогахъ; *Японцы* же, какъ это у нихъ дѣло обыкновенной, простой даже учтивости, какъ я послѣ узналъ отъ Господина *Головнина*, шакже не почишали нужнымъ объяснишь. Меня это привело въ великое затрудненіе. Наконецъ я сказалъ *Такатаю-Качи*, съ нѣкоторымъ движеніемъ, что мнѣ ни подъ какимъ видомъ невозможно согласишься на требованіе, предшашъ въ полной формѣ со шпагою безъ сапоговъ.

„Знаю, сказалъ я, что въ вашей землѣ общая учтивость скидывать при входѣ въ покои, даже самые простые, свою обувь. Но ты, просвѣщенной человекъ, изъ опытовъ теперь знаешь, что ваши обряды во многомъ совсѣмъ противоположны *Европейски*мъ: на примѣръ, у васъ всѣ ходятъ большіе и малые безъ нижняго плашья, но въ замѣну такого недоспашка, для соблюденія благоприспосаженности, вы носите плашье, похожее на наши халасы, а въ такомъ нарядѣ у насъ въ *Европѣ* сидятъ только въ своихъ спальняхъ! Также и въ обуви у васъ неучтиво войти въ ней въ покои, а у насъ, не говоря о неучтивости, есть самое величайшее безчестіе, гдѣ нибудь явиться безъ обуви; ибо одни только Государственные преступники ходятъ безъ оной закованные въ желѣзахъ. Какъ же можно мнѣ, представляющему, какъ тебѣ извѣстно, въ званіи моемъ особое лицо, пріѣхать къ вашимъ Начальникамъ безъ обуви?“ *Такатай-Кахи* не зналъ, что мнѣ на это отвѣчать, выразумѣвъ, что спашья, казавшаяся ему незначащею въ обрядахъ, оказывается важною. Тогда придумалъ я ему сказать, что готовъ сдѣлать большое съ своей стороны снисхожденіе, дабы только не разрушить совсѣмъ условленнаго и съ обеихъ сторонъ желаемого свиданія. „У насъ есть обычай, продолжалъ я, когда мы хотимъ оказать особенное уваженіе къ большему Начальнику, то, входя въ передніе покои, скидываемъ сапоги, а надѣваемъ извѣстные тебѣ башмаки.“ *Такатай-Кахи* приведенъ былъ эпитимъ въ величайшую радость и сказалъ, „этого довольно, обрядъ учтиво-

стей безъ оскорбленія съ обѣихъ сторонъ будетъ сохраненъ; башмаки ваши я уподоблю *Японскимъ* чулкамъ и скажу, что вы согласились скинуть сапоги и войдете въ аудіенцъ-залу въ кожаныхъ чулкахъ.“ — Послѣ сего поспѣшилъ онъ уѣхать на берегъ и къ не малому удивленію подъ вечеръ возвратился извѣстивъ меня, что Начальники весьма довольны сдѣланнымъ съ моей стороны снизхожденіемъ въ разсужденіи обуви; ибо, ежелибъ я настоятельно желалъ бытъ въ сапогахъ, то хотя свиданіе не опмѣнилось бы, но Начальники не могли бы мнѣ сдѣлать желанной учтивости, приняишемъ меня сидя на колѣняхъ; а по *Европейскому* обычаю также бы сидѣли на нарочно сдѣланныхъ стульяхъ, что въ *Японіи* почитается величайшимъ неуваженіемъ и даже грубостію. Попомъ *Така-тай-Кахи* подаль мнѣ рисунокъ всего пригособляемаго въ домѣ при свиданіи церемоніяла (1). Передъ домомъ изображены были солдаты, сидящіе на колѣняхъ; въ первыхъ покояхъ нижняго класса Чиновники; тамъ должно мнѣ было скинуть сапоги, надѣвъ башмаки, и ишши мимо ряду шакихъ же Чиновниковъ, сидящихъ на колѣняхъ. Въ планѣ представлена была и аудіенцъ-зала: въ передней сторонѣ назначены мѣста двухъ главныхъ Начальниковъ, съ лѣвой стороны посажены переводчики, по правую академики, нарочно пріѣхавшіе для сдѣланія своихъ замѣчаній о *Россійскомъ* военномъ кораблѣ и ошобранія разныхъ о *Европѣ* свѣденій. Посреди залы,

(2) Смотри рисунокъ.

противъ главныхъ Начальниковъ, назначено мѣсто мнѣ, а позади меня офицерамъ; спражъ съ ружьями и флагами опредѣлено стояшь во фруншѣ передъ открытыми дверьми дома. — Устроивъ такимъ образомъ по взаимномъ согласіи, всѣ обряды для свиданія, *Такатай-Кахи*, уѣзжая отъ насъ, повторишь, что онъ, ежели погода позволишь, завтра въ 12 часовъ непременно пріѣдетъ за мною на Губернаторской шлюпкѣ. Теперь надлежало мнѣ обратишь вниманіе на участь переводчика *Киселева*, котораго нужно мнѣ было съ собою взять на берегъ для переводовъ: небезызвѣстна мнѣ была строгость *Японскихъ* законовъ къ ихъ подданнымъ принявшимъ *Христіанскую* вѣру и вступившимъ въ службу чужой земли. Хотя *Г. Киселевъ* изъ приверженности къ *Россіи* въ переводимыхъ имъ письмахъ и проч. подписывался *Россійскимъ* урожденцемъ отъ *Японца*; но хорошее его знаніе *Японскаго* языка вскорѣ обнаружило бы его предъ хитрыми соошечественниками, и тогда послѣдствія для него могли бы быть самыя пагубныя. Я призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему, чтобъ онъ основательно подумалъ, какъ онъ лучше моего знаетъ законы своей земли, можно ли ему будетъ, не подвергая себя опасности ѣхать со мною на берегъ. Онъ отвѣчалъ: „чего мнѣ бояться? развѣ васъ захватяшь, тогда и всѣхъ; а меня одного не возмущъ: я не *Японецъ*, прошу васъ взять меня на берегъ, чтобъ я могъ исполнить свою должность переводчика. На берегу въ переговорахъ съ Начальниками заключаешь важность

всего дѣла, а здѣсь на *Діанѣ* въ разговорахъ съ *Такатаѣмъ Кахи* я вамъ мало помогаю; ежели вы меня на берегъ не возьмете, то для чего же я переносилъ безпокойства дальнаго морскаго пуси?“ Видя его желаніе быть въ нашемъ дѣлѣ полезнымъ, я съ величайшею радостію объявилъ ему, что имѣшь намъ шакаго вѣрнаго переводчика весьма важно, только я не хотѣлъ поступить противъ его желанія въ шакомъ случаѣ, гдѣ предстоитъ какая либо ему опасность. За симъ приказалъ я пригошовиться къ отъѣзду еще двумъ офицерамъ, также изъявившимъ желаніе быть со мною на берегу. Около 12 часовъ въ слѣдующій день пріѣхалъ на *Діану* на Губернаторской шлюпкѣ подъ разными флагами *Такитай-Кахи*. Вошедъ въ каюшу въ полномъ парадномъ одѣяніи, объявилъ онъ мнѣ, что когда на берегу поднимешь надъ домомъ, назначеннымъ для свиданія, флагъ, тогда можно вѣхать на берегъ. Ровно въ 12 часовъ увидѣли мы сей флагъ, и немного времени спустя я съ двумя офицерами, переводчикомъ и десятию вооруженными мапирозами, вступилъ на Губернаторскую шлюпку (1), при подняшыхъ на кормѣ между

(1) На сей шлюпкѣ было 16 отборныхъ *Японскихъ* гребцовъ, въ числѣ коихъ большая половина находилась извѣстныхъ и богатыхъ купцовъ, какъ мнѣ сказывалъ о томъ *Кахи*; они приняли на себя трудъ сей для удовольствія своему любопытству, чтобы ближе посмощить на насъ. Гребля ихъ отлична отъ *Европейской*: веселья они не закидывали впередъ, какъ обыкновенно у насъ дѣлается; но по направленію почти судна повершывали оными сверху на низъ и обратно, и давали судну скорость въ ходѣ, равную нашей греблѣ.

Японскими флагами, военнымъ *Россійскимъ*, а впереди бѣлымъ переговорнымъ флагомъ, и поѣхалъ на берегъ въ сопровожденіи любопытствующаго народа, выѣхавшаго на нѣсколько спахъ лодкахъ. Назначенный для свиданія домъ находился по близости морскаго берега, при каменной пристани. На площади передъ домомъ усмотрѣли мы сидящихъ на колѣняхъ рядами *Японскихъ* солдатъ. Первый вышелъ на берегъ *Такатай-Кахи*, и пошелъ въ домъ увѣдоливъ главныхъ Начальниковъ о пріѣздѣ *Русскихъ*, и возвратившись сказалъ, что оба Начальника въ церемоніальномъ собраніи насъ ожидаютъ. Спрашивая, почему никто изъ *Японскихъ* чиновниковъ не выѣхалъ на встрѣчу, было не умѣста и совсѣмъ бесполезно. Я приказалъ унтеръ-офицеру съ бѣлымъ флагомъ сойти на берегъ, за нимъ вооруженной стражѣ и другому унтеръ-Офицеру съ военнымъ флагомъ, за копорымъ сошелъ самъ, а за мною офицеры. Построившаяся во фронтъ стража съ флагами передъ самыми открытыми дверьми дома, когда я проходилъ, сдѣлала на караулъ. Въ первое осмѣленіе дома я приказалъ съѣхавшему со мною для услугъ *Японскому* маэпрозу внести кресла, чтобы перемѣнить обувь. Надѣвъ башмаки, пошелъ я съ офицерами въ аудіенцъ-залу: въ сей залѣ, наполненной разнаго званія чиновниками въ воинской одеждѣ при двухъ сабляхъ, поразило меня необыкновенное глубокое молчаніе. Ошличивъ двухъ главныхъ, одного подлѣ другаго на колѣняхъ сидѣвшихъ Начальниковъ, подошелъ я къ нимъ шага на три, и поклонился. Они также отвѣш-

спововали наклоненіємъ своихъ головъ. Сдѣлавъ по поклону сидящимъ на правой и на лѣвой сторонѣ Чиновникамъ, я опошелъ назадъ къ назначенному мнѣ мѣсту, гдѣ поставлены уже были мои кресла. Глубокое молчаніе продолжалось еще съ минушу; тогда я прервалъ оное, сказавъ чрезъ переводчика *Киселева*, что нахожусь, по моему мнѣнію, въ домѣ дружескомъ. Въспомошъта Начальники улыбнулись, а старшій изъ нихъ, пріѣзжавшій въ *Кунаширѣ*, открылъ разговоръ, обращаясь къ приближившемуся съ поникшею головою съ лѣвой стороны Чиновнику, но такъ тихо, что *Киселевъ* ни одного слова не могъ вразумительно слышать; попомошъ Чиновникъ засступилъ опять свое мѣсто, и къ великому удивленію моему, обратившись ко мнѣ съ большимъ преклоненіемъ головы въ знакъ почтиванія, началъ говорить довольно явственнo по *Руски* (1). Онъ перевелъ привѣстствіе Начальника, которое состояло въ томъ, что *Рускіе* давно переносятъ около *Японскихъ* береговъ большія безпокойства; но теперь все вскорѣ возымѣетъ щастливый конецъ. Припомошъ увѣдомилъ онъ, что объясненіе Командира *Охотскаго* порта Начальниками признано очень, очень приличнымъ. На сіе привѣстствіе я отвѣчалъ, чрезъ *Японскаго* уже переводчика *Мураками Теске*, что чрезъ скорый и щастливый конецъ дѣлу разумѣшь должно освобожденіе Г. Капитана *Головина* съ прочими *Рускими* плѣнными,

(1) Этошъ Чиновникъ оказался, какъ послѣ съ нимъ познакомились, переводчикомъ, обучившимся у Г. Головина *Рускому* языку. Имя его *Мураками - Теске*.

и пошому прошедшій шрудъ, нами у Японскихъ береговъ перенесенный, переименуется въ пріятнѣйшее для всѣхъ офицеровъ и команды корабля *Діаны* время, на службу употребленное. Послѣ нѣкошорыхъ еще разговоровъ, сосшоявшихъ въ однихъ учивыхъ привѣтствіяхъ, я сказалъ, что привезъ съ собою письмо *Иркутскаго* Губернашора, которое и подано было пріѣхавшимъ со мною *Г. Савельевымъ*, въ ящикъ, обшитомъ алымъ сукномъ. Вынувъ письмо, я прочишалъ адресъ его и подалъ *Г. Савельеву*, кошорой съ ящикомъ передалъ въ руки *Японскаго* переводчика; переводчикъ приподнялъ его надъ своею головою и пошому подалъ въ руки младшему Начальнику, который, приподнявъ ящикъ выше своей груди, вручилъ старшему. Старшій Начальникъ сказалъ, что шеперь же поидетъ доставишь письмо своему *Обунъо* и что на разсмаприваніе его, и на изгошовленіе ошвѣща, по важности дѣла, пошребуется дни два. Подарки, переданные *Г. Савельевымъ* переводчику, положены были просшо предъ главнаго Начальника. Оба Начальника просили меня принять въ домъ небольшое угощеніе, вспали и сдѣлавъ мнѣ поклонъ, ушли, а подарки понесли за ними. Тогда переводчикъ *Мураками-Теске* съ видомъ величайшей радости, сдѣлавъ дружеское привѣтствіе, сказалъ мнѣ на *Рускомъ* языкѣ: „шеперь, слава Богу, поздравляю васъ съ скорымъ и шасшливымъ окончаніемъ: Капитанъ *Головинъ* и прочіе скоро поѣдутъ къ вамъ на корабль; шолько у насъ особый мудреный законъ, что вамъ нельзя съ ними шеперь видѣться; они всѣ здоровы.“ Тушъ

же подошли къ намъ и Академики съ такимъ же поздравленіемъ. Почтенный *Такатай-Кахи*, стоявшій въ церемоніалѣ въ концѣ залы, также приблизился. Потомъ угощали насъ чаемъ съ разными закусками, копорыя каждому подносили на особой лаковой посудѣ. Я былъ опшеченъ шѣмъ, что подлѣ меня стоялъ нижняго званія Чиновникъ, который все, что было мнѣ приносимо, принималъ и подавалъ изъ своихъ уже рукъ. Часа черезъ два мы со всѣми распрощались и поѣхали обратно вмѣстѣ съ *Такатаемъ-Кахи* на той же шлюпкѣ на *Діану*. Ошѣзжая со шлюпа я, между прочими письменными приказаніями, сшаршему по мнѣ офицеру, Г. Лейшенаншу *Филатову*, поручилъ, коль скоро опшавимъ отъ берега, на шлюпѣ сдѣлать *разсвѣщеніе* флагами безъ всякой пальбы, копорая, какъ извѣстно, вообще всѣмъ *Японцамъ* чрезвычайно не нравилась. Они говорятъ: „какое въ *Европѣ* странное обыкновеніе: дѣлать почести спрѣльбою изъ пушекъ, копорыхъ назначеніе убивать (1).“ Разсвѣщеніе же флагами, при случившейся тогда прекрасной погодѣ, доставило великое удовольствіе чрезвычайно спеченію всякаго званія людей, такъ, что на большое пространство, окружали шлюпъ наполненные людьми обоого пола лодки. Такимъ образомъ совершенно, къ желанному съ обѣихъ споронъ успѣху, первое съ *Японскими На-*

(1) Должно замѣшшть, что сіе обыкновеніе не безъ исключенія: у *Князя Синдайскаго* салюты въ обыкновеніи, и онъ всегда ошѣзжаетъ изъ своего Княжесшва и возвращается при пушечной пальбѣ.

чальниками свиданіе съ почешными обрядами, *Россійскому* Императорскому флагу пріобрѣшенными, въ первый еще разъ при неціональныххъ переговорахъ развѣвавшемуся въ самой землѣ гордаго народа. Ошважная, избранная изъ команды шлюпа спража поклялась, въ случаѣ вѣроломства, не выпускашь изъ рукъ священнаго Императорскаго военнаго флага, развѣ по совершенномъ уже истребленіи онаго, вмѣстѣ съ своею жизнію! Справедливость повелѣваетъ сказать, что въ семъ щасливомъ случаѣ, во многомъ способствовалъ просвѣщенный, великодушный *Такатай-Кахи*: чрезъ него производимы были первыя и послѣднія съ *Японскими* Начальниками сношенія, и проницательный его умъ успѣлъ для общаго блага согласить въ упорныхъ желаніяхъ два народа, имѣющихъ понятія о вещахъ совсѣмъ прошивуволжныя. Послѣ сего щасливаго свиданія, два дни прошли безъ всякихъ съ главными Начальниками сношеній. *Такатай-Кахи*, по прежнему навѣщалъ шлюпъ по два раза каждодневно, и съ позволенія своего Начальства привозилъ своихъ пріятелей, любопытствовавшихъ видѣть *Россійской* корабль; это для всѣхъ насъ было весьма пріятно, ибо мы имѣли случай какимъ нибудь образомъ изъяснить почтенному *Такатаю-Кахи*, сколь много чувствуемъ себя ему обязанными. Симъ *Японцамъ* предлагаемы были подарки, но они принимали не болѣе одной, и то сущей бездѣлицы, и всегда съ позволенія *Такатай-Кахи*.

Въ третій день по утру *Такатай-Кахи*, съ радостію пріѣхавши на шлюпъ, сказалъ, что онъ полу-

чилъ ошъ Начальниковъ позволеніе видѣться съ Г. Капишаномъ *Головиннымъ* и прочими *Рускими*. Эша вѣсть была для всѣхъ насъ весьма пріятна, ибо хоща до того случая свободно писали мы къ Г. *Головинцу*, но ошъ него имѣли крашкія только записки въ полученіи писемъ. Сіе явно обнаруживало, что его записки разсмащривающся *Японцами*, а попому и надобно было наблюдашъ величайшую оспорожность въ перепискѣ. Къ вечеру *Такатай-Кахи* привезъ вѣрное свидѣтельство, что имѣлъ съ *Рускими* свиданіе: маленькую записочку Г. *Головина*, въ кошорой изъяслялъ онъ чувствуемое имъ величайшее удовольствіе при свиданіи съ *Такатаемъ-Кахи*. Въ слѣдующій день почтенный сей *Японецъ* сообщилъ вѣсть еще того радостнѣе: онъ объявилъ ошъ имени главныхъ Начальниковъ, что завтра въ той же домѣ, гдѣ происходили съ нами переговоры, назначается мнѣ свиданіе съ Капишаномъ *Головиннымъ* и двумя при немъ машрозами въ присущствіи главнаго переводчика *Мураками-Теске*, Академиковъ и другихъ нижняго класса Чиновниковъ, и что за мною онъ самъ пріѣдетъ въ той же Губернаторской шлюпкѣ, съ позволеніемъ, ежели я пожелаю взяшъ съ собою тоже число людей, по прежнему вооруженныхъ. На эшо я ошвѣчалъ ему, что какъ назначаемое свиданіе будетъ паршикулярное, то мнѣ должно будетъ ѣхашъ въ другомъ уже видѣ на берегъ: военный и переговорный флаги останущся подышыми на своихъ мѣстахъ на шлюпкѣ; я поѣду съ однимъ своимъ офицеромъ, корабельнымъ Секретаремъ, и возьму 5 человекъ машрозовъ безъ ру-

жей, и то для того только, чтобъ доспавишь имъ щастіе видѣться съ своими двумя товарищами.

На другой день около 10 часовъ, пріѣхалъ добрый *Такатай-Кахи* на прежней Губернапорской шлюпкѣ, и я съ назначеннымъ прежде числомъ людей, подъ переговорнымъ и военнымъ флагами поспѣшилъ на берегъ для вождельнаго свиданія съ Капишаномъ *Головнинымъ*.

Приближась къ берегу, увидѣлъ я его стоящаго у дверей дома въ богатомъ шелковомъ одѣяніи, сшитомъ на *Европейскій* покрой, при своей саблѣ. При семъ зрѣлищѣ я забылъ всѣ обряды и предосторожности и не дожидаясь выхода изъ шлюпки *Такатай-Кахи*, самъ первый выскочилъ на берегъ. По слухамъ Г. *Головина* нарядомъ не такъ бы легко было узнать его, еслибы долговременная служба съ нимъ и взаимное дружество не оставили глубокаго впечатлѣнія въ памяти моей его образа. Я тотчасъ посреди множества *Японцевъ* его примѣнилъ и предоставляю судить чинашелямъ о взаимной нашей радости при семъ первомъ свиданіи: ее можно только чувствовашъ, а не описывашъ; представивъ себѣ его безнадежное состояніе, когда либо увидѣшь свое опечесство, равно и съ моей стороны безуспѣшныя въ прежнихъ годахъ къ *Японскимъ* берегамъ плаванія, къ спасенію его изъ сей непроницаемой для иностранцевъ земли дѣланныя; чинашель можетъ постигнувъ только ошчасти пріятнѣйшія ощущенія, родившіяся въ насъ при семъ случаѣ. *Японцы*, изъ скромности, не желая нарушить изліянія нашихъ чувство-

ваній, оставили насъ, а сами, сѣвъ поодаль, занимались между шѣмъ собственною бесѣдою. Наши вопросы и отвѣты съ обѣихъ сторонъ сначала ни связи, ни порядка не имѣли; попомъ, удовлетворивъ стремленію взаимнаго любопытства, занялись мы предметами, до дѣла касающимися, на что имѣли достаточное время и полную свободу со стороны скромныхъ *Японцевъ*. Капитанъ *Головнинъ* сообщилъ мнѣ въ короткихъ словахъ о спраданіяхъ своихъ во время его плѣна; а я съ своей стороны извѣстилъ его обо всемъ помъ, что зналъ о любезномъ нашемъ опечесствѣ, о родныхъ и друзьяхъ его, прося его увѣдомить и товарищей его нещастія о помъ, что было мнѣ извѣстно о ихъ родныхъ, знакомыхъ и друзьяхъ, вѣдая сколь нетерпѣливо они сего ожидали. При семъ свиданіи *Г. Головнинъ* вывелъ меня изъ великаго заблужденія, въ которое я было впалъ: худое состояніе шлюпа заставляло меня помышлять о зимованіи въ *Хакодаде*; я опасался отправиться въ такое весьма позднее время года въ *Камгатку*; но когда онъ сказалъ мнѣ, что по *Японскимъ* законамъ, будущъ содержать насъ какъ плѣнныхъ, то надлежало спараться о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и попомъ я немедленно, по совѣшу *Г. Головнина*, написалъ требуемыя главными Начальниками объясненія, на извѣстные уже чиншашелю пункты. Наконецъ я распрощался съ другомъ моимъ въ надеждѣ скорѣ болѣе на *Японскомъ* берегу съ нимъ не разлучаться и возвратился на шлюпъ, а *Г. Головнинъ*, въ сопровожденіи *Японцевъ*, пошелъ оброчно въ мѣсто своего заключенія.

Къ вечеру я былъ обрадованъ неожиданнымъ прїѣздомъ нашего добраго *Кахи*; вошедъ ко мнѣ въ каюшу съ молодымъ человѣкомъ, онъ напередъ поздравивъ меня съ прїяннымъ свиданіемъ съ *Г. Головиннымъ* (1) сказалъ: „имѣю расказаць тебѣ нѣчто чудесное: вчера безъ всякаго ожиданія и помышленія, пришедъ домой, я засталъ у себя,—кого бы ты думалъ?—сына своего! Онъ только, что успѣлъ прїѣхать, присоединился къ толпѣ народа и видѣлъ насъ съѣзжавшихъ на берегъ; вошъ онъ смотри на него, похожъ ли онъ на меня? Въспѣ съ сею радостію я получилъ, говорилъ примѣшно восхищенный *Кахи*, ошъ моей жены прїянное и также чудесное извѣстіе. Она, совершивъ по обѣщанію поклоненіе угодникамъ, возвратилась въ добромъ здоровѣ домой и едва успѣла, вошедши въ покои, снявъ съ себя дорожное одѣяніе, какъ совсѣмъ неожиданно приносятъ къ ней съ почты мое письмо ошправленное по прибытіи нашемъ въ *Кунаширѣ*.“ Я поздравилъ съ истиннымъ учаспіемъ почтеннаго *Кахи* съ такими

(1) Надобно знать, что *Кахи*, въ числѣ *Японскихъ Чиновниковъ* находился также въ домѣ при нашемъ свиданіи; но въ половинѣ еще разговора, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Г. Начальникъ, я не здоровъ, извини меня“ и опкланявшись оставилъ насъ, и болѣе уже не возвращался. При семъ случаѣ съѣхавшіе со мною для свиданія съ своими поварищами машрозы, все еще сомнѣвавшіеся въ искренности *Японцевъ*, испугались, увидѣвъ выходящаго изъ дома, одного *Кахи*, кошорый, проходя мимо ихъ сказалъ: прощай. Изъ этого они заключили было, что меня на-вѣрно захватили.

пріятнѣйшими для чувствительнаго отца и нѣжнаго супруга новостями. Онъ былъ въ великомъ восхищеніи, что сіи радостныя происшествія совершились при сщепеніи такихъ необыкновенныхъ случаевъ, убѣждавшихъ его болѣе и болѣе въ вѣрованіи Предопредѣленію, всегда его мысль занимавшему.

Послѣ сего я, поговоривъ съ любезнымъ его сыномъ, представилъ его вошедшимъ ко мнѣ въ каюпу офицерамъ; они чрезвычайно были рады съ нимъ познакомиться, и повели показывать ему нашъ шлюпъ, а потомъ, посредствомъ переводчика *Киселева*, занимались съ нимъ бесѣдою. Оставшись наединѣ съ исполненнымъ удовольствія *Такатаемъ Кахи*, я услышалъ отъ него что, сдѣлалось ему извѣстнымъ о другѣ его въ пустыню удалившемся. Онъ повторялъ съ восторгомъ: „*Тайшо*, въ *Японіи* есѣ люди, которыхъ безъ фонаря можно видѣть (1); чѣмъ, ты думаешь, спросилъ онъ у меня, могу я на-

(1) Здѣсь *Кахи* разумѣлъ извѣстный *Діогеновъ* фонарь, о коемъ я ему въ *Калгаткѣ* между прочими анекдотами рассказывалъ, доставляя ему шѣмъ величайшее удовольствіе; особенно плѣняли его примѣры благородства и великоши души, подобные поступку знаменитаго *Долгорукаго*, изорвавшаго указъ *Петра Великаго*. *Кахи*, по выслушаніи такого анекдота, всегда поднималъ руки въ знакъ почитанія на голову, произнося съ особеннымъ душевнымъ движеніемъ: *оки, оки*, ш. е. великій! и потомъ, прижимая ихъ къ сердцу, говорилъ: *Кусыри*: ш. е. лекарство; симъ словомъ онъ называлъ всякую особу ему нравящуюся пищу, чтобы въ высшей степени похвалить ее.

градишь такого чело́вѣка, доказавшаго мнѣ, что онъ истинной мой другъ “ Я не могъ вскорѣ собраться съ мыслями, что ему ошвѣчать. *Кахи* продолжалъ; „богатство онъ презираешь, надобно сдѣлать мнѣ что нибудь такое, что бы достойно было великой его души; ты знаешь, говорилъ онъ, что я имѣю дочь, которую за дурные ея поступки, не только, что лишилъ моего имени, но и не почишаю ее болѣе для меня существующею. Твое участіе въ ея судьбѣ было велико; я неоднократно былъ спроганъ твоими убѣжденіями къ примиренію съ нею, и можешь быть оскорбилъ твое дружелюбие, оставшись непреклоннымъ; ибо ты пребогалъ, жертвы отъ моей чести, не зная нашихъ обычаевъ (Въ *Камтаткѣ* пересказалъ онъ мнѣ въ опкровенной бесѣдѣ о несчастной участи своей дочери, съ которою я старался убѣдить его къ примиренію; доводилъ его до слезъ и только). Теперь, обладая такимъ сокровищемъ, каковымъ оказался удалившійся отъ свѣта мой истинный другъ, я хочу принести въ жертву такому рѣдкому другу уязвленное, по нашей національной чести, смертельными ранами родительское сердце: я рѣшился воззвать къ жизни мою дочь и примириться съ нею навѣки; извѣщу объ этомъ просто моего друга: онъ пойметъ мой поступокъ.“

Подъ конецъ просилъ онъ меня позволить ему теперь исполнить свое желаніе: раздашь мапрозамъ находящіяся у насъ его вещи: онъ самъ раздавалъ ихъ каждому лично, а шѣхъ, которыхъ особенно зналъ, одарилъ лучшими вещами; въ этомъ числѣ нашъ поваръ

былъ щасливѣе всѣхъ; подавая ему выбранныя вещи онъ называлъ его *ненгоро*, т. е. пріятель (1). Окончивъ раздачу своихъ пожешковъ, коихъ былъ у него шакой большой запасъ, что на каждаго челоѡка доспалось по особенной вещи (оня соспояли изъ бумажнаго и шелковаго плашья, большихъ на вашъ одѡялъ и халашовъ), онъ просилъ меня позволишь сего вечера нашимъ машрозамъ повеселишься, говоря: “*Тайшо! Японской и Руской машрозъ, все равно; всѣ они любяшь пишь вино; Хакодаде гавань безопасная.*” Хотя для шакого радостнаго дня и была выдана всей командѣ двойная порціа водки, но усердію *Кахи* нельзя мнѣ было ошказашъ; онъ пошчасъ ошправилъ своихъ машрозовъ на берегъ за виномъ и по *Японскому* обычаю приказалъ привезши на каждаго машроза каршузъ шабаку и по шрубкѣ, а самъ сошелъ ко мнѣ въ каюшу, куда заалаговременно внесены были всѣ посольскія вещи; шогда я, обрашась къ нему, сказашъ: шеперь долженъ шы сдѡлашь намъ удовольствіе исполненіемъ своего, даннаго мнѣ въ *Кунаширѣ* обѡщанія. Выбирай, что шебѣ уаодно? Или, шакъ, какъ ваши Чиновники ошказались ошъ приняшіа ошъ насъ подарковъ, возьми все.—, “Какая для меня будешъ польза, говорилъ онъ, съ дружескою ошкровенноспію, взяшь у васъ сіи дорогія вещи (2), когда по

(1) Забавный спарикъ *Кахи*, хотя много восхищашся нравственною моею, какъ онъ называшъ, пищею съ похвалою *Кусыри*; но не менѣ шого любилъ, чшобъ и насшоящая пища была для него *Кусыри*.

(2) Онъ соспояли изъ фарфоровыхъ съ живописью, вазъ,

нашимъ законамъ, Правительство у меня ихъ отберетъ, сдѣлавъ мнѣ за оныя денежное вознагражденіе?— Однако намъ удалось убѣдить его взявъ по крайней мѣрѣ на удачу нѣсколько вещей. Ошобравши самъ, что болѣе ему нравилось, въ добавокъ попросилъ онъ у меня пару серебрянныхъ ложекъ, нѣсколько паръ ножей и прочаго столоваго прибора, много понравившійся ему *Русской* самоваръ, „чтобъ (говорилъ онъ) имѣть мнѣ удовольствіе, въ воспоминаніе гостепріимнаго моего у васъ житья, угощать иногда моихъ искреннихъ пріятелей по *Русскому* обычаю“ (1). Пріятное наше съ нимъ бесѣдованіе продолжалось до самой полуночи. Уѣзжая, онъ изъяснилъ великое сожалѣніе, что не можетъ по своимъ законамъ пригласить насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ, говорилъ благородный *Кахи* съ сердечнымъ выраженіемъ, можетъ быть удалось бы и мнѣ угостить васъ шакъ, что и вы пожелали бы имѣть *хаси* и *сакзукки* (т. е. маленькія вмѣсто вилокъ и ножей употребляемыя палочки и лаковые чашки) въ память *Японскаго* гостепріимства.

мраморныхъ столовыхъ досокъ, и разнаго сорта хрустальной посуды.

- (1) Образъ нашего житья ему вьсма нравился, и хопя онъ не могъ сидѣть съ нами за однимъ столомъ, по причинѣ, какъ извѣстно, противной *Японскому* вкусу, нашей мясной пищи; но онъ приноравливалъ имѣть свой обѣдъ въ одно время съ нашимъ; чай же всегда пилъ вмѣстѣ со мною и большею частью безъ сахару; за пѣмъ послѣ ѣлъ оный вмѣсто конфетъ цѣлыми кусками.

На другой день мы были опечалены извѣстіемъ, что усердный *Такитай-Кахи*, отъ непрерывныхъ разбѣздовъ, боленъ жестокою простудою. Къ вечеру, вмѣсто его, пріѣхалъ младшій переводчикъ отъ двухъ Начальниковъ съ увѣдомленіемъ, что завтра Капишанъ *Головинъ* съ прочими возвращенъ будетъ на *Россійскій* корабль. Къ подтвержденію сего, доставилъ онъ отъ *Г. Головина* письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что они всѣ были представлены Губернатору, и сей въ собраніи многихъ Чиновниковъ торжественно объявилъ имъ о возвращеніи ихъ на *Россійскій* корабль, по какому случаю главные Начальники просятъ меня пріѣхать завтра, для свиданія съ ними на берегъ и принятія всѣхъ *Русскихъ* съ окончательными бумагами. — Чтобы доказать *Японскому* Начальству полную съ своей стороны довѣренность, я объявилъ пріѣхавшему всерадостному вѣстнику, что завтра поѣду на берегъ за *Г. Капишаномъ Головиннымъ* одинъ подъ бѣлымъ флагомъ, изъ уваженія къ здѣшнему почтенному Начальству безъ всякой спражи, дабы глупая чернь не имѣла права заключить, что *Рускіе* выручили своихъ соотечественниковъ силою, ежели я, по прежнему, съѣду на берегъ съ вооруженными людьми. Переводчикъ погоспиль у насъ съ прочими пріѣхавшими для любопытства Чиновниками довольно долго, и къ ночи уже поѣхалъ на берегъ. При прощаніи мнѣ удалось въ первой еще разъ убѣдить *Японцевъ* къ принятію подарковъ, состоявшихъ во много ими уважаемомъ сафьянѣ.

27 числа Октября былъ пошъ радостнѣйшій день,

которой увѣнчалъ вождѣннымъ успѣхомъ наши труды и цѣль проекрашныхъ плаваній къ берегамъ *Японскимъ*. Рано поутру на Губернаторской шлюпкѣ къ величайшей нашей радости прибылъ почтенный *Такатай-Кахи*, по болѣзни одѣшый въ покойное платье. Я изъяснилъ ему общее сожалѣніе о случившейся съ нимъ ошѣ принимаемыхъ имъ на себя великихъ безпокойствъ болѣзни, и сказалъ, что онъ нынѣшнимъ пріѣздомъ можетъ подвергнуть свое здоровье большой опасности. — „Напрасно, ошвѣчалъ *Такатай-Кахи*, вы такъ обо мнѣ мыслите: ошѣ радостнаго случая мнѣ сдѣлалось легче, а когда увижу, прибавилъ онъ съ выраженіемъ сердечнаго удовольствія, себя вмѣстѣ съ другомъ швоимъ Капитаномъ *Головиннымъ*, возвращающагося на *Диану*, тогда буду совершенно здоровъ.“ Пошомъ сказалъ онъ, что Начальники хорошо выразумѣли причину намѣренія моего съѣхашъ на берегъ безъ провожашихъ, и восхищались симъ довѣріемъ къ ихъ праводушію. Въ 12 часовъ, сѣвъ на шлюпку съ *Г. Савельевымъ* и переводчикомъ *Киселевымъ*, безъ всякой спражи, подѣ переговорнымъ флагомъ, ошправился я къ шому же дому, гдѣ и въ первые два раза имѣлъ свиданія съ Начальниками. *Японцы* не заставили насъ долго дожидаться. Вскорѣ приведены были въ ту же залу бывшіе у нихъ плѣнные наши: Капитанъ *Головинъ* съ офицерами, а мапрозы и *Курилецъ Алексѣй* ошавлены были на дворѣ. Всѣ они вообще одѣшы были въ шелковое платье одного покроя, паншалоны и фуфайки, но различныхъ цвѣшовъ. На офицерахъ они были изъ маперіи, похожей на наши шшфы съ цвѣшами,

а на матрозахъ шафтяныя; *Курилецъ* же *Алексѣй* одѣтъ былъ въ плащѣ изъ шелковой пестрой шкани, сшитое на манеръ *Японскаго*. Офицеры, къ умноженію странности наряда, были при своихъ сабляхъ и въ форменныхъ шляпахъ. — При обыкновенномъ случаѣ можно было бы позабавиться на щепъ такого наряда; но въ нашемъ положеніи не могли войти никому въ мысль подобныя замѣчанія. Мы смотрѣли другъ на друга съ сильными движеніями соболѣзнованія и радости, кошорыя выражались болѣе взглядами нежели разговорами. У всѣхъ освобождаемыхъ изъ плѣна изъ благодарности къ Провидѣнію, чудеснымъ образомъ спасающему ихъ, на глазахъ видны были слезы чувствительности, тогда только понимаемой, когда кому случится бытъ въ подобныхъ обстоятельствевахъ. — *Японцы* и въ сіе время позволили намъ побытъ однимъ нѣкоторое время, чшобъ дашь успокоиться чувствамъ нашимъ послѣ первыхъ восторговъ. Потомъ опъ двухъ *Гинмиебъ Такахаси-Сампелъ* и *Кодзимото-Хіогоро* формальнымъ образомъ принялъ я своихъ соотечественниковъ. Тогда же опданы мнѣ были съ описанною уже *Г. Головиннымъ* особою церемонією, бумаги опъ *Японскаго* Начальства для доставленія ихъ куда слѣдуетъ по возвращеніи въ *Россію*. Послѣ сего мы угощены были по *Японскому* обычаю.

Просившись съ *Японцами* съ изъявленіемъ сердечной благодарности, въ 2 часа по полудни оставили мы *Японскій* берегъ, прошедъ чрезъ великое множество шолпящихся обоего пола зришелей на шлюпку, на кошорой, съ осво-

божденными и съ добродушнымъ *Такатаемъ-Кахи*, принимавшемъ во всемъ сердечное участіе, поѣхали на шлюпъ при крѣпкомъ прошивномъ вѣтрѣ; но не сморя на сіе, мы были во всю дорогу окружены великимъ множествомъ гребныхъ судовъ, наполненныхъ любовышствующими. Когда мы подѣхали къ шлюпу, разсвѣщенному флагами, поставленные по реямъ люди, кричали въ честь освободившемуся изъ плѣна своему Начальнику: ура! По прибытіи нашемъ, весь экипажъ *Діаны*, увидѣвъ своего почтеннаго и любимаго Капишана и другихъ товарищей его нещасія, пришелъ въ радостный восторгъ. Многіе проливали слезы, видя щасливо возвратившихся къ нимъ шѣхъ, кои по двухъ годахъ и шрехъ мѣсяцахъ нещаснаго разлученія были предметомъ ихъ сожалѣнія и труднаго плаванія къ берегамъ *Японскимъ*. Сіе обстоятельство, дѣлающее честь чувствительности служившихъ на шлюпѣ, навсегда останется у меня въ памяти. Тронутый до глубины сердца Г. *Головинъ* вмѣстѣ со всѣми освободившимися предъ корабельнымъ образомъ *Св. Чудотворца Николая*, принесъ теплыя молитвы Подашелю всѣхъ благъ за свое искупленіе. Вслѣдъ за нами привезли на многихъ гребныхъ судахъ великое количество прѣсной воды и дровъ, 1000 большихъ рѣдекъ, 50 мѣшковъ крупы, 30 мѣшковъ соли и другихъ съѣстныхъ припасовъ, безъ всякаго съ нашей стороны требованія. И когда мы *Японцамъ* сказали, что сія провизія намъ ненужна, то получили въ отвѣтъ, что имъ приказано снабдить опущенныхъ изъ плѣна *Русскихъ* по разчисленію имъ на пушное

продовольствіе до *Камгати*, и что они не смѣютъ не выполнитъ приказанія вышняго Начальства. Мы не хотѣлось оспаривать ихъ насвоенія, и потому велѣлъ я принять на шлюпъ привезенную провизію. — Мы не успѣвали по скорости всего выгружать на шлюпъ. Многіе изъ *Японцевъ*, копорымъ въ сіе время отъ карательныхъ *Досиновъ* всходить къ намъ воспрещено не было, пособляли добровольно нашимъ людямъ производить перегрузку, съ такимъ усердіемъ, что не лѣзя было рѣшить, чему болѣе удивляться: дѣятельному ли трудолюбію нашихъ матрозовъ, копорые никогда еще съ такою веселостію и усердіемъ не работали, или доброхотному содѣйствію *Японцевъ*. Казалось, что люди, разнѣющиеся безпредѣльно по своему образу мыслей, воспитанію и странѣ рожденія, отстоящіе одинъ отъ другаго на цѣлую половину земнаго шара, сославлялись тогда одинъ и тотъ же народъ. Взаимная ласковость, веселость, шушки и вспомошествованіе оживляли каждого. Наши матрозы, многихъ *Японцевъ*, копорые имъ больше нравились, подчивали заслуженною своею водкою и закусками, а *Японцы* въ свою очередь также просили ихъ выпить своего напитка *саги*; и хотѣя оспальная часть дня проведена была въ непрерывныхъ работахъ, но цѣлый день вообще можетъ почтѣться великимъ праздникомъ изъявленія чувствованій пріязни двухъ сосѣдственныхъ народовъ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда на шлюпъ прибыли для посѣщенія нѣсколько *Японскихъ* Чиновниковъ, *Штояговъ*, въ томъ числѣ два переводчика *Русскаго* языка: *Штоягу Мура-*

ками-Теске и Зайджо Кумаджеро. Первый изъ нихъ несравненно лучше говорилъ по *Руски* и по воспишанію своему гораздо свѣдущѣ послѣдняго. Съ ними вмѣстѣ пріѣхали Академикъ и переводчикъ *Голландскаго* языка. Послѣдній изъ нихъ былъ въ *Нангасаки*, когда Г. Крузенштернъ съ посломъ Г. Резановымъ шамъ находился, посѣщалъ корабль *Надежду* и помнилъ имена многихъ *Рускихъ* офицеровъ. Онъ говорилъ также нѣсколько по *Руски* и разумѣешь по *Французски*. Всѣ сіи чиновные люди приглашаемы были мною въ каюшу, и угощаемы по *Европейскому* обыкновенію шѣмъ, что у насъ случилось.—Послѣ сдѣланныхъ намъ съ окончаніемъ дѣла поздравленій, какъ ошъ себя, такъ и ошъ имени бывшихъ при переговорахъ Начальниковъ, они пожелали видѣшь расположеніе нашего шлюпа, копорой и осматривали во всѣхъ частяхъ съ великимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Къ вечеру прибыло такое множество любопытствующихъ зрительей одного шолько мужескаго пола (ибо женщины, къ великому сожалѣнію нашему, исключены были изъ сей привиллегіи, не смоя на большее желаніе ихъ и прозбы), что ошъ шѣсношы шрудно было сдѣлать нѣсколько шаговъ на палубѣ. По сей причинѣ караульные *Досины* нашлись принужденными вынуть изъ за пояса свои желѣзныя палки и согнавъ большую часть *Японцевъ* на гребныя суда, спали впускать на шлюпъ малое число людей. Женщины зависливо смоярѣли съ гребныхъ судовъ своихъ на преимущество, оказанное мущинамъ. Видя сіе мы въ ушѣшеніе дарили ихъ чрезъ *Досиновъ* мѣлочными веща-

ми, за что и получали изъявленія благодарности въ самыхъ выразительныхъ знакахъ. Раздѣлявшіе съ нами съ видомъ непритворной искренности всеобщую радость *Японскіе* Чиновники пробыли на шлюпѣ до самой ночи. При отъѣздѣ предложены были имъ разные подарки изъ числа вещей, доставшихся намъ въ *Каматкѣ* отъ бывшаго на кораблѣ *Надеждѣ* посольства; они, какъ и прежде, ни одной изъ оныхъ не приняли, кромѣ нѣсколькихъ каршинокъ и поршретовъ *Русскихъ* героевъ, опличившихся въ кампаніи 1812 года, какъ произведенія искусства, и то съ позволенія Начальства, безъ рамъ и стеклъ. Оныя, по всей вѣроятности, опосланы были въ столицу *Эддо* съ объявленіемъ, кого они изображали и чѣмъ сіи полководцы опличились. Октября 10 числа, когда окончены были всѣ работы и мы запаслись водою, съ берегу доставлено было отъ Начальства для команды большое количество зелени, свѣжей и соленой рыбы. При возставшемъ благопріятномъ вѣтрѣ сигналомъ дали мы знать о намѣреніи вступить подъ паруса. Тогда выѣхалъ почтенной *Такатай-Кахи* со множествомъ лодокъ, буксировать шлюпъ изъ внутренней гавани въ пространство губы. Вскорѣ пріѣхали на большой шлюпкѣ старшій переводчикъ съ другими знакомыми *Г. Головиницу* Чиновниками, и до самаго выхода изъ губы сопровождали шлюпъ. Тамъ, при прощаніи, команда кричала *ура!* и попомъ, съ особеннымъ усердіемъ всею командою, великодушному, просвѣщенному *Такатаю-Кахи*, также возгласено было, въ изъявленіе благодарности и почтенія, проекращ-

но: *Тайшо, ура!* Усердный нашъ другъ *Кахи*, вспавъ со своими машпрозами на самое высокое мѣсто своей шлюпки, кричалъ сколько есть силы: *Ура, Діана!* съ движеніями, и поднятіемъ рукъ къ небу, копорыя явно обнаруживали великую радость его о щасливо совершившемся нашемъ дѣлѣ, и печаль о разлукѣ.

По выходѣ изъ *Хакодаде* настигъ насъ у *Японскихъ* береговъ ужасный ураганъ, продолжавшійся 6 часовъ. Состояніе шлюпа было самое гибельное. Ночь была мрачная съ проливнымъ дождемъ; вода, пещью умножившаяся въ шлюпѣ до 40 дюймовъ, при непрерывномъ выливаніи, оспавалась въ одной спенени. Ежеминутно ожидали гибели. Наконецъ буря утихла, и мы 3 Ноября со снѣгомъ прибыли благополучно въ *Петропавловскую* гавань.

6 Ноября, отслуживъ въ послѣдній разъ на шлюпѣ благодарственный Господу Богу молебенъ за милосердное покровишельство во всѣхъ трудныхъ путешествіяхъ и предпріятіяхъ нашихъ, офицеры и команда перебрались въ хижины, кои были занимаемы нами въ прошлую зиму, съ утѣшительною однако же нынѣ мыслию приговоряясь къ возвращенію къ своимъ друзьямъ и родсвенникамъ, съ коими были разлучены со времени отправления нашего изъ *С. Петербурга* въ пещеніе семи лѣтъ.

Симъ кончилась прешья и послѣдняя кампанія, продолжавшаяся болѣе шести мѣсяцовъ и предпринятая единственно для освобожденія Начальника нашего и со товарищей, раздѣлявшихъ съ нимъ всѣ горести долго-

временнаго и помилительнаго плѣна между народами, до сего времени бывшимъ для насъ мало извѣстнымъ и копорой, по сщеченію обстоятельствъ и внушеніямъ корыстолюбивыми *Голландцами* невыгоднаго о *Россіи* налъ мнѣнія, подавалъ весьма сильныя причины опасаться всякихъ отъ него жестокостей къ несчастнымъ плѣннымъ нашимъ, на счетъ самой даже ихъ жизни. Но милосердый Промыслъ сохранилъ ихъ, и злощасіе, надъ ними совершившееся, благоволилъ употребить орудіемъ къ шѣмъ важнымъ событіямъ, коихъ со всею человѣческою мудростію произвестъ казалось невозможнымъ. Двѣ великія Имперіи, не имѣвшія доселѣ никакого между собою сношенія, сдѣлали чрезъ сіе великій къ шѣмъ шагъ; ибо можно шеперь льститься пріятнѣйшею надеждою, что оныя, познавъ себя въ истинномъ видѣ съ разсѣяніемъ закоренѣлыхъ со стороны *Японскаго* Государства предубѣжденій, начнушъ время отъ времени болѣе сближаться и достигнушъ наконецъ шѣй важной цѣли, къ копорой рука Божія направляетъ человѣческой родъ: къ дружесшвеннымъ связямъ, на взаимныхъ пользахъ и выгодахъ ушверждающимся. Опасаясь, чтобъ обвѣщанный нашъ шлюпъ не погрязъ въ водахъ *Петропавловской* гавани, подобно пошнонувшему здѣсь казенному судну, копорое употреблялось въ экспедиціи Капишана *Биллингса*, мы въ самую большую воду прішянули его, сколько можно ближе къ берегу и прочно установили на ошмѣли. Шлюпъ *Діана*, прішедъ въ несостояніе болѣе боролся съ океанскими волнами, будешъ съ

пользою еще служишь здѣсь хорошимъ магазиномъ и останешься памяникомъ для грядущихъ временъ. Спась-ся можешь, что сей прославленный въ спраннопріимствѣ спутниками безсмертнаго *Кука* и несчастнаго *Лаперуза* край, со временемъ, по выгодному своему для коммерціи Географическому положенію, содѣлается болѣе извѣстнымъ сосѣдственнымъ *Азіатскимъ* народамъ, и будешь посѣщаемъ мореплавателями изъ отдаленныхъ спранъ. — Тогда, можешь быть, примѣрное бѣдствіе нашихъ соотечественниковъ и чудесное избавленіе отъ оваго, займетъ вниманіе просвѣщеннаго наблюдателя хода человѣческихъ дѣлъ и несчастій.

Удовлетворивъ любопытству чипателя описаніемъ происшествій, служащихъ дополненіемъ къ Запискамъ Капишана *Головина*, я заключаю мое просное повѣствованіе возобновленіемъ въ душѣ сострадагельнаго чипателя тѣхъ чувствъ прискорбія и соболѣзнованія, которые при чтеніи плачевной исторіи несчастнаго *Г. Мура* исполняли его сердце.

Со дня нашего прибытія въ *Петропавловскую* гавань, въ кругу нашего маленькаго общества послѣ такихъ трудовъ и опасныхъ походовъ, совершеннымъ успѣхомъ увѣнчанныхъ, все дышало радостію; но сія радость нарушена была опчаяннымъ поступкомъ несчастнаго *Мура*, который, какъ то изъ описанія Капишана *Головина* видно, впалъ въ пресупленіе, — не отъ дурнаго сердца или съ умысла измѣнилъ опечеству, но отъ заблужденія, лишаась надежды когда либо освободиться изъ ужаснаго заключенія, и льсаясь

мыслию о возможности получить отъ непроницаемыхъ *Японцевъ* свободу, нечувствительно соврашился съ истиннаго пуши чесши. Неожиданно перемѣнившіяся обстоятельства, ввергали его въ заблужденіе болѣе и болѣе; и наконецъ онъ предался совершенному опчаянію. Обыкновенный человекъ могъ бы вскорѣ забыть подобныя заблужденія, но тамъ, гдѣ чувство благородства глубоко пустило свои корни, одно безъ умысла совершенное преслушеніе навѣки возмущаетъ душу. Сіе печальнымъ и спрашнымъ опытомъ доказалъ, всякаго сожалѣнія достойный несчастный *Муръ*, ужасная кончина коего подробно описана въ запискахъ Г. *Головнина*; я не могу однакожъ не упомянуть объ одномъ сильно меня поразившемъ его послушкѣ. Когда онъ по освобожденіи возшелъ къ намъ на шлюпъ, я въ воспорѣ, принимая всѣхъ въ дружескія мои объятія, прислушалъ и къ нему; тогда несчастный *Муръ*, устранившись, снялъ съ себя саблю и подавая мнѣ оную, печальнымъ голосомъ сказалъ: „я недостойнъ, я недостойнъ, прикажите мнѣ занять на шлюпѣ то мѣсто, гдѣ содержащіяся преслушники.“ Предоставляю читателю судить о тѣхъ чувствахъ, которыя вдругъ стѣснили, радостию исполненное мое сердце, но чѣмъ скорѣе прекратишь и скрышь отъ низшихъ служителей сію сцену, я взялъ отъ него саблю, сказавъ: принимаю ее въ знакъ памяти сего щасливаго для насъ дня, и повелъ его въ каюшу. За мною вошли и всѣ офицеры; тогда Капитанъ *Головнинъ* и Штурманъ *Хлѣбниковъ* начали благодарить ихъ за труды, подъяшыя для ихъ

избавленія (1). Г. Мурѣ сдѣлалъ поже съ выраженіемъ большой чувствительности, но обращаясь ко мнѣ, безпрерывно повсорялъ: „Я недостойнъ.“ Г. Головиннѣ спарался удостовѣрить его, что предаешь все забвенію и просилъ его убѣдительноше, не воспоминашь никогда о шѣхъ непріятностяхъ, которыя во время ихъ нещастія произошли отъ его отчаянія. Осужденный своею совѣстію нещастный Мурѣ большею частію молчалъ, и слова, казалось, не имѣли ни какого почши надъ нимъ впечатлѣнія. Прочіе его поступки читателю уже извѣ-

-
- (1) При семъ случаѣ, Капитанъ Головиннѣ подарилъ мнѣ достопамятную свою саблю, которую во время его плѣна любопытствоваль видѣть Японскій Императоръ. Сей драгоценный для меня памятникъ, по чувствамъ моимъ всегда почиашься будетъ истинною для меня наградой. Г. Головиннѣ также, въ память своего избавленія, подарилъ всѣмъ офицерамъ шляпа зришельныя свои трубы, астрономическіе инструменшы и пистолешы; присемъ не могу я умолчашь о благодарности, изъявленной имъ нижнимъ чинамъ. Изъ денегъ вырученныхъ за проданное въ Охотскѣ съ аукціона, послѣ взятія въ плѣнъ, его имущество, далъ онъ старшимъ уищерь-офицерамъ по 100 рб. младшимъ по 75 рб., а рядовымъ по 25 рб.; мащрозамъ же, бывшимъ съ нимъ въ плѣну, по 500 рб. а сверхъ того Макарову, который оказалъ ему въ плѣну извѣстныя уже читателю услуги, назначилъ получашь ежегодно полное количество морскаго провіанша, какое слѣдуешь по регламенту мащрозу на корабляхъ, изъ деревни его въ Рязанской губерніи, близъ которой находится родина Макарова. Курильцу Алексію, Г. Головиннѣ подарилъ плотничныхъ инструменшовъ, виншовку, пороху, свинцу и шабаку на 250 рублей.

спны. Г. Мурѣ былъ молодой человѣкъ съ талантами , по службѣ всегда былъ извѣстенъ съ хорошей стороны; къ познаніямъ ошличнаго морскаго офицера присоеди- нялъ онъ свѣденія въ другихъ наукахъ, разумѣлъ нѣсколь- ко иностранныхъ языковъ и на двухъ свободно изъ- яснялся . При такихъ познаніяхъ съ благородною душою, чувствительнымъ сердцемъ и любезными свой- ствами, онъ не могъ не быть уважаемъ и любимъ; и я увѣренъ, что не одни мы, его сослуживцы, пораженные ужасною кончиною, оплакиваемъ участь его , но и всѣ знавшіе его , раздѣляютъ съ нами сіе горестное чув- ство.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Стро.	Напечатано	Читай
15	7	<i>Россійскаго</i> , Государ- ства	<i>Россійскаго</i> Государ- ства
33	15	народомъ.	народомъ?
34	12	знаками; показывали	знаками показывали
—	24	рыбѣ,	рыбѣ.
—	—	и прошивной	Противной
40	24	прервана	прервано
104	29	прислалъ	присланъ

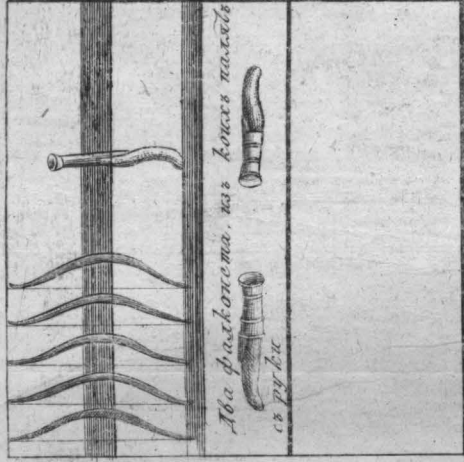
ПЛАНЪ

Замки или присутственнаго
Дома сиржи.

приготовленнаго для переговоровъ
съ Россійскими Начальниками

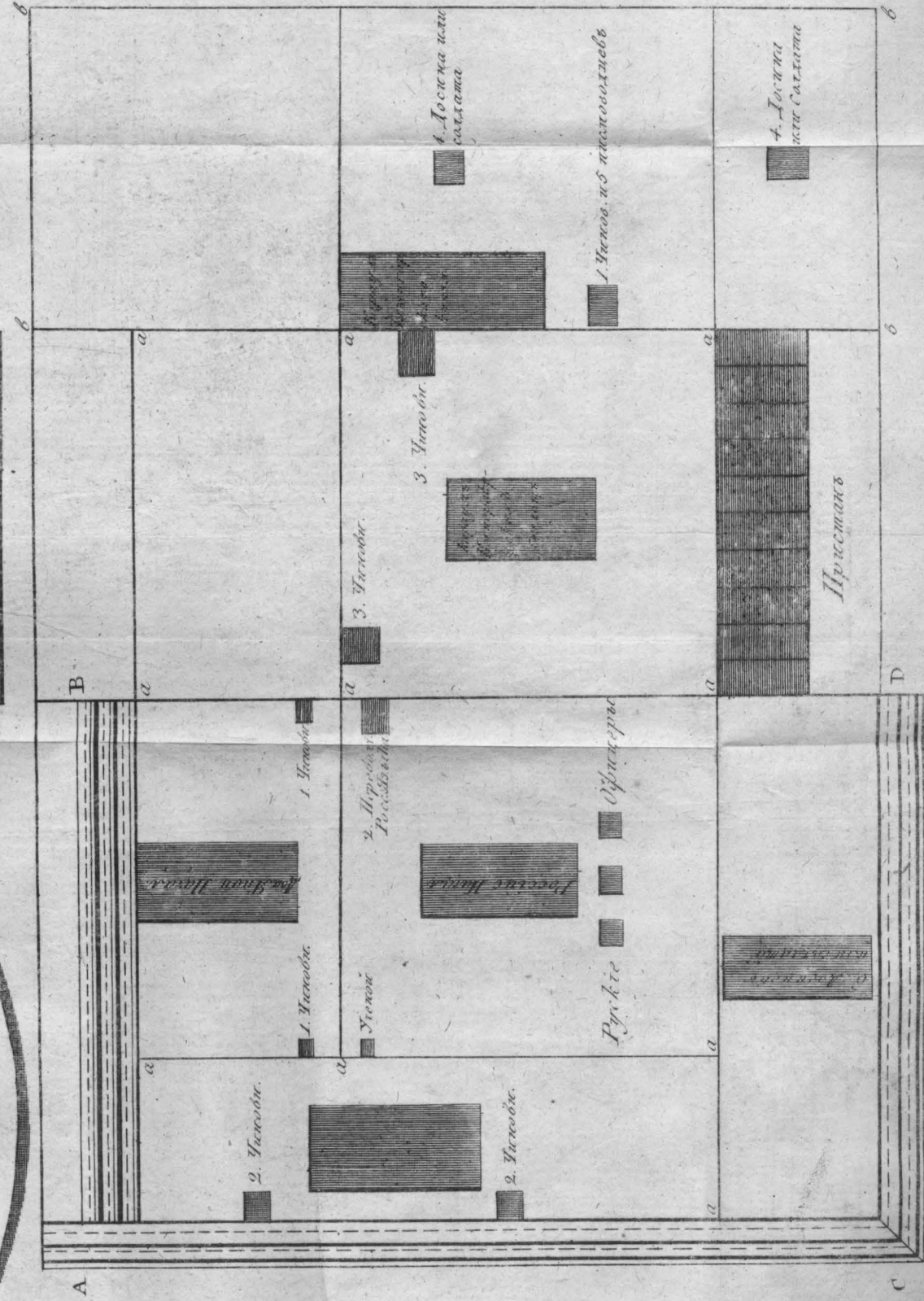
въ 1813 Годау Октября 5 числа

Ружья и пистолеты съ стрѣлами
Пинтирѣнаго князя гвардіаста.

Два фалконета, изъ коихъ одинъ
съ ручья

Изображеніе стѣны противъ
агода въ дѣрзѣ

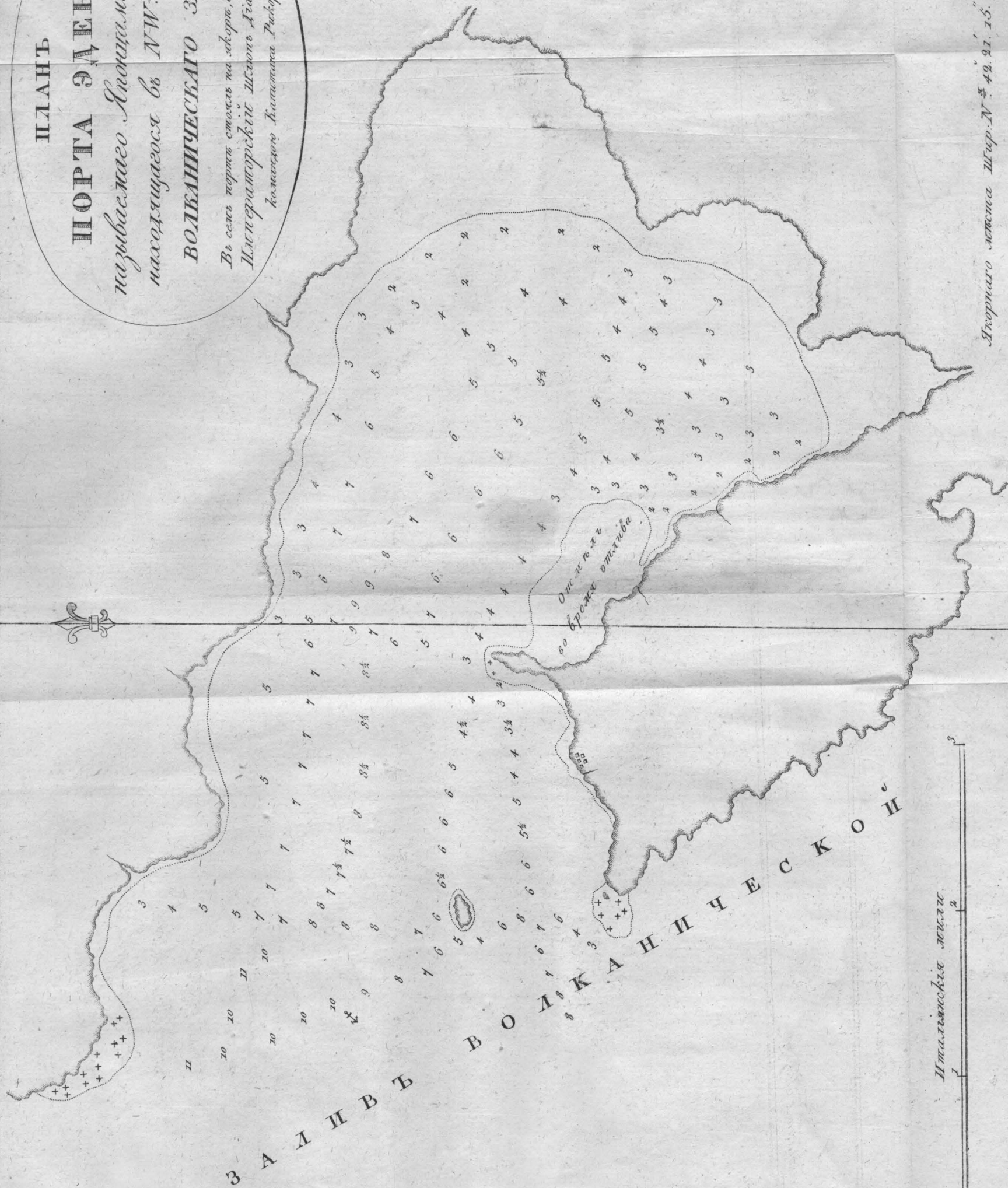

АВ. АС. СД. Наружная ограда, состоящая изъ двойнаго шара.
огражденной и дѣревянной
аааа. Внутренняя ограда, состоящая изъ двойнаго шара, которая, по плану, не
была построена.
7. на стѣнѣ противъ Русскихъ стѣн.

ПЛАНЪ

ПОРТА ЭДЕРМО,
называемаго Японцами ЭДОМО,
находящагося въ $NW^{\text{д}}$ сторонѣ
ВОЛКАНИЧЕСКАГО ЗАЛИВА.

Въ селѣ порта стоялъ на якорѣ, въ 1823 году
Императорскій шлюпъ Агата, подъ
командою Капитана Риборда.

Якорнаго места Шир. $N^{\circ} 42^{\circ} 21' 15''$ Долг. $O^{\circ} 146' 56''$.

ПЛАНЪ

ПОРТА ХАКОДАДЕ

куда заходили шлюпы Диана

въ 1813 году

по плану капитана Рибора

Сверный болканъ

Селенге

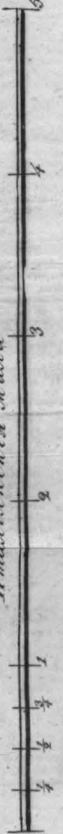
Селенге Окио

Часть ТЫНГАРСКОГО

ПРОЛИВА

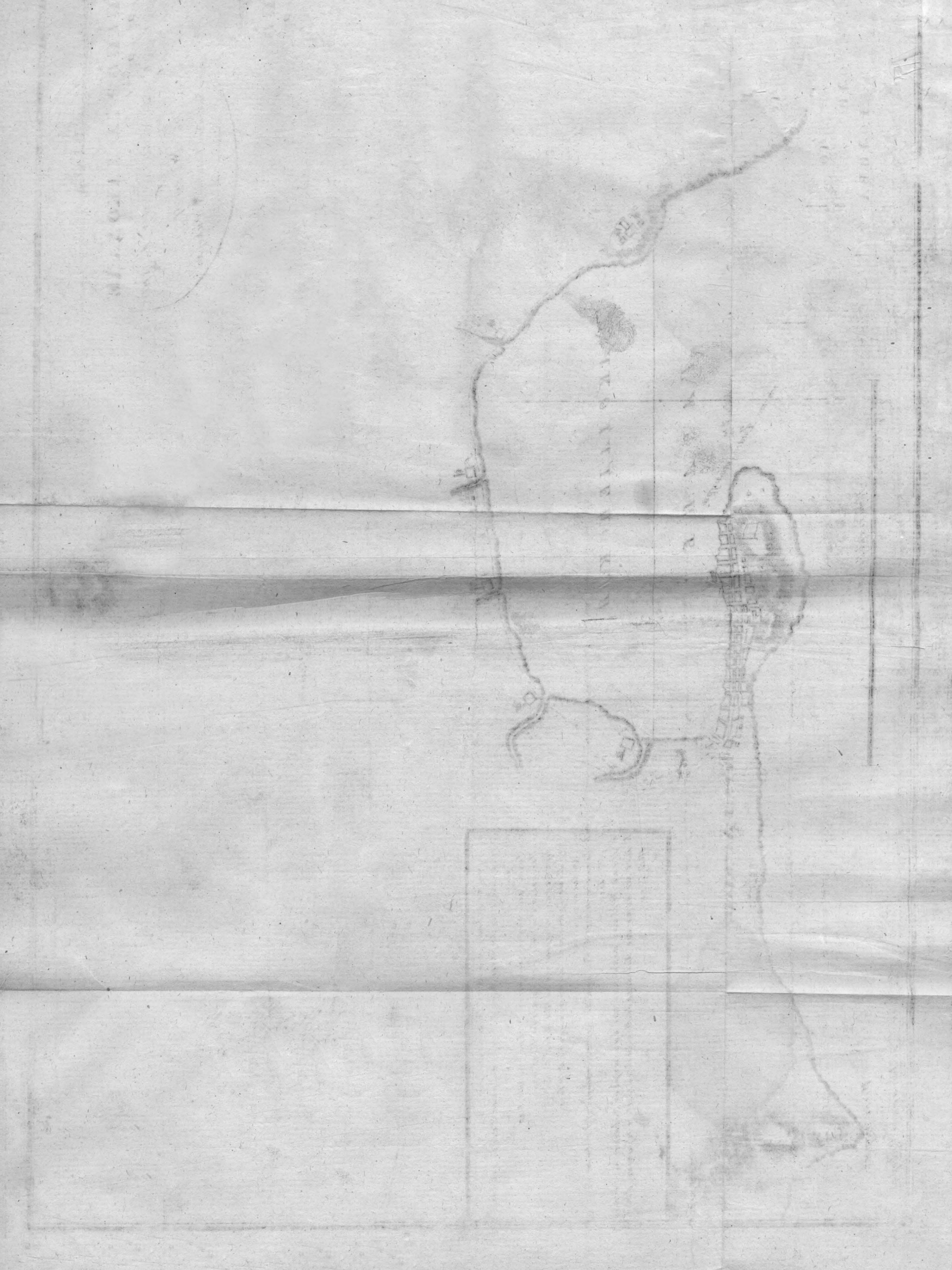
Милъ

Море Японское

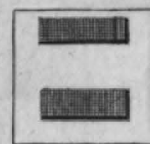
къ Западному Каналу Рибора

а. Крепость, из которой вышел Грономатский.
б. Канальный канал Японской, въ которомъ жили Русские жители
въ 1813 году.
в. Место захватки пленныхъ Русскихъ въ 1811 году.
г. Материнской островъ въ Японской Церкви.
е. Крепость, построенная въ 1811 году.
ж. Канальный канал, построенный въ 1813 году.
з. Канальный канал, въ которомъ переправлялись въ Русские въ
1813 году.
и. Канальный канал, въ которомъ переправлялись въ Русские въ 1811 году.
к. Канальный канал, въ которомъ переправлялись въ Русские въ 1813 году.
л. Канальный канал, въ которомъ переправлялись въ Русские въ 1813 году.

Крепость, въ коей находятся при-
сутственные места и домъ Градо-
начальника.

Казенной домъ, гдѣ содержались
Русскіе, передъ своимъ освобожденіемъ.

Крепость, въ коей находятся
казенные магазины.

ПЛАНЪ
средней части Города
ХАКОДАДЕ,

въ которой полагалось въ 1853 году освобожде-
ніе Русскихъ, взятыхъ въ пленъ Японцами
на Островѣ Кунаширъ
въ 1854 году.

Главная самая длинная

улица Города ХАКОДАДЕ

Наибольшего гарни-
зона казармы

Инструменты, которыми
ловятъ убогающихъ людей

Котлы Тимтарской
газобакны.

Калка съ ведрами для
пожарныхъ службъ

Машень

Флагъ Перемрія

Тюжная

Присутственной домъ буржи

Флагъ 1го Адмирала

Русскіе

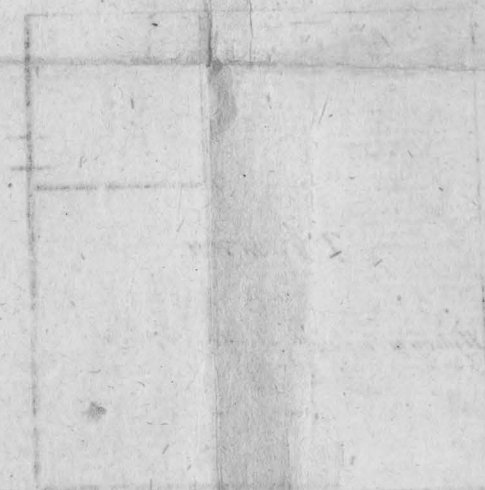
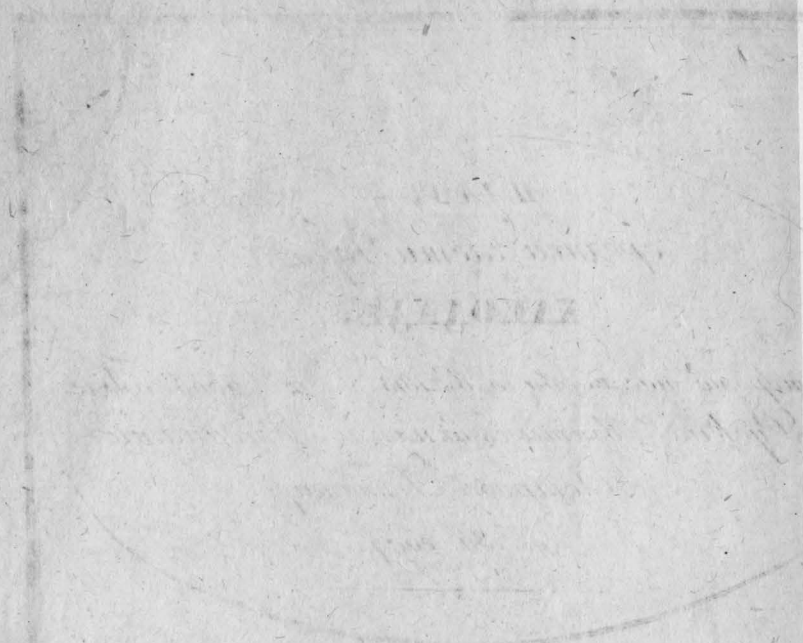
Машинеры Кіе Лоси, пача
сидятъ

Казенное судно

Губерна-
торская
Шанка

Пристань

Изъ Записокъ Капитана Рикорда

28κ

